ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

А. Таланов

НАНСЕН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — увлекательное описание жизни, путешествий и общественной деятельности великого норвежского исследователя Арктики Фритьофа Нансена. Его замечательный переход через Гренландию, знаменитый дрейф во льдах на судне «Фрам» и другие экспедиции явились крупнейшим вкладом в науку.

Нансен был видным общественным деятелем. По окончании первой мировой войны Лига наций назначила его верховным комиссаром по делам военнопленных. На этом посту Нансен отдавал все свои силы помощи жертвам войны.

Великий норвежец с глубокой симпатией отнесся к Октябрьской революции. В 1921 году он организовал международную помощь голодающим Поволжья, активно разоблачал «ведущуюся в капиталистических странах кампанию лжи против Советской России. В знак признательности к его благородной деятельности трудящиеся Москвы избрали Нансена почетным членом Моссовета.

Книга А. Таланова — одна из первых полных научно-художественных биографий Фритьофа Нансена, принадлежащих перу советского автора.

- А. Таланов
  - МАЛЬЧИК ИЗ СТОРЕ-ФРЕН
  - ЧЕЛОВЕК ИЩЕТ СЕБЯ
  - ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ СЕБЯ
  - НАКАНУНЕ
  - ВЕЛИКИЙ ПОХОД
  - ТОЛЬКО УЧЕНЫЙ? НЕТ!
  - ДОМА И НА ЧУЖБИНЕ
  - ПРИГОТОВЛЕНИЯ
  - "ФРАМ" — ВПЕРЕД
  - МОРЕ… ЛЬДЫ…
  - В БЕЛОЙ ПУСТЫНЕ
  - КУРС — СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС!
  - ОБРАТНО!
  - ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ
  - ЛЮДИ! ЛЮДИ!
  - ТРИУМФ
  - ПРОСТО МОРЕ И ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ
  - ИСТИНА ЗОВЕТ К СЕБЕ…
  - В СТРАНЕ БУДУЩЕГО
  - КОГДА НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ТОЛЬКО УЧЕНЫМ…

- СЛУГА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
- ВЗОР ОРЛА
- И ОРЛЫ ЗАКРЫВАЮТ ГЛАЗА НАВСЕГДА…
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. НАНСЕНА
- БИБЛИОГРАФИЯ
  - ТРУДЫ Ф. НАНСЕНА
  - ЛИТЕРАТУРА О Ф. НАНСЕНЕ
- ОБ АВТОРЕ

- notes
  - 1

А. Таланов
Нансен

Русский народ сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина Ф. Нансена

IX Всероссийский съезд Советов

Нансен был велик как полярный исследователь, более велик как ученый и еще более велик как человек

Харальд СВЕРДРУП

МАЛЬЧИК ИЗ СТОРЕ-ФРЕН

Пойдем не торопясь,
внимательно кругом посмотрим,
Ведь на пути такое множество
разбросано красот.

Бьёрнстьерне Бьёрнсон

Головокружительный спуск!

Морозный ветер бьет в лицо колючими иглами. Лыжи подскакивают на сугробах, как на застывших гребнях волн. Длинная тень несется рядом, кидается: из стороны в сторону.

Фритьоф еле справляется с лыжами. Пытаясь умерить стремительность спуска, делает зигзаги, все же лыжи разъезжаются на корке твердого снега. Нет, уж лучше мчаться прямо вниз!

Снег то сияет серебром, то синеет, то от бешеной скорости кажется сплошным белым полотном. Навстречу несутся молодые стройные елки. Конечно, можно было бы срубить елку, сесть на нее верхом и съехать вниз, тормозя ветками. Однако Фритьоф считает, что подобный способ подобает лишь малышам, а когда человеку уже одиннадцать лет, так съезжать с горы просто смешно.

Заяц испуганно выскочил из своей пушистой постели и покатился комком пуха. Санг с хриплым лаем вильнул куда-то вбок, сделав петлю, растворился в снежной белизне. Глупый, старый Санг!

Крутой склон вот-вот должен слиться с долиной, как вдруг возник строй елок. Невозможно проскочить между их сомкнутыми рядами.

Толчок! Фритьоф перекувыркнулся и зарылся носом в сугроб. Больно? Очень! И от досады хочется плакать. Но он, сдерживая слезы, лишь сжал зубы. Приподнялся. Оглянулся. Какое счастье, вокруг никого! Значит, позорное падение не заметил никто, кроме Сан га.

Фритьоф закрепил лыжи, побежал в глубь леса. На снежной скатерти отпечаталась цепочка крошечных шажков мыши. Легко представить, как торопливо она перебирала лапками.

А вот следы покрупней, они тянутся двойным рядом. Это горностай выходил на охоту.

Следует взять оружие на изготовку. Фритьоф снял с плеча лук-самострел. Сам вождь индейского племени команчей не

сумел бы сделать такой превосходный лук! Тугая тетива его из струны рояля, а стрелы со свинцовыми наконечниками отравлены ядом гриба мухомора.

Горностая найти не удалось. Зато на вершине старой ели показалась белка. Фритьоф натянул тетиву, прицелился, пустил стрелу. Недолет! И вторая стрела не достигла цели. Белка даже не шелохнулась на ветке. Экая досада! Отчего же команчам удавалась охота с луком и стрелами?

Но не надо унывать: мужественные индейцы никогда не падали духом. И пора закусить. Фритьоф вынул из-за пазухи сверток с оладьями. Оладьи совсем горячие, как со сковороды. На морозном воздухе от них даже пар валил. Способ сохранять их тепло своим телом Фритьоф открыл недавно и очень тем гордился.

Снег лежал преувеличенно белый, мягкий, похожий на вату под рождественской елкой. Деревья отбрасывали синеватые длинные тени. Тишина царила такая, что в ушах звенело. Вдруг чей-то хохот и голоса нарушили покой леса. Наверно, то парни из Нормаркена. Лучше от них подальше, уж больно они насмешливые, эти парни.

— Санг, за мной! — Фритьоф попытался скрыться в чаще.

Однако голоса послышались громче, явственней. Да, Фритьоф не ошибся: двое парней из Нормаркена возвращались после удачной охоты. И до чего ловкие охотники! Ружья с собой не берут никогда: пули, говорят, только пробивают дыры в мехе. Просто выслеживают куницу в дупле, накрывают его отверстие мешком и стучат колотушкой по стволу дерева до тех пор, пока оглушенный зверек не выскочит из дупла и не попадет прямо в мешок. Много куниц таким образом ловят эти парни из Нормаркена.

Оказывается, они все-таки заметили, как Фритьоф упал на косогоре.

— Так вот кто кувыркнулся носом в сугроб! Сынок секретаря окружного суда господина Бальдура Нансена… — рассмеялся тот, что тащил на спине мешок с добычей.

— Да, он самый! — подтвердил другой, несший тяжелую колотушку. — Далеко забрался, из самой усадьбы Сторе-Френ. Здравствуй, герой!

— Здравствуй, Оле! Здравствуй, Уве! — неохотно откликнулся Фритьоф.

— Лыжи у тебя совсем никудышные! — Оле скинул со спины мешок, видно решил затеять разговор долгий. — Вовсе никудышные, одна коротышка, другая хоть подлиннее, да кривая.

— Отличные палки для пугала на огороде! — рассмеялся

Уве. — Не мудрено, что ты так кувыркаешься.

Что Фритьоф мог возразить? Действительно, лыжи его были из простой сосны и переделаны из двух различных пар, принадлежавших сестрам. Увы! — переделка не пошла в пользу: получились лыжи неодинаковой величины.

Фритьоф молчал в смущении. А Санг заурчал на обидчиков и стал их облаивать.

— Эй, убери пса! — закричал Оле. — Ишь, разлаялся!

— Да и пес никудышный. Старый, глупый пудель!..

— А вы…. вы живодеры и глупее моего Санга! Нормаркенских парней смутить было не так-то легко. В ответ они лишь расхохотались. И кто знает, чем бы кончилась стычка, если бы с лесной опушки не послышался властный голос:

— Что происходит тут? Фритьоф, опусти палку! А вы, дурни, перестаньте дразнить мальчугана. Берите свою добычу — и отсюда марш!

Нельзя ослушаться человека, говорящего так решительно. Озорники Оле и Уве не заставили повторять приказание дважды. Вмиг след их простыл.

— Здравствуйте, господин Фабрициус! — обратился Фритьоф к рослому, плечистому старику в меховой куртке.

— Здравствуй, путешественник! Далеко забрался. Небось фру Нансен тревожится, где сынок запропастился. Э-э-э, да что это у тебя на лбу? Ну и шишку набил себе! Подрался?

— Нет! Упал. С горы… Кровь? Ничего особенного… Вы не думайте, господин Фабрициус, что я испугался этих парней из Нормаркена. А Санга я обижать не позволю. И лыжи мои назвали никудышными…

— Не кипятись!

— Нет, вы только посмотрите, как я снова спущусь с горы. Смотрите! Санг, за мной!

— Погоди! С такой крутизны упадешь — расшибешься…

Напрасны уговоры. Мальчуган и вслед за ним пудель исчезли в белоснежной бездне.

— И в кого такой уродился? Молодец! — улыбнулся в седую бороду Фабрициус. — Все-таки лучше подожду, пока он вернется…

Старик сел на пенек, вынул из кармана коротенькую трубочку, закурил задумчиво.

Владелец небольшой типографии, был он давним другом отца Фритьофа — Бальдура Нансена. Связывали их и деловые отношения: секретарь окружного суда заслужил добрую славу честного стряпчего. Прилежный, трудолюбивый человек! Правда, Фабрициус не сказал бы, что семья Нансенов живет в полном

достатке. Если бы не деятельная хозяйка Сторе-Френ, то семье приходилось бы туговато.

Как различны натуры родителей Фритьофа! Тщедушный, сухонький Бальдур Нансен в своем темном сюртуке и широкополой шляпе походит скорее на пастора, чем на юриста, так он неизменно размерен, аккуратен и тих.

Зато фру Аделаида Нансен кажется олицетворением подвижности. Урожденная баронесса Ведель-Ярлберг, она чужда аристократической чопорности, пренебрегает всякими условностями. Не считаясь с мнением света, что женщинам неприлично заниматься спортом, бегает на коньках и на лыжах, не брезгует никакой работой. Случается даже, что помогает служанке стирать белье. Трудится и в саду и на огороде, сама обшивает детей, а на досуге много читает.

Фритьоф весь в свою мать — такой же подвижный, смельчак. Впрочем, кое-что заимствовал он и от отца — в характере его настойчивости и дотошности хоть отбавляй.

— А вот и я! — веселый мальчишеский голос вывел старика из задумчивости.

— Что с тобой, парень?

— Опять упал. Лыжа одна отстает, другая рвется, вперед…

— Да, лыжи твои действительно никудышные. Ну что ж, жди от меня подарок. Новые…

— Настоящие?

— Самые лучшие, такие, что станешь чемпионом нашей округи.

— Благодарю, господин Фабрициус!

— А теперь идем в Сторе-Френ…

Безгласный зимний лес поглотил в своей чаще седобородого старика и шедшего рядом юнца. Шагали они неторопливо, молча, словно боясь нарушить величественный покой окружающего мира.

Если учитель арифметики входил в класс и сразу, не говоря ни слова, шел к высокой кафедре, это было верным признаком, что он в дурном настроении. Но сегодня все вышло иначе, хотя учитель в ответ на общее приветствие: „Здравствуйте, господин Трюгве!“ — лишь торопливо кивнул головой.

— Дети! — произнес он, взяв одну из принесенных с собой тетрадей. — Задача, которую я задал для домашней работы, была не из легких. Мало кто из вас правильно решил, сколько прибыли получил рыботорговец, продавая свой товар на два скилинга дороже, чем раньше. И тем более порадовал меня ученик, который не только нашел верное арифметическое решение, но

сделал это и алгебраическим способом. А ведь алгебру вы начали изучать совсем недавно. Значит, он способный, отличный математик. Кто он? Мальчик, непостоянный в прилежании и потому не достигающий должных успехов. Зовут его Фритьоф Нансен!

Фритьоф просто не поверил своим ушам, услышав после слов „отличный математик“ свою фамилию. К математике он не питал особой склонности и алгебраическое решение задачи сделал лишь для забавы, нисколько не помышляя заслужить одобрение господина Трюгве.

Лестные слова учителя тронули его мало, потому что мечтал он совсем о другом. Если бы кто-нибудь спросил: „Что ты сейчас хочешь более всего?“ — Фритьоф ответил не задумываясь: „Сделать такой самострел, чтобы можно было бить белок без промаха!“

Учитель вызывал к доске то одного, то другого ученика.

— Ялмар Гундерсен! Реши задачу: „Купец продал двадцать кусков сукна первого сорта и в три раза больше второго сорта. Сколько крон заработал купец, если…“

— Оттар Стефенссен! Сколько нажил рыботорговец, который…

— Оле Больстад, как велик барыш виноторговца, если он…

Господин Трюгве скрипучим голосом диктовал задачи, в которых неизменно кто-нибудь что-нибудь продавал, покупал, наживал.

Фритьоф рассеянно глядел в окно. Подсчитывать чужие барыши было невмоготу.

„А что, если вместо лука-самострела сделать ружье? Настоящее ружье из водопроводной трубы, и чтобы стреляло оно картечью, нарубленной из гвоздей. С таким ружьем можно смело охотиться в лесу на любого зверя…“

Фритьоф даже подскочил от такой блистательной мысли. Но — порох… Где достать порох?

Как истый изобретатель, он был целиком захвачен своим замыслом. Даже громкий звонок, возвестивший перемену, не отвлек. Когда школьники гурьбой выбежали в коридор, Фритьоф остался в классе один. Светловолосая голова его низко склонилась над книгой. Но он только делал вид, будто читает. Пускай все полагают, что он увлекся книгой, и не мешают ему изобретать.

— Эй, Нансен! Чего расселся? Ишь, великий математик!.. Сколько будет дважды два? Пять? Докажи алгебраическим способом. Ну, чего молчишь?

Разумеется, так мог приставать только Карл Дауес,

Считавший себя первым силачом в классе. Подкрался он незаметно и решил подразнить Фритьофа. Между ними вражда давняя: Фритьоф тоже считает себя первым силачом в классе.

— Отстань! — крикнул Фритьоф.

— А вот не отстану!

— Брысь!

Сам брысь! — Карл толкнул локтем.

Не смей!

— Ага, боишься… Трус!

Фритьоф бросился на обидчика. И началась драка.

Кулаки… Тумаки… Синяки…

То была извечная драка школьников, о которой не стоило бы упоминать, если бы в ней не проявился характер Фритьофа. Он наступал, хотя сразу определилось преимущество толстяка Карла. Неповоротливый, зато нечувствительный к боли, Карл дрался отчаянно.

— Сдаешься? — предложил он.

— Нет!

Огромный, вспухший под глазом синяк мешал Фритьофу видеть противника. Все же он упорно шел в наступление, несмотря на то, что из носа текла кровь и под глазом вспух новый синяк.

Только вмешательство господина Трюгве заставило прекратить эту драку, которую даже видавшие виды второгодники вспоминали потом с восхищением. Учитель применил своеобразный воспитательный прием.

— Драчуны, — распорядился он, — после занятий останьтесь в пустом классе. Сидите там вдвоем, смотрите друг на друга и стыдитесь! Стыдитесь!

После занятий Фритьоф и Карл остались в пустом классе. Соперники сидели на партах насупившись. Только иногда взгляды их скрещивались, и затем снова каждый глядел в сторону. Так прошла минута, другая, еще несколько. Время тянулось невыносимо медленно.

Первым нарушил молчание Фритьоф.

— Ну… — произнес он, не оборачиваясь.

— Ну… — откликнулся Карл, тоже не отрывая взгляда от противоположной стены.

— Глупо ссориться! Помиримся!

Они обернулись. Посмотрели друг на друга.

— Я все думаю… — заметил Фритьоф.

— О чем?

— Как получить порох?

— Очень просто!

— Как?

— Надо достать фейерверки. В них много пороха.

Вскоре, когда учитель заглянул в класс, он увидел, что недавние противники сидели рядом и, забыв о недавней драке, с увлечением обсуждали какие-то свои мальчишеские дела.

Усадьба Сторе-Френ ничем не отличается от других хуторков, плотным кольцом окружающих Христианию. Постройки крыты такой же красной черепицей и так же утопают в зелени елового леса. Но слово „усадьба“, пожалуй, звучит слишком громко для клочка земли, на котором умещаются лишь обветшалый дом, коровник и хлев. Правда, раздолье вокруг! Рядом бежит стремительная горная речка, в прохладной воде ее обилие форелей. А за холмами видны башни старинной крепости, она у самого берега неоглядного моря.

Если же забраться на Трювандский холм, то перед взором откроется Нормаркен — страна скалистых гор и непроходимых лесов, где среди дикой природы можно вволю насладиться жизнью Робинзона Крузо. Но, разумеется, без ружья делать там нечего.

Вот почему Фритьоф уединился на мансарде дома в усадьбе Сторе-Френ — мастерит ружье для охоты на зверей и птиц в нормаркерской чаще. Уже почти все готово. Обрезок водопроводной трубы — ствол ружья — он набил порохом, извлеченным из фейерверочных гильз.

И приступил к испытанию.

Фритьоф чиркнул серной спичкой о стекло окна. Поднес ее к запальнику в стволе. Но фейерверочный порох не вспыхнул. Пришлось зажечь другую спичку и еще две. И вдруг оглушительный взрыв! Вдребезги разлетелись стекла окна. Мансарда наполнилась удушливым дымом. Лицо изобретателя, опаленное, с крупинками пороха в коже, окрасилось кровью.

Таким увидела сына фру Нансен, вбежав на мансарду. Любая мать на ее месте остолбенела бы от испуга. Но фру Нансен никогда не терялась.

— Открой глаза, Фритьоф! — твердо произнесла она. — Видишь?

— Да, мама.

— Глаза, значит целы. Не бойся!

— Я не боюсь, мама.

— Больно?

— Очень!

— Терпи, пока вытащу крупинки. Вон сколько их попало под кожу!

Умелые руки у фру Нансен! Легче переносить боль, когда чувствуешь прикосновение таких решительных, заботливых рук. Фритьофу очень хотелось плакать, но он не издал ни стона, ни жалобы, пока мать извлекала проклятые порошинки.

— Теперь отправляйся в кабинет отца. Посиди там спокойно, пока утихнет боль. А я тут займусь уборкой… — сказала фру Нансен по окончании операции.

Ни слова упрека не услышал сын от матери. Наоборот, вдогонку донеслось:

— Возьми из буфета конфет…

Фритьоф любил бывать в кабинете отца, где царил какой-то особый, строгий порядок и где ни один предмет не походил на вещи, которыми пользуются прочие люди. Тут было много любопытного: блиставшая медью раздвижная подзорная труба, деревянный музыкальный ящик с заводной ручкой и стальными зубчатыми пластинами, часы с кукушкой, которая каждые полчаса выскакивала „аружу, взмахивала крылышками и громко куковала.

Со стен комнаты строго глядели потемневшие, писанные масляными красками портреты. То были предки отца, о жизни которых семейное предание хранило подробности, волновавшие воображение.

Вот знаменитый Ганс Нансен. Фритьоф чуть побаивался острого, прямого взгляда своего прапрадеда, но он не мог не любоваться его черным бархатным камзолом с белым жабо и медалью с изображением короля, висевшей на золотой цепи.

Этот поистине замечательный человек жил в Дании в середине ХУП века. Уже с юности отличался он поразительной настойчивостью, твердостью характера и жаждой деятельности. Шестнадцати лет от роду совершил сказочное по тому времени путешествие на корабле на самый край света — в далекое Белое море. Ганс Нансен выучил русский язык, пешком прошел от Кольского полуострова через всю Московию до города Ковно и только оттуда отправился на родину.

Отец с гордостью рассказывал детям историю прославленного предка. Право, можно было позавидовать, сколь много тот путешествовал и. сколь много преуспел в своей жизни. Датский король Христиан IV назначил молодого Ганса Нансена (тогда ему исполнился только 21 год!) начальником экспедиции, посланной за пушным зверем на Печору. Сам русский царь Михаил Федорович проведал о смелом мореплавателе и поручил ему обследовать беломорское побережье.

Много лет плавал Ганс Нансен по разным морям и за это время написал книгу „Компендиум космографикум“. Экземпляр

ее, в числе других семейных реликвий, Бальдур Нансен бережно хранил в особой шкатулке. Показывая эту книгу, отец говорил, что когда-то она была настольной у моряков и даже у простых граждан. Почему? Потому, что в ней собраны всевозможные знания по астрономии, физике, географии, истории и другим наукам, а также имеются таблицы высоты небесных светил, приливов и отливов, восхода и захода солнца и другие полезные сведения.

— Труд этот свидетельствует о всеобъемлющих знаниях нашего великого предка! — с чувством произносил Бальдур Нансен и, обращаясь к детям, добавлял нравоучительно: — Вы, мальчики, Фритьоф и Александр, должны во всем следовать примеру своего прапрадеда. Помните, он был не только выдающимся мореплавателем и ученым, но являл также образец гражданских доблестей. Жители Копенгагена избрали его своим первым бургомистром. Ганс Нансен оправдал их доверие, как честный, деятельный градоправитель. А в войну Дании со Швецией он выказал и военные таланты: под его водительством копенгагенцы героически выдержали осаду и штурм города.

— Значит, и мы датчане? — спросил Александр, младший брат Фритьофа.

— Нет! Уже мой дед Ангер Антоний Нансен переселился в Норвегию и положил основание норвежской линии нашего рода. А отец мой Ганс Сейердаль был пламенным патриотом, борцом за освобождение Норвегии от подчинения Швеции. Увы! Родина и поныне находится в зависимости от соседнего государства.

А вот и портрет бабушки Фритьофа в небольшой овальной рамке. Красавица Венделия Христиана Луиза знала много языков, обладала поэтическим дарованием.

Слушая рассказы отца, Фритьоф старался представить людей, портреты которых видел: ученые, путешественники, государственные деятели и простые, честные граждане — они беззаветно любили и прославляли родину. Примером своей жизни они звали на подвиг и указывали путь, по которому должно следовать. Люди эти оживали в воображении Фритьофа и как будто обращались к нему, своему потомку: „Продолжай дело нашей жизни! Исполни то, что мы не успели свершить в свой век“.

— „Когда лист на дубе становится в мышиное ухо, форель клюет на муху“, — так говорил мне Оле Кнуб. Тот самый Оле Кнуб, что живет в долине Серке в Нормаркене.

— Неужели ты собираешься в Серке, Фритьоф?

— Форелей наловим уйму! Будем жарить прямо на углях.

— Далеко! Родители нас не отпустят.

— Эх, Александр, всегда ты робеешь. Читал я в одной книге… Понравилось, даже выучил наизусть. Погоди, вспомню… Вот: „Драгоценный камень не блестит без шлифовки, а человек не достигает совершенства без испытаний“. Это надпись в китайском храме Неумирающей гармонии.

— Что такое Неумирающая гармония?

— Не знаю, но что-то очень интересное. Значит, ты не пойдешь со мной к Оле Кнубу в долину Серке?

— Конечно, пойду.

Братья готовили рыболовную снасть, расположившись в саду за домом в Сторе-Френ. Трудились оба старательно, с полным знанием дела. Еще бы! Рыболовы они завзятые, и собрались не к ближайшей речке, а в обетованный Нормаркен. Там рай для охотников и рыболовов. Попасть туда — давнишнее желание Фритьофа. А у него нет неисполнимых желаний.

Поход начался в тот же день.

Полдень застал братьев в глухом лесу, где самые настойчивые лучи солнца не могли пробить плотный зеленый полог. Было прохладно и почти темно. Фритьоф с трудом продирался сквозь чащу, перепрыгивая через стволы деревьев, поваленные буреломом.

Лес менял свой вид: приходилось то взбираться на пригорки, то обходить топкие низины. Иногда лес уступал место зеленым лугам, на которых паслись овцы с ягнятами.

Понимание красоты природы доступно не каждому. Свойством этим может обладать даже юнец, но, случается, оно отсутствует у взрослого. Чувство это, вероятно, зависит от богатства души человека. Так или иначе, Фритьоф им обладал, потому у него вырвалось:

— Тут как в сказке!

Впрямь вокруг было красиво. Лесное озеро уставилось в небо своим голубым русалочьим глазом, а небо радостно глядело вниз на необъятный лес, полный сокровенных тайн, доступных лишь тем, кто ценит истинную прелесть природы.

Мальчики брели дальше и дальше в зеленую, темную глубь. Лесу, казалось, не будет конца. Но вдруг деревья стали редеть, и впереди снова открылась светлая полоса.

— Долина Серке! — Фритьоф бросился к шустрой речке, бурлившей внизу.

Вода, вспененная на каменистом ложе, опрометью мчалась к гладкому плесу. Смирив там свой бег, она образовала глубокие заводи и была такой тихой, прозрачной, что видно было, как форель ходит кругами.

Рыболовы торопливо размотали удочки, нацепили на крючки наживку и забросили на середину заводи.

Прошла минута, другая и еще много минут, но рыба не клевала.

Тяжелые свинцовые тучи надвигались из-за леса.

Рыба упорно не клевала.

Вдруг упали тяжелые капли и разбили зеркало тихой заводи. Гром пророкотал и с грохотом прокатился в скалах узкой долины. Молния рассекла небо золотым зигзагом. Гроза началась. Рыболовы спрятались в нише гранитной скалы. Струи воды достигали и сюда, все же за гранитным укрытием было как-то спокойнее.

— Нечего удивляться, что рыба не хотела клевать, — сказал Фритьоф. — Рыба чует грозу.

— Да, тогда ее ничто не соблазняет, — солидно подтвердил Александр.

Укрываться от грозы не пришлось долго. Черные тучи умчались так же внезапно, как и налетели. Солнце опять засияло победно.

— Пойдем на новое место! — сказал Фритьоф. — Вот под той скалой может водиться крупная форель.

Фритьоф забросил в стремнину леску и, подтягивая ее, начал пробираться вдоль скалы. Прошел всего несколько шагов. И — хвать! Рванило так, что толчок отдался во всем теле. Удилище выгнулось дугой. Всплеск! В воде мелькнула темная спина, взметнулся гибкий хвост. Форель!

— Тащи! — крикнул Александр.

— Рано! Пускай сначала потянет… — Фритьоф крепко сжал удилище.

Леса туго натянулась струной. Форель кружила, потом понеслась в сторону.

Фритьоф побежал по берегу, перепрыгивая с камня на камень, спотыкаясь, плюхаясь в воду, взметая фонтаны брызг, но не выпустил из рук удилище. На излучине реки произошла решительная схватка. Фритьоф знал, что леска, хотя и тонкая, достаточно прочна и выдержит напряжение, а гибкое ореховое удилище тоже не так-то легко сломать.

Форель кружилась на месте, то рвалась вбок, то ныряла вглубь. Рыбак заодно со своей добычей выплясывал дикий танец на берегу. Лицо его раскраснелось, пот катил градом, глаза уставились в точку, где леска скрылась в воде.

Наконец форель, обессилев, сдалась: всплыла, перевернувшись брюшком кверху. Фритьоф осторожно подтянул ее к берегу. Вытащил! Рыба затрепыхалась на песке, разинула

пасть, большая, блестящая.

Фритьоф не мог скрыть своей радости, его большие 'голубые глаза сияли от счастья. Он ощущал себя мужественным, сильным, ну совсем таким, как сам Робинзон Крузо.

Вскоре на берегу запылал костер, длинные языки его лизали ветви сосны, заставляя сочную хвою лопаться от жары. А торжествующие охотники подбрасывали в огонь еще и охапки хвороста.

Когда люди так юны и счастливы, время проносится удивительно быстро. Ни Фритьоф, ни его браг не заметили, как подкрались сумерки, сделав окружающий мир таинственным, необъятным.

Костер уже догорал, но под сероватым пеплом еще тлели угли. У самого края костра, тесно прижавшись. друг к другу, спали братья. Рядом дремал усталый Санг. Вдруг он взвизгнул и, все так же лежа, не подымая головы, быстро задвигал лапами. Ему что-то приснилось: то ли заяц, за которым он побежал вдогонку, то ли соседская кошка, встречи с которой неизменно завершались яростной схваткой.

Фритьоф приподнял голову, оглянулся тревожно. Вокруг никого, ничего. Неугомонная река все так же шумно, безостановочно продолжала свой бег к морю. Издали донесся вопль ночной птицы. Затем какой-то шорох и подозрительный треск ломающихся веток послышались так близко, что Санг вскочил на ноги. Страшно в таком темном лесу. И давно пора домой!..

— Эй, проснись, вставай! — Фритьоф принялся; расталкивать брата.

Александр трусил, потому прикидывался совсем сонным. Пришлось попрыскать его холодной водой из реки. Живо вскочил!

Фритьоф взял брата за руку и повел в таинственный лесной мрак.

Нет нужды описывать путешествие, полное явных и мнимых опасностей. Кто не знает, как в детстве пугает лесная темь, населенная неведомыми сказочными существами. Обычно молчаливая, чаща вдруг оживает: то послышатся в ней какие-то странные, пугающие голоса, то вспыхнут яркими огоньками чьи-то следящие глаза, то возникнут и вмиг исчезнут огромные, чудовищные тени. Конечно, это балуются лешие, водяные, вурдалаки и прочая нечисть, испокон века обитающая в лесном царстве.

А как коварны в лесу ямы, скрытые буреломом, и совсем не легко вскарабкиваться на отвесные скалы, продираться сквозь колкие кустарники и тесный строй деревьев, простирающих

навстречу свои длинные, цепкие лапы!

Если забредешь в дебри Нормаркена ночью, то испытаешь невесть какие страхи. На каждом шагу там подстерегают опасности, рожденные вымыслом и действительностью.

Нет людей, ничего не боящихся. Храбрец, как и все люди, испытывает страх, однако он преодолевает его и смело идет навстречу опасности. Фритьоф и его младший брат в испуге шарахались от собственной тени. Александр даже всплакнул, когда из зарослей папоротника неожиданно выскочил лохматый черный зверь.

— Стыдно плакать! — прикрикнул Фритьоф, хотя сам изрядно струхнул, приняв Санга за волка. — Не будь плаксой! Ты не маленький, надо сдерживать себя.

Последние слова часто приходилось слышать от матери, и Фритьоф даже повторил их с той же суровой и одновременно нежной интонацией. Покровительственно взял он младшего брата за руку и повел навстречу грозным лесным призракам.

Брели они в полном молчании, долго. В темноте спотыкались, падали, а поднявшись на ноги, снова упорно продирались сквозь зеленые преграды. Не скоро выбрались из нормаркенской чащи. Когда, наконец, показалась усадьба Сторе-Френ, настала уже глубокая ночь.

— Что там за огоньки? — прошептал Александр. — Бон в роще и на берегу тоже… Бегают с фонарями. Что случилось?

— Нас ищут. Беспокоятся, думают, утонули… — мрачно откликнулся Фритьоф. — Ну и попадет нам!..

Мужество вовсе покинуло его, когда из темноты послышался голос матери:

— Вы ли это, дети? Где пропадали?

В семье Нансенов ложь считалась самым великим грехом: „Лгут только трусы. Говорите всегда правду!“ Потому на вопрос матери Фритьоф ответил без-обиняков:

— Ходили в долину Серке!

Наступило молчание. Теперь следовало ждать серьезного наказания. Но мать только промолвила:

— Вот удивительные дети! — И добавила задумчиво: — Особенно ты, Фритьоф…

Ни слова упрека! А в глазах матери стояли слезы… Через несколько дней фру Нансен поступила совсем неожиданно.

— Мальчики! — обратилась она к сыновьям. — Если хотите ловить рыбу в Нормаркене, идите. Мы так решили с отцом. Можете заночевать в хижине Оле Кнуба. Сегодня его жена приносила ягоды, говорит, в долине Серке ягод сколько угодно. А форель, клюет даже на муху.

Братья опешили, услышав эти слова. Родители, обычно державшие их в строгости, вдруг сами предлагают отправиться в дальний поход. Что-то тут неспроста! Видно, решили воспитывать на новый лад. Во всяком случае, мальчики не заставили себя уговаривать, живо собрались в путь.

Мать долго смотрела им вслед, и снова глаза ее затуманились, когда взгляд упал на старшего сына.

— Фритьоф… — тихо прошептала она. — Надежда моя…

С тех пор родители не стесняли свободы детей, особенно своего старшего сына.

Леса и горы вокруг усадьбы Сторе-Френ и зимой не теряли своей красоты. Природа просто сменяла свой легкий зеленый наряд на снежную шубу.

Едва полетели белые мухи — предвестницы грядущей зимы, Фритьоф вышел на городскую дорогу и стал караулить. Кого? Человека, который заронил мечту о великом мальчишеском счастье.

Старый типографщик всегда точно в одно 'время ходил к себе на работу. Караулить пришлось недолго. Едва показалась его высокая фигура и седая борода, Фритьоф бросился навстречу.

— Здравствуйте, господин Фабрициус!

— А-а-а, мой юный друг! Небось с поручением от господина Бальдура Нансена? Или фру Нансен что-нибудь просит для хозяйства захватить из города?

— Нет, господин Фабрициус! У меня личное дело.

— Личное? Ишь ты!.. Говори!

— Что же лыжи-то? А?

— Какие?

— Те, что вы обещали подарить.

— Ах, вот в чем дело! Получишь, получишь… Фабрициус, видно, спешил, и разговор оборвался.

Через несколько дней Фритьоф опять подкараулил его на дороге. И снова повторил свой вопрос:

— Что же лыжи?

— Получишь, получишь. Настойчивый, упорный ты, паренек! — рассмеялся Фабрициус. — Запомни: „Все приходит вовремя для тех, кто умеет ждать“.

Сверкающий белый полог уже плотно укутал землю, когда, наконец, свершилось то, о чем так мечталось. Однажды, только Фритьоф вернулся из школы, младшая сестра Ида радостно сообщила:

— Посылка тебе! Большая-большая… Длинная… Кажется, из Парижа…

— Выдумщица! Вечно сочиняешь всякие сказки… — Фритьоф даже рассердился на шутку сестры.

— Нет, правда. Вот за дверью!

Действительно, хотя не из Парижа, что для красного словца придумала фантазерка Ида, — за дверью, прислоненные к стене, стояли лыжи. Новые… Настоящие…

Как зачарованный Фритьоф глядел на предмет, казавшийся самым прекрасным из всего, что когда-либо делали человеческие руки. Долго не мог он оторвать взгляда от чудесного изделия из ясеневого дерева, покрытого блестящим лаком, с наведенными сверху красными и черными полосками.

Счастье душило его, слова застревали в горле. Схватив долгожданный подарок, он, как был, не одеваясь, без шапки выбежал из дому.

Вскоре на горе Хусебю, крутые склоны которой были доступны только самым отчаянным лыжникам, появился новичок, изумивший всех своей отвагой и ловкостью. Взобрался он на вершину горы, разбежался и прыгнул с высоты ее отвесного края-трамплина.

Нельзя было не залюбоваться вихревым полетом над снежною бездной! Но внизу лыжи зацепились за что-то, оторвались, а сам лыжник, продолжая полет, описал в воздухе дугу и ткнулся головой в глубокий сугроб.

Очевидцы решили: сломал парень шею. А он хоть бы что!. Выкарабкался из снежного плена и как ни в, чем не бывало опять полез на вершину горы. И снова повторил свой отчаянный прыжок.

Норвежские зимы морозные, снежные, долгие. Неудивительно, что Фритьоф, как большинство его сверстников, увлекался зимним спортом. И успехов. в том достиг выдающихся. Семнадцати лет он стал чемпионом Норвегии, а затем мира по скоростному бегу на коньках.

Лыжи принесли ему особенно большую спортивную славу. Двенадцать лет подряд побеждал он на соревнованиях в длительных лыжных переходах. Притом победы-то были не легкие: норвежские лыжники большие искусники!

Спорт не затмил других интересов юноши. А круг их был очень широк. Успешно закончил он среднюю школу и, выбирая дальнейший жизненный путь, даже несколько растерялся. Сначала чуть не избрал военное поприще. Потом решил изучать медицину. В конце концов занялся зоологией.

Что это — неуравновешенность? Нет, нисколько! Характер Нансена всегда отличался целеустремленностью, твердостью.

Если вдуматься глубже, колебания его на пороге жизни не покажутся столь противоречивыми. Охотник в дремучих лесах Нормаркена, Фритьоф привык к походным лишениям и, понятно, отдал дань юным мечтам о военной славе. А любовь к природе породила стремление к естествознанию. Все это уживалось в одной душе, будя в ней противоборствующие силы.

Душевные борения, разумеется, разрешились не сразу, не просто. Для того потребовалось время и серьезные жизненные испытания.

ЧЕЛОВЕК ИЩЕТ СЕБЯ

Большими глотками я глотаю пространство,
Запад и восток — мои, север и юг — мои,

Уолт Уитмен

Буревестники, распластав серые крылья, парят совсем низко и вдруг, не шелохнув ими, будто нарушая закон тяготения, взмывают ввысь. Свинцовое небо тяжело нависает над громоздящимися горами воды, они вздымаются все выше и выше, внезапно рассыпаются и белой пеной заливают палубу «Викинга».

А мачты так гнутся под напором ветра и от тяжести парусов, что кажется, вот-вот затрещат и сломаются. Но капитан Крефтинг и в свежий ветер любит ходить под парусами. Бывалый, отважный моряк!

К ночи ветер крепчает и разводит еще большую волну. Из мрака с грохотом налетают бесконечные каскады воды. Без устали, без передышки раскачивают они судно.

«Викинг» держит курс на север — к Шпицбергену. Это первое полярное плавание корабля и единственного на нем пассажира, Фритьофа Нансена.

Как он, студент университета города Христиании, попал на судно, отправляющееся на зверобойный промысел?

Началось все с увлечения зоологией — предметом необязательным в курсе университетских наук. Профессор зоологии Коллет, заметив живой интерес молодого студента к своему предмету, посоветовал:

— Занимайтесь изучением биологии тюленя. Вопрос этот важен не только для науки, но имеет также огромное значение для развития зверобойного промысла. Вы страстный охотник, отличный спортсмен и, я полагаю, не испугаетесь трудностей экспедиции на север.

— Такое дело было бы мне по душе! — горячо согласился студент. — Но как его осуществить?

— Обратитесь к тюленепромышленникам!

Фритьоф рьяно принялся хлопотать. Прежде всего разузнал, что средизверобоев самым опытным, хотя и отчаянно смелым, считается капитан Аксель Крефтинг.

— Возьмите меня с собой на промысел! — попросил он капитана.

Аксель Крефтинг, порасспросив студента, ответил:

— Как видно, вы не трус, я не прочь взять вас с собой. Однако следует еще получить разрешение пароходной компании, которой принадлежит «Викинг».

Контора компании находилась в гавани Арендаль. Надо было ехать туда. У Бальдура Нансена оказался там влиятельный знакомый, который отрекомендовал Фритьофа как выносливого, энергичного молодца. Владельцам «Викинга» понравилась характеристика, и они дали согласие включить молодого зоолога в состав экипажа.

Сборы были недолги. В ночь на 11 марта 1882 года «Викинг» покинул живописную Арендальскую гавань. На восходе солнца судно уже миновало пролив у маяка Турунгена и вышло в открытое море.

Ближайшей целью экспедиции был остров Ян-Майен, где у кромки льда обычно находились «детные залежки». Так назывались места, на которых гренландские тюлени собирались стадами в десятки тысяч голов. Напав на такую залежку, зверобои приносят владельцам судна огромные прибыли, да и сами не остаются в обиде. Правда, далеко не всегда выпадает такая удача.

«Викинг», оснащенный парусами, имел вспомогательную паровую машину. Судно небольшое, всего в шестьсот тонн, строилось специально для плавания в полярных условиях. Корпус его был укреплен не только двойной обшивкой, но сверх того особой обшивкой из прочного вест-индского дерева гринхирта. Балки форштевня были толсты и обиты железом.

Гибельные сжатия дрейфующих льдов такому крепышу казались не страшны. И все же… Впрочем, не стоит опережать события.

На седьмой день плавания произошла первая встреча с полярными льдами. Случилось то поздним вечером, когда Фритьоф услышал чей-то взволнованный крик:

— Льды! Льды…

Мигом выбежал он на палубу. В темноте сначала не удавалось различить ничего. Затем во мраке показалось что-то светлое, оно росло, становилось все светлее, наконец стало сверкать на темном бархате ночи.

Льдины плыли одна за другой. Возникали они огромными светлыми пятнами и, покачиваясь на волнах, с хрустящим шумом скрывались вдали.

А какая замечательная картина возникла поутру! Покрытая свежевыпавшим ослепительным снегом, равнина простиралась далеко вокруг. Нигде ни единого темного пятнышка! А небо ясное, совсем голубое.

Гак мир севера, манящий, неведомый, начал приоткрывать свою завесу перед молодым путешественником, будя его воображение, волнуя сердце, жаждавшее приключений.

И приключения не заставили себя ждать! Правда, были они особого рода: без нападения жестоких пиратов, без кораблекрушений и высадок на необитаемых островах, без какой-либо таинственной пропажи и находки или же иных традиционных аксессуаров приключенческих романов. Нет, нет! То были суровые испытания жизненной школы. В них закалялся характер, вырабатывались стойкость и мужество.

«Викинг» упорно пробивался на север. Однажды ночью, невдалеке от острова Ян-Майнен, судно попало в шторм. В снастях грозно завывал ветер, волны перекатывались через палубу.

Корабль двигался в потемках, натыкаясь на дрейфующие льдины. Им не было конца. Они сталкивались, перевертывались, становились ребром, издавая оглушительный скрежет, грохот и треск. И вдруг перед носом корабля возник огромный торос, грозивший сорвать снасти и шлюпку.

— Лево руля! Круче!.. Поднять шлюпку! — приказал капитан.

Нансен вместе с матросами бросился исполнять команду. Не простое то было дело! Шквал нанес здоровенный удар в бок судна. «Викинг» затрещал, накренился. Снова сильнейший удар! Край фальшборта обломился, его швырнуло на палубу, а обшивка шканцев лопнула с обеих сторон.

Все же «Викинг» сравнительно легко отделался от опасной встречи с торосом. Однако кто мог поручиться, что и дальше удастся избегнуть губительных столкновений? Тем не менее капитан Крефтинг направил корабль в самую гущу льдов. То был большой риск. Но риск оправдался: движение льдов там оказалось не столь сильным.

Под утро, когда ураган присмирел, Фритьоф спустился в каюту. Сон не шел к нему, и он принялся читать книгу. В таком положении застал его капитан, после тревожной ночи решивший проведать своего пассажира.

— Давненько не случалось мне попадать в такой шторм! — Крефтинг стоял на пороге каюты, весь вымокший, усталый, но довольный. Чем? Он объяснил сразу. — А вы, господин студент, молодец! Отлично выдержали экзамен в Северном Ледовитом океане.

Суровый капитан был скуп на похвалы, и услышать такие слова из его уст. было величайшей радостью.

— Выкурите со мной трубочку, господин Крефтинг! — предложил просиявший Нансен. — Есть превосходный «Кэпстен».

— Охотно!

Оба, довольные друг другом, набили табаком трубки и задымили. А побеседовать у них всегда находилось о чем.

Беседа зашла, конечно, о том, где искать детные залежки тюленей. Да, вероятнее, всего, на западе. Но там образовалось небывалое скопление льдов. Неужели хронометры сбились с толку, и курс корабля определен ошибочно? Или лучше идти к востоку? Штурман Эванс, например, считает, что так было бы правильнее. Однако седобородый штурман Эванс на все смотрит мрачно, вечно всем недоволен и бурчит по всякому поводу:

— Скверный рейс! Не жди добра! Не жди добра!

Капитан Крефтинг не хочет прислушиваться к советам угрюмого старика. Иное дело студент Нансен: в науке своей весьма сведущ, а если чего не знает в морском и зверобойном деле, то спрашивает не стесняясь. Толковый, отважный парень! Удивительно быстро вникает он в тонкости полярного плавания. Право, с таким парнем приятнее и полезнее посоветоваться, чем со старым, да неразумным штурманом.

Дни шли за днями, а тюленьи залежки не находились. Напрасно то капитан, то штурман, то студент Нансен (он уже заслужил такое доверие) вели неустанное наблюдение из дозорной бочки на грот-мачте. С высоты ее высматривали разводья между льдинами, выискивали тюленей и, что было не менее важным, следили за судами конкурентов-зверобоев.

Однажды Нансен находился в дозорной бочке, когда налетел шквал страшной силы. Паруса заполоскались. Мачта, на которой была бочка, согнулась в дугу и стала раскачиваться.

— Вниз! Спускайся скорее! — закричал вахтенный дозорному, болтавшемуся в бочке так невозмутимо, будто ему не грозила никакая опасность.

Нансен начал карабкаться вниз. Холодный колючий ветер пронизывал его до костей, и, пока добрался он до палубы, пальцы так одеревенели, что совсем потеряли чувствительность. Все же он радостно сообщил:

— Есть новость! В подзорную трубу видел два парусника!

— Какие парусники? — в один голос спросили вахтенный и штурман.

— Издали разглядеть не удалось!

«Викинг» на всех парах, с помощью парусов, принялся нагонять замеченные корабли, но прошло довольно много времени, прежде чем Нансен рассмотрел:

— У ближайшего парусника двойные марса-реи!

— Ну, значит, «Вега»! — заметил капитан Крефтинг.

— Почему вы так решили? — удивился Нансен.

— Такой оснастки нет ни у одного судна, кроме «Веги». Правда, у англичан «Лабрадор» был оснащен так же, но он давно не появляется в этих водах.

Судно действительно оказалось «Вегой». Подойдя ближе, капитан Крефтинг отправился на ее борт за новостями.

Это была та самая «Вега», на которой три года назад шведский полярный исследователь Адольф Норденшельд осуществил многовековую мечту мореплавателей — прошел из Европы в Азию вдоль северных берегов Сибири.

Стройные мачты прославленного корабля красиво вырисовывались на фоне облаков, озаренных луной. Даже суровые зверобои, лица которых редко смягчались улыбкой, восклицали с почтительным удивлением:

— Вот это корабль! Далеко ходил… В самой Сибири побывал, в Китай добрался. Во всех портах его потом встречали с почетом. Фейерверки, салюты…

Впрямь то был триумф, которому мог бы позавидовать сам Христофор Колумб. Открытие Северного морского пути навеки вошло в историю полярных исследований. Теперь у Арктики осталась лишь последняя, тщательно оберегаемая тайна — полюс.

Вырвать эту тайну пытались экспедиции разных стран, В последние годы американцы приложили к тому особенно много усилий. Но именно их постигли наибольшие неудачи.

В памяти Нансена свежи были газетные сообщения о печальном исходе экспедиции капитана Голла на корабле «Полярис», трагической гибели экспедиции Де-Лонга на корабле «Жаннетта» и не менее трагической попытке лейтенанта Грилли достичь полюса. То были люди, полные отваги, самоотверженные… И все же Северный полюс остался «терра инкогнита» — землей неизвестной.

Встреча с «Вегой» взволновала Фритьофа, вызвала в его душе какие-то смутные, тревожные чувства.

Появление Крефтинга вывело Фритьофа из глубокой задумчивости. Капитан вернулся с важными новостями.

— Хронометры наши не соврали — долготу мы определили верно! На «Веге» и на «Капелле» получены такие же цифры. Кстати, залежек тюленей они тоже не обнаружили… — добавил Крефтиг.

Лед был тяжелый, из-за тумана приходилось двигаться совсем медленно, осторожно. Целая флотилия промысловых судов успела нагнать «Викинг» и следовала по пути, который он, обладая более мощной машиной, прокладывал в ледяном крошеве.

Ртуть в термометре с каждым днем опускалась ниже и ниже.

Молодой лед становился все толще, крепче и, наконец, стал таким, что «Викинг» уперся в его кромку и не смог проломить.

— Что делать?

Капитаны парусников собрались у Крефтинга на совещание. Рослые, широкоплечие, обросшие густыми бородами, они заполнили собой и без того тесную каюту. Все пыхтели трубками так, что свет лампы еле пробивался сквозь клубы табачного дыма.

Капитан Маркусен с «Беги», Гай с «Новой Земли», Хансен с «Хеклы» и Кастберг с «Хардорде» согласились с мнением Крефтинга: тюлени залегли где-то на западе, а потому во что бы то ни стало надо двигаться к западу.

— Как это осуществить? Не представляю! — возразил Хансен.

— И притом избежать угрозы быть затертым во льдах… — мрачно добавил Гай.

— Сначала выберемся на чистую воду, а для того возьмем курс на северо-запад. В том направлении темнеет небо, значит, там большие разводья, — внес предложение Маркусен.

— У «Викинга» мощная машина, пусть он идет впереди! — Кастберг произнес это довольно ехидно и бросил выжидательный взгляд на Крефтинга: он завидовал удачливому капитану «Викинга» и при случае старался ему досадить.

— Верно! Правильно! — поддержали его остальные. — Пусть «Викинг» ведет!

— А если я застряну, что тогда? — Крефтинга не пугал риск, но ему было жаль чрезмерно расходовать уголь, да и не хотелось пробивать путь конкурентам.

Но капитаны зашумели:

— Крефтинг всюду пройдет! Из нас самый опытный… Пусть идет первым!

— Ну, ладно! Согласен… — сдался Крефтинг, польщенный доверием бывалых полярников.

Лампа в каюте уже совсем задыхалась от табачного дыма, а моряки все еще совещались. Нансен внимательно прислушивался к словам людей, давно плававших в северных водах. Всякий год испытывали они превратности встречи со льдами, но никто, по существу, не знал, как образуются ледяные поля, откуда и куда они движутся. А ведь это имело решающее значение не только для успешного промысла тюленей, но и вообще для плавания в полярных водах.

«Вот задача, которой надо заняться! — подумал Фритьоф и тут же, по студенческой привычке, заспорил сам с собой. — Но ведь я зоолог, и поведение льдов в Арктике вовсе не мое дело. Однако, с другой стороны…»

Колебания вовсе не были свойственны Нансену, но прежде

чем принять какое-либо решение, он старался всесторонне его обдумать. И теперь пришел к твердой мысли: не оставляя зоологии, заняться также изучением полярных льдов.

«Викинг» делает отчаянную попытку вырваться из ледяного плена. На помощь ему собрались команды с соседних судов. На палубе топочет ногами сотня людей. Они перебегают с одного борта на другой, чтобы раскачать «Викинг» и взломать обложивший его лед.

Некоторое время удается продвигаться вперед. Но недолго. Ледяной барьер снова преграждает путь.

— Задний ход! — командует Крефтинг. Судно отходит для разбега, затем слышится:

— Полный вперед!

«Викинг» идет на таран! Взбирается на кромку льда, поджимает его под себя и… не в силах сдвинуться дальше.

Снова люди перебегают с борта на борт и общими усилиями раскачивают корпус. Льды не выдерживают сильного натиска, разламываются, раздвигаются. Однако винт испытывает такие удары, что, машина замирает, судно содрогается, и делается страшно, как бы не сломались лопасти.

Наконец встречается чистая вода, и чужие матросы возвращаются на свои корабли. «Викинг» набирает скорость. Расстояние между ним и в кильватере идущими другими судами растет. Вскоре они совсем исчезают за горизонтом.

Курс прямо на запад. Надолго ли? А вдруг опять встретятся ледяные преграды?

День ото дня Нансен тщательно изучает жизнь льдов. Сотни, если не тысячи, раз измеряет он на разной глубине температуру и содержание соли в морской воде. Каюту его заполняет множество таблиц с вычислениями и записи наблюдений. На основе их студент приходит к выводам столь же смелым, сколь н важным. Общепринятая теория известного физика профессора Эдлунда о происхождении льдов оказывается неверна!

Шведский ученый утверждал, что на большой глубине имеется переохлажденная вода, которая превращается в «донный лед», всплывающий на поверхность. Нет, этого не бывает, убедился Нансен. Почему? Потому что насыщенность солью на большой глубине не позволяет морской воде переохлаждаться до такой степени.

Следовательно, ледяные поля образуются не на дне, а на поверхности Полярного бассейна. Гонимые ветрами и течениями, находятся они в постоянном движении. Откуда же начинается их

дрейф? И где конец бурного странствования?

Вопрос этот был главным и наитруднейшим, и ответить на него полностью удалось не скоро,

В пасхальный вечер на «Викинге» был устроен праздничный пир: каши с маслом до отвала, пива — сколько влезет и, сверх того, стаканчик грога.

На кубрике после такого ужина царило чертовское веселье. Зверобои пели хором любимую, вернее единственную знакомую им, песню:

И в первой паре танцевать
Пошла девица Хансен.
Тра-ля-ля-ля,
Тра-ля-ла-ла, охой!

Незамысловатая песня, зато как дружно поется! И как легко танцевать, когда все в такт притопывают каблуками и тянут во весь голос:

Тра-ля-ля-ля,
Тра-ля-ля-ля, охой!

Нансен лихо отплясывал с рыжеусым коком, взявшим на себя роль милой девицы Хансен, и так вертел он свою «даму», с такой силой отстукивал каблуками, что трещал пол.

— Ай да студент! Молодчина! — довольные зрители оглушительно хлопали в ладоши. — Пляшет на загляденье!

После танцев играли в «рукошлепку». Студент дурачился больше всех; правда, игра была увлекательной! Кто-нибудь, закрыв глаза, клал руки за спину. Остальные по очереди шлепали его по рукам, и следовало угадать, кто шлепнул. По правилам полагалось шлепать рукой, а вот студент Нансен со всей силой ударял старой калошей. Неутомимый выдумщик!

Все были довольны, веселы, будто забыли неудачные поиски тюленьих залежек. Только двое людей на «Викинге» не были так беззаботны, как казалось на вид. Незаметно, не нарушая общего настроения, покинули они кубрик и вышли на палубу. Помолчали… Огляделись… Вокруг бесконечные плывущие льдины, золотой лунный диск и яркие звезды, а над всем покров вечной тишины.

— Мрачная красота… — вымолвил тот, что был помоложе. — А у нас в Нормаркене сейчас весна в разгаре. Небось уже

вальдшнепы летают над ельником…

— А тут даже тюлени куда-то исчезли. Дьявол их подери!

— В детстве меня учили: «Все приходит вовремя для тех, кто умеет ждать».

— Ну и как, научились вы этому, господин студент?

— Нет, еще не совсем, господин капитан, однако еще не теряю надежды постигнуть мудрость терпения. В Арктике, вижу, это качество совершенно необходимо.

— Да, иначе не станете настоящим полярником.

— Меня все более увлекают некоторые проблемы Полярного бассейна. Законы движения льдов, например…

— Хотите, как говорится, взять быка за рога. Ну что ж, я готов поделиться с вами опытом. За годы плавания в северных водах пришлось наблюдать всякое… Пойдем вниз, расскажу, как я стал полярником.

После пронизывающего, холодного ветра на палубе в каюте капитана показалось особенно тепло и уютно. К тому же по случаю праздника Крефтинг угостил грогом, изготовленным по собственному рецепту: много рому и чуть-чуть кипятку.

— Сорвиголовой я был отчаянным, — начал свой рассказ Крефтинг. — Совсем юным парнишкой отправился в первый раз в плавание в океан. Но быстро выдвинулся — сначала стал стрелком-зверобоем, потом штурманом. Когда на парусник «Магдалену» потребовался новый капитан, возмечтал я занять это место. А было мне тогда всего двадцать лет с небольшим. Разумеется, все сочли меня дерзким мальчишкой. Все же отправился я к судовладельцу просить должность капитана. Судовладелец тоже нашел меня для такого дела слишком молодым. На это я возразил: «Если нет других помех, то это не беда!» — «Почему?» — спрашивает он. Отвечаю: «Молодость — порок, который с годами сам собой проходит».

Кончилось тем, что судовладелец сдался — доверил мне «Магдалену». И раскаиваться ему не пришлось: после каждого рейса я возвращался с полными трюмами. Зато и рисковать приходилось! Однажды в Гренландии мы напали на отличную тюленью залежку и загрузили «Магдалену» доверху. Но на обратном пути большая волна здорово потрепала. Судно дало такую течь, что с трудом удавалось держать его на плаву. Команда измучилась, днем и ночью откачивая воду. И когда в море встретился промысловый парусник, ко мне явилась депутация: люди решили покинуть «Магдалену».

Я вышел на палубу. Вижу, кое-кто уже забрался в шлюпки, готовятся к спуску на воду.

Что делать? На палубе валялся топор, схватил я его. Кричу:

«Так, значит, ребята, решили бросить судно? Ну что ж, помогу вам…» — и занес топор, чтобы рубить тали. Тут люди сразу повыскакивали из лодок, да так прытко, гораздо быстрее, чем в них садились. А я говорю: «Поступаете, как неразумные дети. На „Магдалене“ ценный груз, а вы хотите бросить его только потому, что надо еще повозиться с помпой… С какими глазами вы вернетесь домой?»

Уговорил я команду. Кое-как добрались мы до своей гавани. Тут только прекратили откачивать воду, и судно сразу село на мель. Однако это уж было не страшно, и груз нисколько не пострадал. В итоге все остались довольны: команда хорошо заработала, а судовладелец нажил целое состояние.

Нансен внимательно слушал рассказ капитана. Он знал, что Крефтинг ничуть не хвастает, наоборот, этот отчаянный смельчак скорее смягчал, чем преувеличивал свои подвиги.

— Рисковать в нашем деле необходимо, — продолжал капитан. — Конечно, идти на риск надо не очертя голову, а зная, когда и где следует так поступать. Да что там говорить, жизнь моряка — сплошная борьба, а в Ледовитом океане особенно ожесточенная!

— По мне, если быть моряком, то именно тут, на севере. Рисковать так рисковать! — глубокая убежденность прозвучала в словах Нансена.

Из вас выйдет превосходный моряк! Выпьем за это! — Крефтинг разлил ром в стаканы и чокнулся со своим пассажиром.

— А теперь споем, — предложил он.

Не люблю я, не люблю я
Целый день все пить да пить.
Но с веселыми друзьями
Так приятно покутить…

Пели они не очень музыкально, зато голоса их были бодрыми, жизнерадостными.

Расстались они совсем поздно, когда ночь уже рассыпала в небе щедрые пригоршни звезд.

Все более свыкается студент с морской жизнью. Вряд ли кто-нибудь из столичных знакомых узнал бы его, когда он как простой матрос работает вместе с командой «Викинга».

Вот открылось широкое разводье, и капитан приказывает поднять паруса. Люди все, кат один, бросаются исполнять команду. Сначала ставят нижние паруса — грот и фок, затем взлетают стакселя, поднимается бизань. Однако надо еще

водрузить тяжеленный марсель.

Матросы, среди них господин студент (все зовут его так почтительно), становятся в ряд и, ухватившись за большой марсафал, притопывают каблуками в лад веселой песенке:

И в первой паре танцевать
Пошла девица Хансен.
Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла, охой!

«Викинг» быстро одевается парусами. Рассекает волны. Рвется вперед, вперед!

Неожиданно, в нескольких милях от ледяной кромки, обнаруживаются два промысловых судна. Странно, почему они с убранными парусами? Уж не бьют ли там тюленей?

«Викинг» немедля сворачивает в ту сторону. Льды становятся сплоченнее, тяжелее. Попадается и вязкий бухтовый лед, двигаться в котором особенно трудно.

Суда еще далеко, и обращены они кормой, все же' Нансен утверждает:

— Это «Магдалена» и «Язон»!

Крефтинг прячет улыбку в своей густой бороде. Он доволен: только наметанный взгляд может распознать суда издали, да еще обращенные кормой.

— Господин студент не ошибся! — подтверждает капитан. — Действительно, это «Магдалена» и «Язон». Жаль, стемнело, не видно, чем они тут занимаются. Придется переждать ночь…

Поутру капитаны Стоккен с «Магдалены» и Якобсен с «Язона» сами навестили Крефтинга. Оказывается, их затерло льдами, и лишь накануне удалось освободиться из тяжкого плена. Детные залежки они тоже не находили. Но на пути повстречались с английским парусником, капитан которого уверял, что наблюдал тюленей и медведей, направляющихся к северу.

— Однако не надо доверять подобным рассказам! — заметил Якобсен. — В том направлении мы натолкнулись лишь на огромные глыбы высотой с каютный стол, с острыми краями.

— Таких странных льдов я никогда не наблюдал, — сказал Стоккен. — Прихоти Арктики…

— Это не прихоти! — возразил Крефтинг.

— А что же, по-вашему? Капризы?

— Ни то, ни другое. И тут, на севере, все совершается по неумолимым законам природы.

— Но я их не знаю, и вы тоже! — не сдавался Стоккен.

— Никто не знает, почему так происходит, а не иначе! — добавил Якобсен.

— К сожалению, да! Иначе мы с вами не находились бы в положении бредущих в потемках и не подвергались бы постоянному риску быть раздавленными льдами.

Нансен внимательно прислушивался к разговорам бывалых полярников. Положение их, по существу, не изменилось с далеких времен мореплавателя Ганса Нансена, также находившегося в полной зависимости от изменчивых настроений Арктики.

Когда же, наконец, удастся выведать тайны севера? И кому посчастливится осуществить этот подвиг? Дума об этом все более занимала потомка знаменитого мореплавателя.

Вечерами студент записывал наблюдения. Под потолком каюты, отбрасывая беспокойные тени, мерно покачивалась лампа. В стекло иллюминатора билась черная вода. Время от времени раздавался толчок и скрежет от удара льдины о форштевень «Викинга».

Хозяин каюты низко склонялся над столом. Перо его торопливо скользило по бумаге, оставляя неровные строки: «Полярное море — это нечто совершенно особенное, не похожее на все остальное, а прежде всего не похожее на то, как мы его воображаем. Я много читал о нем, прежде чем увидел своими глазами, и представлял его как мир грандиозных ледяных гор, на которых высятся к небу гордые башни и зубцы из сверкающего льда всевозможных форм и цветов. На деле же оказалось ничего подобного: плоский белый плавучий лед качается на зелено-голубом море, а над ним сменяется туман, сияние солнца, буря, штиль. Вот и все, что пока я увидел».

Запись эта появилась в первые дни плавания. Но вскоре автор дневника увидел причудливые ледяные торосы, походившие то на облака, то на гроты с громадными сосульками-сталактитами на сводах, то на гигантские грибы со светлыми шляпками.

Дрейфующий лед… Зрелище красивейшее и загадочное. Нансен любовался им, как мог бы любоваться художник, и одновременно изучал вдумчивым взглядом исследователя.

Как и где образуются эти массы дрейфующего льда? Молодой ученый уже мог, хотя и предположительно, ответить на первую часть вопроса.

«С приближением осени, — писал он, — когда солнце опускается все ниже и ниже над горизонтом, все морское пространство в Полярном бассейне затягивается льдом.

По мере того как солнечный свет убывает, а мрак распространяется над необъятными морскими равнинами и постепенно переходит в долгую полярную ночь, происходит быстрое наращение и уплотнение ледяного покрова. Но молодой лед, затянувший полыньи и разводья, ломается ветром и приливо-

отливной волной. Тогда он дробится на льдины, которые под мощным напором сплачиваются и громоздятся, создавая торосы или образуя разводья, большие, как озера. Однако эта открытая вода снова затягивается молодым льдом, который в течение одного дня или ночи может достигнуть нескольких сантиметров толщины, а через несколько часов уже в состоянии выдержать человека».

Изучение структуры льда привело Нансена к выводу, что наращивание льда может происходить не только зимой, но и летом. Толща его достигает более трех метров. Удивляться тому не приходится, ведь процесс промерзания длится несколько лет, пока тянется дрейф.

Где же начинается и завершается это таинственное странствование? Задача со многими неизвестными! Решить ее надо во что бы то ни стало. Того требует наука, ждут не дождутся Крефтинг, Якобсен, Стоккен и многие другие полярные мореплаватели: норвежцы, русские, англичане, шведы…

На решение столь важной задачи не жаль потратить всю жизнь. Однако когда ищущий человек настойчив в своем поиске, истина как будто сама поспешает навстречу. Так было и с Нансеном. Незначительный случай, который у другого человека, вероятно, остался бы незамеченным, помог стать на верный путь.

Произошло это на второй месяц плавания «Викинга», 16 апреля 1882 года. Утром этого дня Нансен, как обычно, записал в дневнике координаты корабля и метеонаблюдения: «72°45′ северной широты и 10° восточной долготы. Температура 6° Ц, ветер ССВ».

«Викинг» стоял у самой кромки льда. «Надо воспользоваться удобным случаем — пристрелять ружье. Вишь, сколько вьется чаек!» — решил Нансен.

Выбраться с палубы вниз на льдину было для него делом одной минуты, Крефтинг только успел крикнуть вслед:

— Опять вы налегке, господин студент! В одной шерстяной фуфайке и даже без шапки.

— Ничего, не замерзну! Сегодня только шесть градусов.

— Да, по вашему сухопутному градуснику. А в Ледовитом океане, где такой ветер и сырость, мороз в четыре раза крепче.

— И я стал тут в четыре раза крепче! — отшутился Нансен.

Он уже сошел вниз и заметил в полынье сизоголовую чайку, которую за ее важный вид полярники называют «бургомистром». Чайка поднялась и отлетела довольно далеко, когда охотник вскинул ружье и выстрелил. Меткий выстрел! Птица комком свалилась на край торосистой льдины. Сколько шагов до того места? Это следовало узнать для пристрелки ружья.

Нансен зашагал вдоль широкого разводья. Густая, темная вода мерно плескала об лед. Извечное дыхание океана… Редко бывает оно спокойное, чаще взволнованное, бурное.

В воде что-то темнело. Нансен остановился. Откуда взялись эти бревна? Не остов ли какого-нибудь разбитого корабля? Нет, то были не обструганные доски, а круглые стволы сосен.

Не обязательно быть моряком, чтобы знать, что такое плавник. Морские течения влекут с собой самый различный плавник: свалившиеся деревья прибрежных лесов, обломки кораблей, ставших жертвами бури, и прочее, что в состоянии держаться на поверхности.

Нансен подогнал одно дерево к кромке льда, вытащил его из воды. На нем еще даже сохранилась кора. Как оно попало сюда?

Может быть, теплый Гольфстрим пригнал его из Америки? Нет! Плавник в гренландские воды обычно приносят льды, дрейфующие из Сибири.

Сибирская сосна проделала сложный путь. Если бы удалось повторить этот путь, можно было бы проследить, как и где проходит дрейф льдов.

«А что, если в самом деле?..» — Нансен даже испугался своей дерзкой мысли. Но идея уже запала в голову, и он стал ее пленником: «Если использовать дрейф льдов для экспедиции в неведомый Северный Ледовитый океан?»

«Нет, нет! — пытался он переубедить себя. — Это совершенно фантастическая идея, лишенная всякой реальности. Никто до сих пор так не рисковал. Надо выбросить из головы чушь!»

А какой-то упрямый голос спорил, настаивал: «Нисколько не чушь! Вот перед глазами лежит сосна, на которой сохранилась кора. Значит, путь ее был не так опасен, его может совершить судно, способное выдержать сжатие льдов. Существуют ли такие крепкие суда? Пока нет, но это отнюдь не означает, что их невозможно построить».

Подстреленная чайка осталась лежать там, где упала. Охотник забыл о ней, захваченный своими мыслями. Вероятно, они унесли его куда-то далеко. Во всяком случае, только крик с судна: «Господин студент, возвращайтесь!» — заставил очнуться и подняться на палубу.

«Викинг» продолжал свой путь к западу, чтобы там, как все еще надеялся капитан Крефтинг, найти тюленьи залежки.

Настали белые ночи. Солнце заходило поздно и только на короткое время. На закате небо загоралось красноватым золотом, воздух был прозрачен, горизонт отчетлив. И вдруг небо в северной части превращалось в поток световых красок, в котором

играли отблески льда и рдели пурпуровые облака.

Как фантастичны, нежны, призрачны были эти краски в неоглядном просторе полярной пустыни! Но зверобоям «Викинга» было не до любования красотами природы.

Наконец настал долгожданный день, когда капитан Крефтинг объявил «хоз». Ни одна команда не вызывала на судне такого ликования. Ведь слово «хоз» означало охоту, для которой уже давно были начищены ружья, заготовлены патроны, наточены ножи.

То, чего люди ждут напряженно и долго, возникает иногда негаданно и даже врасплох. Так и случилось, когда с высоты дозорной бочки вахтенный крикнул:

— Тюлени! Вижу тюленей!

Впрямь, в указанной стороне вскоре показалось какое-то темное пятно, будто на снегу оголилась земля. То, сливаясь в сплошную черную массу, теснились тюлени. Только когда «Викинг» подошел ближе, удалось различить отдельных зверей. Тюлени подымали головы, бросали любопытный взгляд на людей и тотчас, один за другим, скатывались в воду.

Множество тюленей! Море кишело ими, косяк попадался за косяком. Тюлени плыли впереди судна, высовывались перед самым форштевнем, глазели на людей, потом, как по команде, все сразу ныряли в глубину.

Через некоторое время обнаружилось стадо столь великое, что оно казалось длинным черным островом, всплывшим между сверкающими льдинами.

Зато и охотников собралось более чем достаточно. Целая флотилия промысловых судов: «Хоральд», «Гейзер», «Утро» и другие — тоже приготовилась начать «хоз».

— Нет смысла бороться с таким количеством конкурентов! — решил Крефтинг. — Лучше отправиться дальше, где будет меньше соперников.

Расчет оправдался, хотя пришлось еще долго пробираться во льдах. Большое стадо встретилось снова. Вблизи же оказался только тихоходный «Хапдроде», который удалось легко обогнать.

С «Викинга» спустили на воду шесть шлюпок. В одну из них рядом с лучшим стрелком Оле Могерудом сел Нансен.

Гребцы налегли на весла. Шлюпки помчались к льдинам, на которых скучились тюлени. В глазах пестрило от множества их черно-белых шкурок. Воздух трепетал от тепла, излучаемого их телами. Слышалось урчанье, напоминавшее мурлыканье кошки, когда ее гладят. А иногда раздавалось глухое, протяжное рыканье «хо-хо».

— Изумительное зрелище! — прошептал Нансен.

— В сравнении с настоящей залежкой жалкое стядишко, — возразил Оле Могеруд. — Ну и ленивые это животные! Целыми часами могут валяться, переворачиваясь с боку «а бок, то почешут себе шею передними ластами, то подставят спину солнцу, то опрокинутся на брюхо и уставятся в пространство, пока их что-нибудь не вспугнет. Право, ленивее нет зверя на свете!

Шлюпки осторожно подобрались к тюленям на расстояние выстрела. Гребцы сделали еще несколько взмахов, и рулевой скомандовал: „Стоп!“ Весла бесшумно опустились вдоль бортов шлюпки, продолжавшей по инерции скользить дальше.

Оле поднял ружье, старательно прицелился. Выстрелил. Первый тюлень упал головой на лед… Еще выстрел, и поникла другая голова.

Замелькали разделочные ножи. Зверобои быстро освежевали туши, погрузили их в шлюпку и направились к другому стаду.

Оле опять первым сошел на лед и, прячась за высокий торос, пополз. Нансен полз следом, стараясь повторять движения опытного охотника. С остальных шлюпок тоже сошли люди и, крадучись, стали подбираться к стаду. Вскоре со всех сторон поднялась пальба.

Нансен стрелял направо и налево, едва успевая перезаряжать ружье. Затем вместе с Оле свежевал туши, грузил шкуры и сало на шлюпку.

— Теперь у птиц будет пир! — заметил Оле. — Зверям беда, а им радость. И откуда их столько берется!

Оле сказал верно: тучи чаек с яростным криком набросились на ободранные туши. Птицы будто заранее знали о предстоящей поживе, и, когда охотники подкрадывались к стаду, они уже витали вокруг, ожидая момента, чтобы броситься на убитого тюленя, как только его освежуют. Даже всегда осторожные „бургомистры“ становились смелее. Они плавно описывали круги в воздухе, потом, величественно сложив крылья, усаживались на землю и шествовали к освежеванной туше с таким достоинством, что обыкновенные простые чайки почтительно уступали им место.

Тюленей было множество, выискивать новые стада не составляло труда. Охота длилась долго, пока на мачте „Викинга“ не взвился сигнальный флаг-приказ: шлюпкам возвращаться на судно.

Всего за эту охоту удалось добыть сорок четыре тюленя, притом в лодке Оле оказалось семнадцать шкур.

Разумеется, стрелки соревновались между собой, каждый старался занять первое место. Промысел являлся своего рода экзаменом для охотников: умения стрелять метко было

недостаточно. Следовало разумно, хладнокровно организовать свою работу, ловко грести во льдах и свежевать добычу, не теряя ни минуты.

Потому, когда Оле Могеруд в присутствии всех за ужином промолвил: „А господин студент стрелок меткий! Толк из него будет, черт побери!“ — слова эти прозвучали для Нансена, как нежнейшая музыка.

Но опыт приходил не сразу, хотя студент был старателен, и до всего ему было дело: сколько забито зверей в разные годы? Где находятся лучшие лежбища? Каковы условия плавания в Полярном бассейне? На целую уйму нансеновских „почему и отчего“ приходилось отвечать бывалым морякам-зверобоям. Зато не было дня, чтобы он не записал в своей тетради чего-либо полезного. То были записи любознательного ученого, а не просто впечатления любопытствующего.

ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ СЕБЯ

Я берег забыл, я в море — весь!

Бьёрнстьерне Бьёрнсон

В воскресенье седьмого мая Нансен отмечает в своем дневнике: «Нижняя поверхность молодого льда иногда красноватого цвета. Сегодня мы шли сквозь такой лед. Я попросил спустить шлюпку и добыл кусок для микроскопического анализа. Оказалось, что красный цвет объясняется присутствием мельчайших растительных организмов, которые держатся на нижней поверхности льда. Это были различные виды кремневых водорослей, которые настолько ярко окрашивают лед, что, когда он ломался под судном, то море поблизости казалось кровавым.

Крефтинг говорит, что такой лед обычно встречается там, где находится детная залежка. Это правдоподобно. Если нижняя поверхность льда краснеет от этих растений, значит их находится в воде очень много, а они служат пищей для мелких животных, например ракообразных, которыми, в свою очередь, питаются тюлени, в особенности детеныши».

Через три дня в дневнике, после обычных сведений о состоянии погоды и местонахождении судна, Нансен пишет: «Мы видели редкого гостя в этих водах — огромного гренландского кита, который несколько раз всплывал вблизи судна, выбрасывая струю водяных брызг. В отличие от крупных сельдяных китов у него нет плавников на спине. Именуется он „полосатиком“. В прежние времена этот ценный кит в изобилии водился в арктических водах, преимущественно вдоль кромки льдов Шпицбергена. Целые флотилии крупных промысловых судов отправлялись — в особенности в XVII и XVIII веках — промышлять этих китов, главным образом для удовлетворения женского тщеславия: китовый ус шел на женские корсеты и корсажи. Китовый жир тоже был нужен — из него вытапливали ворвань для ламп.

Гренландский кит средней величины дает 20 тонн сала, а самые матерые даже 30 тонн. Общий вес кита примерно 70 тонн. Свое неуклюжее тело передвигает он в воде при помощи мощного хвоста. Голова у него гигантских размеров, длина ее составляет почти треть всего тела.

Область распространения гренландского кита ограничена. Об этом свидетельствует такой любопытный факт: в Дэвисовом проливе был добыт необыкновенно крупный кит, в жировом слое

которого обнаружили гарпун с меткой корабля „Жан“ и датой сорокалетней давности. Корабль этот затонул в Дэвисовом проливе, а кит еще десятки лет продолжал странствовать в тех же водах».

Нансен тщательно исследовал распространение и добычу гренландских китов за несколько столетий. И пришел к выводу, который выразил в гневных строках:

«История истребления кита — позорная глава истории человечества, она лишний раз доказывает, как мы еще далеки от того, чтобы считаться разумными, здравомыслящими существами. Мы уничтожаем одного из самых крупных великанов природы, не приносящего никому никакого вреда. Мы не можем прийти к международному соглашению для предотвращения варварского истребления полезного животного и для сохранения источника постоянной и верной выгоды. Получается такое впечатление, что люди, охваченные хищническим инстинктом, сознательно закрывают глаза на это дело».

Горячо ратуя против хищнического отношения к природе, Нансен отнюдь не был против разумного ее использования. Вот почему он сам деятельно участвует в тюленьем промысле и становится завзятым охотником.

Тринадцатого мая Нансен с гордостью записывает в дневнике, что ему впервые доверили повести шлюпку на промысел. Описание этой охоты характерно для автора дневника:

«Нас спустили на воду, и мы на веслах пошли по направлению, где заметили тюленей. Волнение было изрядным. Крупная зыбь швыряла льдины, и следовало смотреть в оба, чтобы они не раздавили шлюпку. Притом волны перекатывались через низкие льдины, образуя воронки водоворотов. Нелегко стрелять при такой зыби!

Мы напали на лежку молодых крапчатых тюленей. То были главным образом годовалые звери, которые пугливее старых.

Первые звери, когда мы приблизились, успели скрыться в воде, не подпустив на выстрел. Но потом нам повезло: мы убили трех на льду, одного в воде, затем еще четырех на льду. Под конец дело пошло еще лучше, мы добыли всех зверей, каких там только встретили.

На следующей льдине два тюленя лежали рядышком и спали. С трудом выбравшись из водоворота, наша шлюпка приблизилась к ним на выстрел. Нас отделяло сравнительно небольшое расстояние, но ни один зверь не подымал головы. Я жду — ни один не шелохнется. Я прицелился в того, что был поближе, хотя он лежал так, что стрелять было неудобно.

Прогремел выстрел. Зверь лежал все так же неподвижно, и

только струйка крови, образовавшая во льду круглую красную ямку, показывала, что пуля попала в цель.

Другой тюлень при звуке выстрела приподнял голову, осмотрелся, взглянул искоса на своего навеки уснувшего товарища и снова спокойно разлегся. Мне из-за туши убитого зверя был виден только его затылок. Делать нечего, я выстрелил, но пуля лишь слегка задела тюленя, он быстро приподнялся и заковылял к воде. Новый выстрел уложил его на самом краю льдины.

Затем мы заметили двух тюленей, с разных сторон льдины спускавшихся к воронке. Я выстрелил сначала в одного. Он упал раненый. Вторая пуля снесла ему череп. Я прыгнул на льдину, чтобы найти другого тюленя. И налетел прямо на него. Он поднялся и бросился наутек. Я выстрелил, и голова его разлетелась на части.

Тюленей здесь было немного, вскоре наша побойка кончилась, так как на судне подняли сигнальный флаг — нам пришлось вернуться на борт. В нашей шлюпке было 13 убитых тюленей. Мы добыли больше всех и заняли первое место. Второе — Оле Могеруд».

Опередить самого лучшего охотника Оле Могеруда было делом вовсе не простым! Достичь такого успеха мог далеко не всякий. Но вскоре студент Христианийского университета завоевал еще большую славу среди команды «Викинга».

Случилось то в праздник вознесенья, когда были отменены все работы на корабле. День стоял солнечный, теплый. После праздничного сытного обеда вся команда собралась на палубе. Люди незамысловато подшучивали друг над другом, затем принялись развлекаться игрой в «лисий капкан».

Крепкие мускулы надо иметь, чтобы играть в эту игру. Если ноги недостаточно сильны, то лучше и не ложиться спиной на палубу и не пытаться перекувырнуть противника, уцепив его своей ногой.

Господин студент в этой игре оказался непобедимым. Сначала он подкинул корабельного плотника Оле, затем кубарем полетели Ханс, Улаф и остальные матросы, рискнувшие потягаться силой с господином студентом. Даже тяжеленный Христиан, прозванный за свою толщину «Баллоном», мячом покатился по палубе. Только с долговязым Паулем пришлось чуть повозиться и то лишь потому, что его не сразу удалось подцепить и подкинуть.

Крефтинг, подсмеиваясь, следил за игрой и вдруг заявил:

— А со мной не желаете померяться силой?

— Охотно! — ответил Нансен.

Оба легли на спину боком друг к другу, вытянули как полагается ноги, сцепились крепко правыми руками, затем каждый вскинул правую ногу. Рывок! И под общий хохот капитан полетел в сторону.

— Все так случилось, — оправдывался Крефтинг, — оттого, что господин студент поспешил, а я не успел приготовиться. Попробуем еще разок, но с условием не спешить…

Ну что же, они снова легли на палубу, и Нансен дал капитану время приготовиться.

— Готово! — скомандовал Баллон, давясь от смеха.

Борьба началась, но почему-то на этот раз Нансену не удавалось хоть чуть сдвинуть противника. Крефтинг будто прирос к палубе. И даже когда Нансен поднатужился и напряг все силы, тот не сдвинулся с места.

Команда гоготала во всю глотку. Но вдруг Крефтинг застонал и вскрикнул:

— Сдаюсь!

Нансен отпустил его, поднялся и стал осматриваться. Почему все так гогочут? Ах, вот в чем причина: капитан, оказывается, зацепился левой ногой за скобу на палубе, надеясь таким способом удержаться на месте. Однако это ему не удалось, господин студент чуть не разодрал его надвое.

— Вот это силач! Всех поборол, даже самого капитана… Ей-ей, первый силач! — Такие веселые голоса давно не слышались на «Викинге», и под град насмешек каждый побежденный вручил победителю свой проигрыш: щепоть жевательного табаку.

Праздничные дни редко случались на «Викинге». Вскоре началась охота на хохлача, от которой зависел успех всего промысла.

Хохлач — самый крупный вид северного тюленя. Только его близкий родственник морской лев, обитающий в Тихом океане и в Южном полярном море, отличается еще большим размером. Голова хохлача темная, почти черная, к носу она расширяется, образуя раздувающийся кожаный колпак вроде плотной подушки. Колпак этот красуется на голове взрослых самцов, а у самок он существует лишь в виде припухлости над носом, которая не раздувается.

Хохлач — замечательный пловец, ныряльщик и такой ловкий прыгун, что может выпрыгнуть прямо из воды на торос высотой до двух метров. Старый «колпачник» силен, храбр и, когда ранен, бывает опасен для охотника. Промысел на хохлача добычлив и выгоден, однако не прост. Темноголовые звери на белом снежном фоне выделяются черными кляксами. Если их много, то из бочки

на мачте их можно заметить в подзорную трубу на расстоянии до двадцати километров, а в хорошую погоду еще дальше.

В то же время приходится следить и за другим — нет ли поблизости конкурентов? Недаром зверобои говорят: «За карточным столом нет друзей, нет их и в нашем деле». Каждый старается обмануть соперника, для чего применяют всякие хитрости. Когда, например, замечают судно, еще не открывшее лежбище, то разводят пары и полным ходом идут в обратном направлении. Заманив конкурента подальше, затем, якобы лавируя во льдах, поспешают обратно на прежнее место к лежбищу.

Уж тогда не жалеют угля!

Именно так поступил капитан Крефтинг, заметив, что к большому лежбищу приближается «Кап Норд». Капитан заманил «Кап Норд» в другую сторону, затем резко изменил курс и просигналил колоколом: «Полный ход!» Кочегары, исполняя команду, набили топки углем до отказа и, чтобы еще более повысить давление пара, даже закрыли предохранительный клапан.

«Викинг» с такой силой таранил льдины, что они с шумом раскалывались на мелкие осколки. А когда встречались две плотно прижатые льдины, форштевень вклинивался в них, позволяя корпусу судна втиснуться и проскользнуть в узком проходе.

То и дело раздавалась команда: «Лево руля!.. Так держать!.. Право руля!.. Круче!.. Отдай!» Двое рулевых, обливаясь потом, вращали штурвал. Винт крутился бешено, оставляя голубые водовороты.

«Викинг» подошел к крупной залежке. Протяжно прозвучала команда: «Свистать в хоз!» Тотчас всполошился весь корабль. Люди живо оделись, боцманы выдали им охотничье снаряжение, патроны, галеты, шпик, пиво в анкерках. И вскоре десять шлюпок отвалили от борта.

Нансен попал стрелком на шлюпку рулевого Христиана Баллона, в которой находилось еще четверо людей для свежевания добытых зверей. Быть стрелком в таком составе означало великую честь.

К хохлачу надо подплывать иначе, чем к гренландскому тюленю, к которому подбираются скрытно. Охотясь на хохлача, наоборот, идут открыто, напрямик, и даже лучше, если он издали заметит шлюпку. Тогда зверь подымает голову, таращит глаза, затем спокойно укладывает свой колпак на лед.

Гребцы на шлюпке Баллона изо всех сил налегали на весла. Впереди на льдине лежал крупный хохлач, Он, пристально

поглядев на нечто приближавшееся к нему, выказал некоторое беспокойство и чуть придвинулся поближе к воде. Тогда по знаку стрелка Нансена вся команда разом рявкнула. Зверь от неожиданности опешил и застыл на месте. Гребцы тем временем еще сильнее налегли на весла.

Тюлень опять стал подтягиваться к краю льдины. И снова по знаку стрелка раздалось рявканье охотников, еще более громкое и жуткое. На миг это остановило тюленя, но затем он пополз к краю льдины, так что ласты его уже свесились к воде. Даже самый дьявольский рев теперь не смог бы удержать его от бегства.

Осталось одно последнее средство остановить зверя — всадить пулю в край льдины, чтобы испугать его осколками. А почему не попытаться выстрелить в него издали? Потому, что надо бить только наверняка, иначе раненый зверь стремглав кинется в воду и увлечет с собой ближайших соседей.

Нансен прицелился. Выстрелил. Ледяные брызги разлетелись широким веером. Тюлень в страхе втянул голову, попятился и обалдело выпучил глаза.

— Стоп! — скомандовал Баллон.

Гребцы уложили весла вдоль бортов. Шлюпка продолжала скользить дальше. Рулевой держал курс прямо на зверя. Все выжидательно устремили взгляд на стрелка. В этот миг все зависело от его выдержки и умения.

Нансен приложил приклад к щеке. Помедлил… Так показалось всем в шлюпке. Наконец нажал на спуск. Прогремел выстрел. Пуля пробила череп зверя, и голова его поникла на льду, покрытом пушистым снегом.

Охота началась успешно.

Июль был уже на исходе. Люди валились от усталости, но не прекращали добычливой охоты. Трюмы судна ломились от тюленьих шкур и сала.

Нансен превратился в завзятого зверобоя. Одежда, руки и давно не бритое лицо покрылись коростой из грязи и ворвани. Умываться было некогда. Зато случалось иногда принимать невольные ледяные ванны.

Однажды, выгрузив шкуры на судно, шлюпка, которой управлял рулевой Баллон, снова вышла на промысел. В тот день охота так изнурила людей, что они засыпали на веслах. Стрелок Нансен держался крепче других. Потому он взялся столкнуть багром льдину, преградившую путь шлюпке, но багор соскользнул — Нансен бултыхнулся с головой в воду.

Плеск пробудил дремавших людей.

— Господин студент за бортам! — закричал кто-то в

страхе. — Тонет! Тонет!..

— Нет! — откликнулся Нансен. — Плыву… Ледяная вода жгла тело, промокшая насквозь одежда тяжко тянула ко дну, все же он вплавь добрался к шлюпке. Одной рукой ухватившись за борт, а другой за край льдины, он стал подтягиваться на мускулах. Но когда осталось сделать последнее усилие — забросить ногу за борт, шлюпка от толчка вильнула вбок, и Фритьоф вторично погрузился под воду.

Только тренированный спортсмен мог выдержать это трудное испытание. Нансен вынырнул и вскарабкался на ближайшую льдину. Тут он скинул сапоги, вылил из них воду, снял всю одежду, как мог выжал ее и надел на себя. Так, в сырой одежде и сапогах, продолжал промысел.

Шлюпка Баллона вернулась на судно поздно, к вечеру. К тому времени одежда на теле стрелка высохла, а он сам был, как обычно, весел и бодр.

В другой раз купание в ледяной воде было еще более рискованным — во время опасной охоты на медведя.

Надо сказать, что свирепый хозяин полярных просторов ростом и силой значительно превосходит своего лесного собрата. Одним ударом лапы он может уложить на месте здоровенного тюленя. Несмотря на большой вес и громоздкость, белый медведь очень проворен. Он прыгает с легкостью кошки и бегает по неровному льду с изумительной быстротой. Недаром этот отъявленный бродяга пускается в самые отдаленные странствования.

Однажды такого матерого зверюгу Фритьоф заметил из дозорной бочки на мачте. Медведь брел между торосами невдалеке от судна.

— Пойдем на него? — предложил Фритьоф капитану.

— Пойдем! — живо откликнулся Крефтинг и, в свою очередь, обратился к матросу Паулю, тоже страстному охотнику:

— Иди с нами!

Они схватили ружья, опустились на лед, быстро добежали до места, где должен был находиться медведь. А он как в воду канул! Охотники туда-сюда, видят на свежем снегу отпечатки медвежьих лап, а его самого обнаружить не могут.

Так метались долго, пока штурман из дозорной бочки не просигналил, в каком направлении надо искать. Потом штурман рассказывал: «Ну и поводил же вас медведь за нос! Вы направо, а он позади плетется. Вы налево, и он туда же. Вы прямо — он топает следом. Глядя на эту игру, мы тут животы от смеха чуть не надорвали!»

Когда охотники, наконец, нашли медведя, тот пустился

наутек. Нансен бросился за ним вдогонку, да впопыхах забыл о коварных, подтаявших краях льда. Едва во весь мах он прыгнул через широкую полынью, край ее подломился. Охотник бултыхнулся в воду. Спасти ружье было его первой заботой. Он кинул ружье на лед, а сам поплыл к низкому краю льда и выкарабкался из полыньи.

Погоня продолжалась. Нансен был без куртки, в шерстяном свитере и в комнатных сандалиях. В такой легкой одежде, вымокший насквозь, он перегнал даже долговязого Пауля.

Когда за торосом показался медведь, Нансен вскинул ружье. Но зверь проворно кинулся в воду, и пуля только ранила его в бок. Фритьоф помчался вдоль полыньи, чтобы добить медведя, шкура которого белела далеко в голубой воде. Где он вылезет? Угадать было трудно. Может быть, на другой стороне полыньи? Охотник без колебаний решил перебраться туда по двум ледяным глыбам, плывшим посередине.

Прыжок! И он на первой льдине. Стараясь сохранить равновесие, Фритьоф приготовился к новому прыжку. Вдруг впереди показалась мошная голова. Передние лапы медведя уперлись в край льдины. Еще миг, и он кинулся бы на охотника.

Балансируя, Фритьоф приложил ружье к щеке. Выпалил. Пуля попала зверю в грудь, он стал погружаться в воду. Фритьоф ухватил его за ухо и придержал.

Отставшие охотники подоспели, когда жирная туша зверя уже всплыла на поверхность.

— Я страшно испугался за вас! — воскликнул Крефтинг. — Медведь вынырнул у самых ваших ног, а вы стояли очень неустойчиво. Казалось, вот-вот свалитесь прямо в пасть. А я стрелять не мог: вы загораживали собой цель…

Медведь оказался самым крупным из всех убитых охотниками «Викинга». На нем было много шрамов от ран, полученных в схватках со свирепыми сородичами. Чтобы вступить в единоборство и одолеть такого богатыря, следовало обладать отвагой необычайной.

Фритьоф обладал этим качеством в полной мере. В сплаве с настойчивостью и волей отвага его становилась безудержной. Поэтому, едва с судна просигналили о появлении еще трех медведей, он снова ринулся навстречу опасности.

Просто, без прикрас описал он эту охоту в своем дневнике. «Раз я уже вымок, не имело смысла обходить полыньи. Если через них нельзя было перепрыгнуть, а из воды торчала ледяная „подошва“, я переходил по ней „вброд“. Не было „подошвы“ — пускался вплавь. Благодаря этому мой путь значительно сокращался.

Вскоре я догнал наших ребят. Они лежа поджидали медведя, который шел прямо на них. Я притаился чуть поодаль, чтобы не мешать им. Но заметил, что один из стрелков обернулся, посмотрел на меня и шепнул что-то своему товарищу. Они, видимо, испугались, как бы я не опередил их, и поспешили выстрелить, но только ранили зверя, который пустился наутек. Посланная мною пуля пробила грудь убегавшего зверя. Он упал, но снова поднялся и побежал. Я за ним, вдруг он повернулся и пошел мне навстречу. Пуля уложила его на месте.

Теперь была очередь за следующим медведем. Нам дали сигнал из дозорной бочки. Мы пошли в указанном направлении и сразу же увидали медведя, лакомившегося тюленьей тушей. Он был так занят, что не заметил, как мы подкрались на приличную дистанцию. Я не вполне был уверен в меткости своих товарищей и не хотел подходить ближе, полагая, что смогу попасть с такой дистанции.

Я свистнул, чтобы медведь поднял голову. Никакого результата. Еще раз — с тем же неуспехом. Тогда я свистнул изо всей силы. На этот раз зверь поднял голову. Я приложился и спустил курок.

Одновременно выстрелили двое остальных. Медведь повалился навзничь в воду. Я подбежал к краю полыньи, полагая, что зверю влепили сколько следует, и стал преспокойно ждать, чтобы его прикончить.

Но я сильно просчитался: медведь был хитер и вылез из воды за торосистой льдиной. Под ее прикрытием он с легкостью кошки выпрыгнул и убежал, А я остался с длинным носом.

Я пустился вдогонку. Улаф Хольместрандинг, у которого не было ружья, а лишь тюлений багор, побежал за мной, но отстал у первой широкой полыньи, через которую нельзя было перепрыгнуть. А я бросился в воду и поплыл на другую сторону.

Улаф покатился со смеху. Такого способа преследования медведя он еще не видал. Захотев перещеголять меня, он притянул к себе багром плывшую небольшую льдину и прыгнул на нее. Теперь настала моя очередь посмеяться: Улаф шлепнулся на край льдины руками и грудью, а ноги по пояс утопил. Высокие непромокаемые сапоги его доверху наполнились водой. Началось выливание ее из сапог.

Мне недосуг было дожидаться. Улаф ревел вслед, чтобы я не уходил: у него ведь нет ружья, как же оставаться одному с медведями. Я посмеялся над ним и побежал своей дорогой.

Бегу по льду, то нагоняя медведя, то отставая. Погоня продолжалась с одной льдины на другую. Медведь, если не мог перепрыгнуть через очень широкую полынью, бросался вплавь,

тогда я нагонял его изрядно. А потом я сам оказывался у полыньи, и мне приходилось переплывать ее, и тогда он уходил далеко вперед.

Миля за милей оставались позади, а зверь все не выдыхался. Но когда мы пробежали уже четыре мили, он начал делать петли, а я побежал напрямик; это помогло.

Видно, он начал уставать, и я замедлил бег. Затем он скрылся за торосом, а я, воспользовавшись этим прикрытием, снова кинулся во всю прыть. Он заметил мою уловку и тоже прибавил ходу, но спустя некоторое время опять замедлил бег.

Наконец я нагнал его и прострелил ему грудь. Он сделал несколько скачков и рухнул на лед. Пуля, поразившая его за ухом, положила конец его страданиям. Это был мой последний патрон».

Характерный рассказ! Наверно, любой охотник в таком случае расписал бы свой подвиг в тонах более героических. И не мудрено, что капитан Крефтинг и кое-кто из команды, наблюдавшие в подзорную трубу, как Нансен бегал и плавал взапуски с медведем, потом часто вспоминали эту необычную охоту.

Для многих на «Викинге» студент представлял загадку. Люди ломали себе голову над тем, для чего, собственно, он копается в кишках тюленей, медведей и птиц, измеряет температуру воды и занимается многими другими, тоже как будто никчемными, делами.

Однажды корабельный плотник спросил капитана:

— А кем будет потом этот Нансен?

Капитан был несколько озадачен таким вопросом и сказал, что, по его мнению, господин студент собирается стать натуралистом. По-норвежски это слово звучит «натурфорскер», но плотник спутал его со словом «натурфукер», что означает — невежда. И возразил:

— Ну, нет!.. А вот я вам скажу, кем он будет: скотским доктором.

— Это почему? — спросил капитан.

— Хе-хе, я видел, как он ловко кромсает зверей.

Но студент занимался не только изучением животного мира. Даже камни на поверхности плывущих айсбергов дали ему повод сделать любопытные научные выводы.

У гренландских берегов встречались особенно крупные айсберги. На некоторых из них выделялись какие-то темные пятна. Однажды показался такой черный айсберг, что издали можно было принять его за остров. Когда «Викинг» приблизился к нему, удалось разглядеть на ледяной поверхности разбросанные

камни.

Как они попали туда? Капитан разрешил студенту отправиться на шлюпке, чтобы исследовать это явление.

Ледяная гора высоко возвышалась над водой. Стены ее, с одной стороны крутые, обрывистые, с другой — пологие, почти сплошь были покрыты мелкой щебенкой и такими большими камнями, что одному человеку поднять их было не под силу.

Молодой ученый тщательно обследовал айсберг и пришел к выводу, который разрешил сомнения многих геологов, — в состоянии ли айсберги уносить с собой с суши столько камней, что из них могут образоваться в море донные отложения и банки?

— Да! — уверенно утверждал Нансен. — Некоторые айсберги переносят на себе колоссальные количества каменного материала. Когда они тают или опрокидываются в море, то их груз погружается в воду и отлагается на дне морском. Ежегодно множество айсбергов с таким грузом передвигаются с места на место, разнося массы камня по пути своего дрейфа. Охота на хохлачей уже подходила к концу, когда льды сковали «Викинг». Начался длительный, трудный дрейф. Судно двигалось зигзагами по Датскому проливу, Какая-то неудержимая сила гнала судно то в одну, то в другую сторону. Ветер? Течения? Или что-либо другое?

Нансен рьяно взялся за составление карты дрейфа. Каждодневно отмечал он малейшие изменения в положении судна. Одновременно измерял силу ветра и морского течения. Наблюдения его дали интереснейшие результаты. Поначалу казалось, что именно могучий ветер гнал льды и с ними судно к северу. Затем без всякой видимой внешней причины дрейф вдруг резко изменил свое направление. Через несколько дней ветер ослабел и настал полный штиль, а «Викинг» несло к югу. Следовательно, пришел к заключению Нансен, не ветер, а морские течения гонят корабль, скованный льдом.

Но, может быть, ветер все же оказывает существенное влияние на характер дрейфа?

Сравнительное изучение обоих факторов позволило утверждать, что ветер почти совсем не влияет на силу течения. А главной причиной капризно-изменчивого движения льдов является конфигурация морского дна. В Датском проливе, кроме того, заметную роль играет теплое течение Ирмингера, идущее на север вдоль широкой отмели к западу от Исландии.

Как это часто вдруг случается в Арктике, внезапно произошла перемена: томительный дрейф вдруг прекратился. «Викинг» вырвался из ледяных тисков и вышел на чистую воду.

Курс на родину!

Опять море, колышется синее море. Все паруса надуты ветром, и снова мерно работает винт. За кормой остается широкий пенистый след. Впереди пламенеет солнце, оно золотит верхушки мачт, играет в стеклах иллюминаторов. Там впереди Норвегия…

По случаю радостного возвращения команда за обедом получила по стаканчику пунша. Общий восторг вызвал тост, который провозгласил господин студент: «За моряков-полярников, за их жизнь, полную трудов и борьбы!»

Потом капитан спел песню своего любимого поэта Брауна:

Скоро мы Стикс переедем в челне,
Что ждет нас там, мы не знаем.
Знаю одно, и в том радость моя:
Песни, любовь меня ждут, друзья!

Изнурительный зверобойный промысел и рискованное плавание во льдах оставались позади. Трюмы «Викинга» до отказа набиты шкурами, салом и ворванью. Охота была напряженной, однако добычливой. Молодчага капитан Крефтинг! Строговат, требователен, зато дело свое знает отлично. Матросы и охотники-зверобои заработали не худо. Ох, уж весело они теперь погуляют на берегу! А потом, после короткого отдыха, снова отправятся в море.

«Викинг» быстро приближался к родным берегам. В конце июля из-за горизонта выглянули вершины гор. Потом показались скалистые островки, шхеры, холмы, одетые лесом, зеленые пашни. Мелькнул маяк Турунгена. И, наконец, ясным летним утром якорь «Викинга» с грохотом полетел на дно Арендальской гавани.

Студент Христианийского университета Фритьоф Нансен ступил в тот день на норвежскую землю с ясной целью и твердым убеждением посвятить себя полярным исследованиям.

Плавание на «Викинге» принесло ему многое — как обогатился его жизненный опыт и как закалился характер!

Но уйма новых и сложнейших «отчего и почему» с неумолимой настойчивостью требовали ответа: ныне они все сосредоточились в одном слове — Арктика.

НАКАНУНЕ

Сильный и радостный, шагаю я по дороге.

Уолт Уитмен

В то время как студент Нансен охотился на хохлачей и медведей у берегов Гренландии, двое видных ученых — столичный профессор Коллет и директор музея в Бергене Даниельсен — вели о нем оживленные переговоры по телеграфу. Дело в том, что музею в городе Бергене требовался лаборант. Даниельсен просил Коллета рекомендовать на эту должность подходящего человека.

Казалось бы, что для исполнения скромных обязанностей музейного лаборанта годились многие молодые люди, начинавшие научную карьеру. Но у директора Бергенского музея требования были особенно высокие — человек незаурядный, он. подбирал сотрудников себе под стать.

Даниель Корнелиус Даниельсен — зоолог и доктор медицины, автор многих трудов о проказе, почетный член Лундского и Копенгагенского университетов — был известен в Норвегии не только как крупный ученый. Неутомимый общественный и политический деятель, он немало способствовал развитию литературы и искусства.

В своем родном городке Бергене Даниельсен основал музей, ставший, по существу, исследовательским институтом биологии. Всякий молодой ученый счел бы за честь там работать. Потому, когда Нансен, вернувшись из экспедиции, услышал от профессора Коллета: «Хотите, я порекомендую вас Даниель-сену в Бергене?», он обрадовался, хотя и смутился этим предложением.

Да, он увлекается биологией и, разумеется, мечтал бы стать сотрудником такого ученого, как Даниельсен. А как же Арктика? Неужели придется отбросить всякую мысль об изучении ее таинственных далей? Нет, нет, занятия биологией не только не воспрепятствуют, но помогут более глубокому постижению жизни полярных стран.

И Нансен ответил согласием на предложение работать в Бергене. С тем увлечением и настойчивостью, с какими прежде выслеживал зверя на ледяных равнинах, теперь он стал наблюдать в микроскоп за движением и развитием микробов.

Этот превосходный дорогой микроскоп подарил Фритьофу отец. Бальдур Нансен, обычно бережливый, даже скуповатый

хозяин, превзошел все границы щедрости, когда дело зашло о научных занятиях сына. И сын так увлекся подарком отца, что иногда в продолжение многих часов не отрывал взгляда от стеклышка окуляра.

Все же не следует думать, что Фритьоф повел жизнь затворника, отрешившись от радостей и поэзии жизни: лаборант Бергенского музея стал членом двух гимнастических обществ и страстно увлекался музыкой и пением.

Один из бергенских друзей Нансена, доктор Григ, вспоминая о том времени, говорит, что Фритьоф обожал романсы Шуберта и Шумана. и часто декламировал известную поэму Ибсена «На горных вершинах». Особенно любил он читать главу из поэмы Тернера «Плач Ингеборг» и всегда от души хохотал, когда доходил до строфы:

Фритьоф, дивлюсь твоему ослеплению.
Стоит ли женщина вздохов таких?
Эта изменит — есть сотни других.
Счету им нет на земле, к сожалению!

Сердечные увлечения, свойственные молодости, отнюдь не были чужды музейному лаборанту. Но его никогда не покидало сознание превосходства собственной воли над минутными слабостями. Потому, вероятно, он столь веселился, читая строки Тернера.

Впрочем, и маститый директор Бергенского музея, хотя ему уже пошел восьмой десяток, был полон жизни, любил повеселиться в кругу близких ему по духу людей, сопричастных науке и искусству. Когда в своем уютном доме, обычно в окружении молодых сотрудников, подымал он бокал вина из собственного превосходного подвала, все его существо излучало радость бытия.

В лице Даниельсена Фритьоф обрел требовательного научного руководителя и заботливого друга. После отважного капитана Крефтинга то был второй человек, так умевший заражать всех своим оптимизмом и волей. Не случайно, что и по прошествии многих лет Нансен всегда добрым словом вспоминал этих разных по общественному положению, но одинаково сильных душою людей. Оба они оставили примечательный след в его жизни.

Чем занимался Нансен в Бергенском музее? Уже через год работы вышло в свет его исследование «Материалы к анатомии и гистологии мизостом».

Чтобы стало понятным это короткое, но мудреное для

непосвященного название, надо сказать, что мизостомы — черви, паразитирующие в лучистых животных и производящие значительные изменения в их организме.

Нансен изучил тончайшее строение мизостом, и ему удалось дополнить изыскания своих великих предшественников, таких известных ученых, как Семпер, Графф, Мечников и другие.

Однако главным предметом исследований молодого естествоиспытателя явилась нервная система червей, раков и самых низших разрядов позвоночных — ланцетника и миксин. В этой области биологии в те времена царил полный хаос. Существовало немало различных даже противоположных теорий о структуре нервных клеток, узлов и волокон животных низших разрядов.

Применив новейшие методы исследования, Нансен сумел проникнуть в таинственное строение центральной нервной системы миксины и ланцетника. В итоге пытливых, настойчивых изысканий он опубликовал обширную статью на английском языке: «Построение и связь гистологических элементов центральной нервной системы». Статья явилась ценными вкладом в литературу по данному вопросу.

Нет нужды перечислять другие специальные темы, которые разрабатывал лаборант Бергенского музея. Однако следует подчеркнуть, что одна из них привлекала его внимание неустанно. И характерно, что она имела непосредственное отношение к Арктике.

Киты… Эти морские, преимущественно полярные, млекопитающиеся происходят, очевидно, от животных, обитавших на суше. Нансен настойчиво доискивался доказательств земного происхождения китов.

В Бергене зародился необыкновенно смелый замысел экспедиции на лыжах через Гренландию.

«Однажды вечером я сидел и равнодушно прислушивался к чтению газеты, — рассказывал впоследствии Нансен, — как вдруг мое внимание приковала телеграмма, извещавшая, что Норденшельд благополучно вернулся из экспедиции в Гренландию, что не нашел там никаких оазисов, но только бесконечную снежную пустыню, по которой он в сопутствии двух лапландцев делал большие переходы в самое короткое время, так как там был отличный путь для лыж. И у меня молнией сверкнула мысль: на лыжах можно изрезать Гренландию вдоль и поперек!»

Задуманный план гренландского похода осуществился только через несколько лет. Дерзновенная мысль зрела все это время и не давала покоя Нансену. В октябре 1883 года он из Бергена пишет отцу: «Меня так и подмывает пуститься в путь… Во мне

просыпается тоска и желание вновь испытать что-нибудь новое, желание путешествовать. И как оно волнует меня, как его трудно подавить, и сколько оно успевает наделать мне хлопот, прежде чем, наконец, уляжется! Лучшим лекарством против таких приступов является работа. Я и применяю ее, и чаще всего с успехом».

Страсть к путешествиям, подавляемая усилиями воли, все же иногда прорывалась наружу. Тогда Фритьоф покидал стены музейной лаборатории и бросался в объятия дикой природы. Случалось это иногда так внезапно, что он без раздумья уезжал куда глаза глядят.

Походы в горы утоляли жажду общения с природой. Однако они не могли заменить настоящего путешествия в неведомые дали или хотя бы в ближайшие европейские страны. То было не простое стремление к бродяжничеству или столь распространенная среди туристов склонность к бездумному созерцанию чужой жизни.

Нет, молодой ученый мечтал не о развлечениях, когда поехал в Италию.

Что повлекло его в эту страну?

Выдающийся итальянский гистолог профессор Гольджи для изучения структуры нервных волокон применил их окрашивание. Сообщение об этом было встречено ученым миром с недоверием и резкой критикой. Вопреки общему мнению Нансен стал убежденным сторонником нового метода и решил изучить его непосредственно под руководством Гольджи в Павии.

Скромных средств лаборанта не хватало для заграничной поездки. Но Нансен находчиво вышел из положения. Незадолго до этого ему была присуждена Большая золотая медаль за труд о мизостомах. И он предложил выдать ее в бронзе, с тем чтобы ему была выплачена разница в стоимости. На эти деньги Нансен и отправился в Италию.

Ранней весной 1886 года рослый, светловолосый норвежец предстал перед профессором Гольджи. Итальянский ученый охотно ознакомил приезжего со своим методом исследований.

Пребывание Нансена в Павии не затянулось. По совету Гольджи он отправился в Неаполь. Там находилась созданная доцентом Иенского университета Антоном Дорном биологическая станция.

Об этом своеобразном учреждении следует рассказать особо.

Вдоль Неаполитанской бухты пролегает Корсо — набережная, с которой открывается широкий вид на голубые просторы Средиземного моря и живописный остров Капри.

Фешенебельное Корсо во время сезона заполняют щегольские

экипажи, шикарные всадники, толпы прогуливающихся людей. Рядом с этим оживленным местом раскинулся обширный тихий парк. Тенистые дубовые аллеи его перемежаются купами акаций и тропическими пальмами, среди которых светлеют мраморные статуи — превосходные копии образцов античной скульптуры. В глубине парка высится здание биологической станции.

Не случайно для ее постройки Антон Дорн выбрал побережье Средиземного моря. Фауна этого моря, исключительно богатая и разнообразная, дает неисчерпаемый материал для исследований. «И что особенно важно, — утверждал Дорн, — исследователи могут здесь изучать морскую фауну не по заспиртованным, обычно искаженным экземплярам, а наблюдая их живыми, в условиях, близких родной стихии».

Не легко далось Дорну осуществление его замысла. В 1870 году после долгих хлопот неаполитанский муниципалитет отвел землю для строительства биологической станции. Полный веры в свое начинание, Дорн вложил в строительство все личные средства. Но вскоре оказалось, что их не хватает даже для сооружения главного здания.

Тогда Дорн стал ходатайствовать перед германским правительством о субсидии. Ему удалось заручиться обещанием правительства о помощи, но при условии, если Академия наук одобрит проект станции.

Берлинская Академия наук, однако, отказалась поддержать начинание энтузиаста-ученого. К тому же из-за каких-то интриг неаполитанский муниципалитет запретил дальнейшее строительство станции.

Вероятно, большинство людей в подобном случае пришло бы в отчаяние. Но Дорн с несокрушимой энергией одолевал препятствия, ставшие на пути. Он нашел влиятельных сторонников в Берлине и добился дипломатического вмешательства в пользу своего дела в Неаполе.

После четырех лет борьбы и труда Антон Дорн воплотил в жизнь свою идею. Детище его быстро заслужило мировую славу. Многие государства, в том числе Россия, обязались ежегодно вносить деньги на содержание Неаполитанской биологической станции, ставшей одним из важнейших научных центров в Европе.

В статье для журнала «Природа» Нансен описывает станцию в Неаполе: «Все подвальное помещение огромного здания отведено под аквариум, подобный которому трудно сыскать; доступ в аквариум открыт для широкой публики. Это обширное сооружение со множеством бассейнов отличается трезвым простым стилем, чуждым всякой вычурности или кричащих

эффектов, оно привлекает внимание не только обыкновенных туристов, но и людей науки.

Исследователь может провести здесь целые часы, наблюдая редчайшие явления морской фауны, наблюдая жизнь в самых редких ее формах, и может научиться за это время куда большему, чем прочитав массу толстых, мудреных книжищ и перерыв мертвые сокровища всех музеев.

В научном отношении еще важнее кабинеты, расположенные в верхних этажах здания. Здесь работают естествоиспытатели всех европейских национальностей, имея под рукой все, что требуется для их трудов. Каждый из них может заявить лаборанту станции, какие организмы ему нужны для исследования, и эти организмы приносятся ему живыми, в их родной стихии.

Естествоиспытателю буквально не приходится делать из своего кабинета ни шагу — у него тут все под рукой: инструменты, и маленькие аквариумы, и превосходная библиотека. В этом заключается огромное значение учреждения. А когда ученый устает от кабинетной жизни, — к его услугам суда станции, и он может отправиться в море для собирания нужного материала. Станция имеет несколько лодок, два парохода, своих водолазов и всякие приспособления для ловли обитателей моря».

Из этих почти восторженных слов не трудно представить, с каким огромным интересом Нансен принялся за работу. Он сразу завоевал уважение и симпатии руководителя станции. Антон Дорн выделил талантливого и трудолюбивого норвежца из числа многих иностранцев, занимавшихся в лабораториях. Между ними завязались простые, дружеские отношения.

В Неаполе, пожалуй, даже еще в большей мере, чем в Бергене, Нансен горячо отдавался науке. В то же время он не отказывался от улыбок жизни. Еще бы! Веселый Неаполь, в котором по-южному ключом била жизнь, нельзя было сравнить с суровым северным городком. Прогулки при лунном свете в Сан-Себастиано, поездки на лодках к острову Капри или в Сорренто, дружеские ьстречи и пирушки были часты в разноплеменной среде ученых, собравшихся в Неаполе.

Нансен стал душой этого общества. «Он не сторонился радостей жизни и был прекрасным танцором», — отзывался Антон Дорн о своем норвежском сотруднике. А вот что рассказывает о нем один венгерский ученый, также работавший в Неаполе. «Нансен много способствовал общему оживлению, и случалось, что мы, серьезные ученые, так, бывало, разойдемся от музыки и вина, что начнем отплясывать кадриль, причем дирижером всегда бывал Нансен.

Однажды мы поехали в Сорренто через Кастелламаре. По пути нас нагнал экипаж с двумя дамами. Подсмеиваясь над нами, они устроили гонки и оказались далеко впереди. Тогда Нансен спрыгнул на землю, догнал насмешниц и пробежал рядом с их экипажем изрядное расстояние, чем вызвал всеобщий шумный восторг».

Но случались минуты, когда Нансен вдруг становился необычайно молчаливым и необщительным. Тот же венгерский ученый вспоминает, как у подножия Везувия «Нансен сидел на глыбе лавы несколько часов кряду, не шевелясь и вперив взор в пространство. Как я ни старался вывести его из задумчивости, звал его, он не двигался. И даже на обратном пути, идя со мной под руку, он, несмотря на все мои старания, оставался таким же молчаливым».

Сложная борьба происходила в душе Нансена. После бурных приступов веселья в кругу друзей он впадал в глубокую задумчивость, полностью отрешаясь от окружающего мира. Мысли его летели в безграничные дали. Он был накануне великих свершений…

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

Сначала неприветлива,
молчалива, непонятна земля,
Но иди, не унывая, вперед, дивные
сокрыты там вещи.

Уолт Уитмен

Король норманнов Эрик Рыжий, совершив убийство в Исландии, бежал куда-то на север. Несколько лет пропадал он без вести, но в 985 году, на горе своим подданным, вернулся обратно. Древняя сага сообщает, что преступный король совершил новое злодеяние: рассказал людям о будто бы открытой им чудесной Зеленой Стране — Гренландии. Хорошее имя, данное стране вечных льдов, рассказывает сага, привлекло многих исландцев. На поиски обетованных земель отправилось двадцать пять кораблей. Половина из них погибла в пути, а остальные достигли цели, лишь чтобы убедиться в обмане короля.

Величайший остров на земле — Гренландия — долгое время оставался загадочным. Сведения о нем были скудные. Ледяной колпак, толщина которого достигает двух и более километров, почти сплошь покрывает гренландскую землю.

«Арктическая Сахара» издавна привлекала взоры ученых. И это понятно. В истории образования нашей планеты и развития на ней органической жизни ледниковый период играет важнейшую роль. «Белый саван», окутывавший когда-то значительную часть Европы и Азии, ныне сохранился лишь в Гренландии. Страна эта — современный прообраз Земли ледникового периода. Изучение ее имеет широкий научный интерес.

Датчанин Далагер в 1752 году первый попытался проникнуть в глубь загадочной страны, однако сумел пройти через ледяные барьеры только тринадцать километров.

Через сто с лишним лет американский полярный исследователь Хейс одолел девяносто, километров. Известный шведский ученый А. Норденшельд в 1883 году прошел уже сто семнадцать километров по ледяному куполу. Наконец в 1886 году американец Роберт Пири установил своего рода рекорд, проникнув в глубь материкового льда на сто шестьдесят километров.

Все эти экспедиции дали обильный научный материал, но главная задача все же оставалась невыполненной, так как никому

не удалось пересечь оледенелый остров или хотя бы достичь его центральной части.

Эскимосы, жившие на гренландском побережье, утверждали, что их страна скована сплошным ледяным панцирем, над которым витают страшные духи. А. Норденшельд выдвинул гипотезу, что внутри Гренландии мягкий климат и даже есть места, покрытые лесом. Мнение шведского ученого оставалось практически не проверенным.

Лаборант Бергенского музея был взбудоражен уже первыми сообщениями газет об экспедиции Норденшельда в Гренландию. С тех пор в душе его зрел план о лыжном походе через всю эту страну.

Ни в письмах, ни в дневниках Нансена нигде нет упоминания, что побудило его так рьяно взяться за осуществление своего замысла именно в 1887 году. Все же можно разгадать причины, побудившие его к быстрым и решительным действиям. Это вести об успехах американской экспедиции Роберта Пири, которые появились в печати как раз в 1887 году. И, конечно, они-то и вызвали бурный отклик в душе человека, лелеявшего мечту о лыжном походе через «Арктическую Сахару».

Патриотические чувства, вероятно, тоже сыграли в этом немалую роль. Двадцатишестилетний Нансен в ту пору особенно горячо переживал зависимое положение своей родины от Швеции. И, как большинство норвежцев, прилагал все усилия для достижения национальной свободы. Что же могло быть лучше, чем подвиг во славу и честь родины!

Современники ярко описывают состояние Нансена перед отправлением в Гренландскую экспедицию. Вот непосредственный рассказ его бергенского друга доктора Грига:

«Однажды вечером, зимой 1887 года, сижу я в своей комнате за работой. Вдруг дверь отворяется настежь и входит Нансен со своей длинношерстной, плохо дрессированной собакой Дженной. Не выдавая себя за специалиста по этой части, я все-таки могу сказать, что Нансен слишком рассеян, чтобы дрессировать охотничьих собак.

Вечер был такой холодный, что даже Нансен накинул на свои плечи плед. Он уселся против меня на диване. С виду гость мой был спокоен, тщательно взвешивал в разговоре каждое слово, но я не мог не заметить, что он был чем-то очень захвачен.

— Хочу попытаться перейти через Гренландское плато… — сказал Нансен и пояснил свой план с помощью моей старой географической карты, ставшей с того вечера достопримечательностью.

По речам его видно было, что он не льстил себя надеждой на

легкий успех; напротив, он сам напрашивался на возражения. Я старался удовлетворить его желание насколько мог.

— Легче всего, — говорил он, — перейти Гренландию ближе к югу, где плато узкое, но очень важно показать свету, что плато можно перейти и гораздо севернее. — Нансен показал мне на карте предполагаемый маршрут.

Тогда ему не приходило в голову, что береговая полоса, которую он в тот вечер так свободно „переходил“ пальцем, станет для него впоследствии столь серьезным препятствием.

Узнав, что Нансен собирается ехать в Стокгольм, я спросил:

— Зачем?

— Отыскать Норденшельда и просить его рассмотреть мой план… Но сначала я сдам экзамен на доктора, а потом уже отправлюсь в Гренландию. Весна предстоит хлопотливая, ну да ничего, справлюсь!

Ко мне зашел товарищ, и мы втроем отправились гулять. Я и товарищ мой, по обыкновению будничных людей, хоть и слабо, продолжали оспаривать возможность подобного подвига, а Нансен все больше и больше горячился, подстрекаемый твердым убеждением в правильности своих предположений. Да, он решился поставить жизнь на карту, и вот увидите, дело пойдет как по маслу!

В те дни подобная готовность отдать жизнь за осуществление своей идеи явилась для меня каким-то откровением, и беседа этого вечера глубоко запала мне в душу».

Нансен отправился в Стокгольм. К тому времени он уже окончил диссертацию о гистологических элементах, ему оставалось только представить ее для получения степени доктора.

Профессор Бреггер не без юмора описывает появление Нансена в шведской столице:

«В четверг 3 ноября, когда я пришел в свой рабочий кабинет в Стокгольмском минералогическом институте, смотритель сообщил, что меня спрашивал какой-то норвежец. Но он не оставил визитной карточки и не назвал своего имени. Таких земляков ко мне заходило много. „Верно, опять один из тех, кого нужно выручить из временного затруднения!“ — подумал я.

— А каков он был на вид?

— Долговязый, белокурый! — Одет порядочно?

— Без пальто! — ухмыльнулся смотритель. — Видно, моряк или что-нибудь в этом роде.

Значит, моряк и без пальто! Пожалуй, мне предстоит его снабдить пальто. Не впервые!

Немного погодя заходит ко мне профессор Вилле с вопросом:

— Застал тебя Нансен?

— Нансен? Так этот моряк был Нансен? Без зимнего пальто?

— Как без зимнего пальто? Он собирается перейти ледяное плато Гренландии!

Спустя час заходит другой мой товарищ, профессор зоологии Лекке, и спрашивает:

— Ты виделся с Нансеном? Вот молодец-то! Он рассказал мне об интереснейшем открытии — о детородных органах у миксин. А его исследования нервной системы! Прелесть что такое!

После таких предварительных извещений зашел сам Нансен. Высокий, стройный, широкоплечий силач, так и дышащий здоровьем, молодостью! Действительно, долговязый и белокурый, как описал его смотритель. Волосы откинуты назад с широкого лба; одежда порядочно потертая. Он прямо подошел ко мне и, протягивая руку, с какой-то своеобразной приветливой улыбкой представился.

— Вы собираетесь перейти Гренландию? — сказал я.

— Полагаю.

Я смотрел на него во все глаза: невыразимо уверенный и внушающий доверие взгляд и добрая улыбка на резко очерченном, мужественном лице. По мере того как он говорил, несмотря на то, что обращение его оставалось таким же простым и, пожалуй, показывало, что он несколько стесняется, Нансен как бы вырастал в моих глазах. План его — пройти на лыжах от восточного берега Гренландии до западного, показавшийся мне сначала ни с чем не сообраз-ной выдумкой, — после его объяснений предстал как самая естественная вещь на свете. Мало того, я вдруг проникся непоколебимой уверенностью: да, конечно, Нансен перейдет Гренландию! Это так же верно, как то, что мы сейчас сидим и беседуем.

Человек, всего несколько часов перед тем совершенно мне незнакомый, сделался в течение каких-нибудь нескольких минут столь близким мне, как будто я знал его очень давно. Я почувствовал, что счел бы себя гордым и счастливым, став его другом на всю жизнь.

— Отправимся сейчас же к Норденшельду! — предложил я.

И мы тотчас вышли. Оригинальный костюм Нансена — плотно облегающая фигуру темная трикотажная куртка — не преминул привлечь внимание прохожих на улице. По этому костюму Густав Рециус принял Нансена за акробата или канатного плясуна.

Норденшельд находился, по своему обыкновению, в физическом кабинете. Навстречу нам попался хранитель музея Биндстрем, несший реторты.

— Старик там, но очень занят! — шепнул он мне мимоходом.

Войдя в физический кабинет, мы увидели, что „старик Норд“ возится со своими минералами. При виде его широкой мускулистой спины мне невольно вспомнилось одно приключение в Енисейской экспедиции в 1875 году. По реке ходили большие волны, ежеминутно угрожавшие потопить лодку, в которой плыли путешественники. Норденшельд, недолго думая, взял да уселся на самый край кормы и предоставил холодным как лед волнам разбиваться о его широкую спину. Так и сидел он несколько часов, изображая устой против волн. Из людей подобного закала и создаются исследователи полярных стран!

Поздоровавшись с Норденшельдом, я представил ему своего спутника:

— Лаборант Бергенского музея Нансен. Он решил совершить переход через материковый лед Гренландии.

— Вот как!

— Но прежде ему хотелось бы побеседовать немножко с тобой.

— Милости просим! Итак, господин Нансен решил перейти Гренландию?

Перед Норденшельдом как будто взорвалась бомба. Первоначально ласковое, но несколько рассеянное выражение исчезло с его лица. Он весь превратился в слух и внимание и словно мерил молодого гостя глазами, чтобы убедиться в том, что он за человек. Затем он вымолвил весело:

— Могу подарить господину Нансену пару прекрасных сапог. Да, я нисколько не шучу. В таких случаях крайне важно обеспечить себя обувью первейшего сорта.

Лед был сломан. Нансен начал развивать свой план. Норденшельд слушал, время от времени скептически кивая головой и ставя изредка какой-нибудь вопрос. В общем план Нансена представился ему, насколько я понял, хотя и очень смелым, но не безусловно невыполнимым. Было видно, что самая личность Нансена с первого же взгляда произвела на него сильное впечатление, и старик тут же изъявил свою полную готовность содействовать молодому смельчаку советами и опытом.

Предстояло еще разобраться в массе подробностей плана и решить множество вопросов, касающихся практической стороны экспедиции, но старик был очень занят, и потому мы условились, что Нансен зайдет к нему побеседовать в другой раз. Мы расстались с тем, чтобы свидеться в тот же вечер в Геологическом обществе. Перед уходом я шепнул Норденшельду на ухо:

— Ну, как по-твоему? Я со своей стороны уверен в том, что он перейдет.

— Может быть, ты окажешься правым! — ответил Норденшельд. Но выражение лица его вновь приняло скептический оттенок.

После заседания в Геологическом обществе Нансен зашел ко мне. Было уже довольно поздно. Вдруг во время нашей беседы, которую я вел с большой горячностью, а Нансен со спокойной уверенностью, раздался звонок, и явился Норденшельд. Теперь я понял, что он серьезно заинтересован.

Мы засиделись далеко за полночь, толкуя как о проектируемой Гренландской экспедиции, так и о других арктических и антарктических экспедициях.

Несколько дней спустя Нансен уехал в Христианию. Увез ли он с собой обещанную Норденшельдом пару сапог, мне не известно. Знаю лишь, что Норденшельд послал ему потом пару снежных очков. Зато Нансен, без сомнения, увез с собой немало важных указаний и убеждение в полном понимании и сочувствии со стороны знаменитого исследователя полярных стран».

Нансен не терял ни одного дня. Ободренный поддержкой Норденшельда, он обратился в Шведскую Академию наук с просьбой о правительственной субсидии для задуманной экспедиции. Просил очень скромную сумму — всего пять тысяч крон.

Несмотря на рекомендацию Академии, правительство отказалось выдать субсидию. В то же время в печати появились резкие возражения и даже грубые насмешки над человеком, затеявшим «совершить увеселительную прогулку в Гренландию» на государственные средства. Нашлись люди, которые называли план Нансена фантазией сумасшедшего. Одна бергенская газетка, например, поместила такое зубоскальское объявление: «В июне этого года хранителем музея Нансеном будет дано представление — бег на лыжах со скачками на материковом льду Гренландии. Места для публики — в трещинах. Обратных билетов можно не брать».

Даже в кругах, настроенных более серьезно, кое-кто поговаривал, что «грех содействовать намеренному самоубийству». А один датский исследователь Гренландии на лекции в Копенгагене утверждал: «Для тех, кто знаком с климатическими и географическими условиями восточной Гренландии, нет никакого сомнения в том, что Нансен, если корабль не сумеет взять его обратно, когда он будет вынужден отказаться от своего предприятия, погубит без всякой пользы свою жизнь и жизни своих спутников».

Хотя эти полные неверия слова были произнесены в столице Дании, помощь Нансену пришла от датчанина. Копенгагенский

коммерсант Августин Гамель пожертвовал на экспедицию в Гренландию пять тысяч крон.

1888 год, как и предвидел Нансен, начался для него хлопотливо. В зимние месяцы он усиленно тренировался, совершая на лыжах длительные походы в горы. Весной он защитил в Христианийском университете докторскую диссертацию «Нервные элементы, их построение и связь с центральной нервной системой».

Одновременно приходилось готовить снаряжение для предстоящей экспедиции. «Я скорее примирился бы с плохим докторским аттестатом, нежели с плохим снаряжением нашей экспедиции», — говорил он своему другу доктору Григу. Случалось, что днем Нансен читал публичные лекции, чтобы заработать деньги на покупку нужного снаряжения, а ночью взбирался на вершину горы Бламанден возле Бергена, чтобы там испытать качество спального мешка, приготовленного для экспедиции.

В журнале «Природа» Нансен опубликовал свой план перехода через Гренландию — продуманный, своеобразный, дерзновенно-смелый. Для успеха намеченного предприятия, писал он, решающее значение имеет, с какой стороны начать переход. Прежние исследователи обычно отправлялись с населенного западного берега на восточный, окруженный дрейфующими льдами, не позволяющими морским судам приблизиться к берегу. Поэтому если бы экспедиция даже и достигла своей цели, ей пришлось бы возвращаться назад, то есть проделать двойной путь.

Совсем по-иному получится, если, пробравшись через дрейфующий лед, начать переход с негостеприимного берега. Тогда до населенной западной части страны придется идти около шестисот километров только один раз.

Великое значение автор проекта придавал тому, что для отступления будут «сожжены все корабли»: для сохранения жизни необходимо будет во что бы то ни стало двигаться до населенных мест на западе.

Опубликованный план вызвал новые нападки противников экспедиции. Особенно много упреков вызвали слова о «сжигании за собой кораблей». Нансену указывали, что хороший начальник, наоборот, обязан прежде всего заботиться о надежной линии отступления, что, дескать, вызывает доверие подчиненных.

Нансен убежденно возражал: «Мое мнение таково: линия отступления — опасное препятствие для людей, желающих достичь своей цели, так как для выполнения поставленной задачи нужно вложить все, а не терять драгоценного времени и не

оглядываться назад, когда более чем необходимо смотреть вперед».

В ответ слышались голоса скептиков и маловеров: «Неосуществимый план! Несбыточная идея! Безрассудство!..»

Все же нашлись смельчаки, желавшие принять участие в рискованной экспедиции. После тщательного отбора Нансен взял с собой опытного моряка капитана Отто Свердрупа, лейтенанта пехоты Олафа Кристиансена и молодого крестьянина Кристиана Трану. На случай путешествия на оленях, кроме того, в состав экспедиции были включены двое лопарей — оленеводы Балто и Равну.

В начале мая 1888 года экспедиция отправилась через Шотландию в Исландию, а оттуда на зверобойном судне «Язон» к восточному берегу Гренландии.

Капитан «Язона» довел судно до кромки дрейфующего льда возле фиорда Семиликк на гренландском побережье. Тут Нансен совершил высадку и начал самостоятельный поход. «Высаживаемся в лодки с несокрушимой надеждой на счастливый исход нашего плавания», — сообщил он в последнем письме, посланном с уходящим «Язоном».

Надо было иметь огромный запас оптимизма, чтобы написать эти слова. Природа вокруг была угрожающе мрачной. Над прибрежными горами висели темные тучи. Лил холодный дождь. Сплоченный лед преграждал путь.

Странное зрелище представляли шестеро людей в коричневых непромокаемых одеждах с остроконечными капюшонами на головах, молчаливо и упорно пробивавшиеся между белыми льдинами по черной воде. Все чаще и чаще приходилось им пускать в ход топоры, ломы и перетаскивать лодки на руках. Уже в первую ночь похода острая льдина разрезала борт тяжело нагруженной лодки, которой командовал Свердруп. Но моряк не растерялся: с помощью Кристиансена он разгрузил лодку, вытащил ее из воды и мастерски зачинил пробоину.

Следующие сутки путники провели на льдине среди бушующего моря. Сильнейший ветер крошил и с ужасающей быстротой отгонял ее все дальше от берега. К счастью, удалось перебраться на более прочную льдину. Однако к утру прибой усилился, и вода стала заливать и это прибежище.

Нансен записал в своем дневнике: «Если будет еще хуже, нам придется в виде крайнего средства вывести лодки через прибой. Это будет жаркое дело, но жизнь дорога, и мы не отдадим ее дешево». Ниже — стихотворные строки:

«Прощай» всегда тягчайшее из слов,
А в мире есть прекрасного так много…

К вечеру бесконечная череда громадных волн, обрушившись на льдину, давшую приют шестерым людям, превратила ее в хрупкий осколок. С каждой минутой положение становилось все более угрожающим. Вот-вот следовало ожидать последнего рокового удара, и тогда бы пришлось в утлых лодках плыть по разбушевавшемуся морю. Навряд ли то было бы спасением…

Люди нашли в себе мужество расположиться на отдых в палатке. «Если нам придется выйти в море, — решил начальник экспедиции, — то необходимо выспаться, так как тогда, видимо, придется грести несколько суток…» Свердруп стал на первую вахту, чтобы разбудить всех в случае крайней необходимости.

Море бесновалось сильнее и сильнее. Прибой заливал льдину со всех сторон. Огромный ропак угрожал опрокинуться на палатку, в которой укрылись люди. Вахтенный несколько раз чуть было не подымал всех по тревоге и всякий раз останавливал себя у дверей палатки в надежде: а вдруг опасность минует? Был миг, когда Свердруп даже отцепил застежку у входа, но именно в тот миг и наступила спасительная перемена: ветер вдруг изменил направление и помчал льдину в сторону берега.

Начался многодневный дрейф к югу. Льдина то приближалась к земле, то неслась к морю. Наконец через две недели беспокойного плавания открылась синева чистой воды.

Лодки экспедиции подошли к скалистому берегу. Нансен радостно спрыгнул на землю. Каждая кочка вызывала в нем бурю восторга. Еще бы, мечта его начала осуществляться — он в Гренландии!

Только человек богатой и щедрой души мог так непосредственно, как Нансен, ощущать свое счастье. Сидя на камне и греясь на солнце, он заметил, как что-то с писком пролетело мимо, потом село ему на руку. То был комар, самый простой комар. Вскоре их налетело множество. Нансен пишет в дневнике: «Я позволил им кусать себя. То, что они сидели и, напиваясь моей кровью, раздувались, создавало ощущение, что я действительно, нахожусь на земле…»

Затем послышалось чириканье, и рядом на камень уселась, пуночка; она поглазела на новоприбывшего гостя, защебетала, перепрыгнула на другой камень, снова посмотрела и улетела. «Жизнь прекрасна и радостна!» — заключает Нансен описание этой простой сцены первых часов пребывания на суровом берегу Гренландии.

Лирически настроенный человек, в исполнении своей миссии он был твердым неумолимо, не допускал малейшей поблажки ни себе, ни другим. Едва ступив на гренландскую землю, Нансен установил жесткое правило: «Спать как можно меньше, есть как можно меньше и быстрее, а работать как можно больше. В пищу употреблять главным образом галеты, сушеное мясо и воду. На варку чего-либо и на охоту для добывания пищи времени не тратить!»

Правило это соблюдалось неукоснительно. Когда впоследствии Кристиансена спросили: «Достаточно ли ты питался во время экспедиции?», он признался: «Сыт я не бывал никогда!» — «Это было очень тяжело?» — «О да, особенно вначале, когда мы к тому еще не привыкли, — подтвердил Кристиансен и тут же добавил: — Однако Нансен сказал, что пищи мы получаем достаточно, и это помогло нам. Так и случилось на самом деле».

Вода, почти свободная ото льдов, позволила двигаться на лодках обратно к северу. Это длившееся около двух недель плавание было не легким. Все же чуткий к красоте природы, Нансен назвал его плаванием «по неведомому сказочному миру».

Трудно сказать, чего было больше на этом пути — красоты или риска? Часто громадные ледяные глыбы с оглушительным грохотом срывались с гор, поднимая опасное волнение вблизи лодок. Такой переворачивающийся великан представлял величественное зрелище. Путешественникам пришлось плыть по длинному тоннелю в большой ледяной горе, с высоты которой капала талая вода. В утри хрустальной горы происходила чудесная игра цветов, от зеленовато-голубого на воде до чистейшего синего и густого ультрамарина в бесчисленных ледяных гротах. А по ночам будили айсберги, низвергавшиеся в море с грохотом, похожим на пушечную пальбу.

Так, любуясь картинами величавой природы и одновременно борясь с ее грозными враждебными силами, путешественники добрались до мыса Умивик. Отсюда Нансен решил начать поход до Кристиансхоба, то есть пересечь всю Гренландию по направлению на северо-запад.

Празднично отметив чашкой горячего кофе достижение мыса Умивика (за двенадцать дней плавания вдоль побережья то была лишь вторая горячая пища), начальник экспедиции придирчиво привел в порядок все необходимое для дальнейшего путешествия.

Переход по льду требовал крепкой обуви. Поэтому к подошвам своих сапог участники экспедиции подбили новые подметки, для большей прочности прошили их стальной проволокой и укрепили латунными винтами. Особенное внимание было обращено на сани. Стальные полозья саней

сильно заржавели во время плавания по морю. Теперь их обскоблили, очистили, сделали как можно более гладкими.

Сани Нансена следует описать подробнее, так как в последующие времена они стали образцом для полярных экспедиций. Нансен отказался от громоздких, тяжелых саней, которыми обычно пользовались на севере. Он сконструировал нарты, прочные и настолько легкие, что их в состоянии был тащить один человек. Они были из упругого ясеня, части их не сколачивались гвоздями, а связывались, отчего при ударе сани не ломались, а лишь прогибались. Сзади полозьев стояла дуга вроде спинки стула, которая облегчала подталкивание и управление нартами. Эти своего рода сани-лыжи скользили по снегу, не увязая в нем.

Каждый участник экспедиции, кроме нескольких пар обычных лыж, имел особые канадские лыжи для хождения по глубокому рыхлому снегу. В спальных мешках из оленьих шкур помещалось три человека. И это было продумано: мешок на троих легче, чем три одиночных мешка, да и спать в нем теплее, так как люди согревают друг друга.

На всех, кроме лопарей, носивших балахоны и штаны из оленьего меха, была шерстяная одежда. Поверх ее надевались ветронепроницаемые куртки из бумажной материи. (После гренландской экспедиции такой одеждой стали пользоваться лыжники во всем мире.)

Для получения талой воды каждый носил за пазухой плоскую жестяную манерку, наполнявшуюся снегом. Алкоголь в любом виде Нансен вовсе исключил из рациона, считая, что он согревает и дает приятное ощущение лишь на минуту, а потом отнимает силы. Употребление табака было разрешено только самое умеренное, так как никотин уменьшает физическую выносливость и моральную стойкость.

Зато экспедиция была обильно оснащена научными инструментами, в снаряжении имелись ружья, альпинистские веревки, лопаты, топоры, а также лекарства, среди которых не были забыты ни капли от зубной боли, ни раствор для предохранения глаз от снежной слепоты. «В такой поход многое нужно брать с собой и ко многому следует быть готовым».

Нет нужды говорить о всех подробностях удивительного путешествия — они выразительно описаны в труде Ф. Нансена «На лыжах через Гренландию». Однако следует хотя бы кратко рассказать, как свершался этот подвиг во имя науки.

Когда экспедиция тронулась в путь, в воздухе слышалось веселое чириканье пуночки. То был последний привет земли. С тех пор прошло много дней. Неделя за неделей тянули путники

тяжело нагруженные сани. Ослепительное снежное море окружало их со всех сторон. Ежечасно вокруг было одно и то же, не виделось ничего, на чем мог бы задержаться взор.

Никаких приметных ориентиров! Курс приходилось держать только по компасу или определять по солнцу, когда оно открывалось. Идущие впереди постоянно оглядывались на тех, кто брел позади, и надо было внимательно проверять свои следы, чтобы идти по прямой линии, а не «вилять хвостом».

«Дорога» поначалу шла без подъемов, потом стала волнами подниматься все выше и выше в гору. Ветер смел мелкий, сухой снег в наметы, по которым сани тащились, как по песку. Изнурительный труд волочить их, когда по такой поверхности лыжи не скользят, а палки проваливаются в глубь многослойной снежной пыли. Веревочная упряжь саней тогда до боли врезается в плечи.

На шкале ртутных термометров, взятых в экспедицию, не были нанесены деления ниже тридцати градусов по Цельсию, так как никто не ожидал в конце лета особенно низкой температуры. Но по вечерам, когда заходило солнце, ртуть опускалась в термометре гораздо ниже последнего деления. Однажды Нансен, ложась спать, ради опыта положил под подушку спиртовый термометр. К утру столбик спирта упал за крайнюю отметку шкалы — тридцать семь градусов мороза.

После скудного завтрака все без промедления принимались за обычную работу — волочили сани по белой пустыне. Через несколько часов делалась короткая остановка, и каждый получал по плитке мясного шоколада. Затем двигались еще несколько часов до обеда, поглощаемого с возможной поспешностью. Впрочем, эта быстрота не представляла никаких затруднений, так как обеденные порции были предельно малы; их тщательно развешивали на крохотных весах. Поход продолжался до позднего вечера с перерывами для короткого отдыха и подкрепления неизменной плиткой мясного шоколада.

Вечерние часы в палатке были самыми желанными в течение суток. Тогда все усаживались на свои мешки вокруг кипятильника и в ожидании пищи грелись у спиртовой лампы. По утверждению всегда бодрого Нансена, несмотря на холод и усталость, в такие минуты казалось, что

> …все забыто, и злое позади,
> то был наш уголок, наш мраморный дворец…

Когда горячий суп наполнял кружки, развешивались порции хлеба и зажигался огарок свечи, ощущение счастья достигало

высших пределов.

Правда, путешественники постоянно испытывали жестокий жировой голод. По печальному недоразумению в экспедиции оказалось очень мало жиров. А потребность в них при огромном физическом напряжении на холоде возросла намного. Жировой голод зашел так далеко, что однажды Свердруп обратился к Нансену:

— Как вы думаете, не будет ли вредно, если я выпью сапожную мазь? Ведь она содержит льняное масло…

Свердруп очень огорчился предостережением Нансена:

— Едва ли это будет благоразумно!

Наряду с тем приходилось испытывать неутолимую жажду. Получить воду удавалось только таянием снега в жестяных манерках. Манерки наполнялись снегом, их клали на грудь, но обычно не хватало терпения ждать, пока от тепла тела растает весь снег. Воду пили по каплям и напиться как следует никогда не удавалось.

Почти как масло и вода, ценился табак. Трубка, выдававшаяся по воскресеньям, растягивалась надолго. Сначала курили табак, потом пепел и дерево трубки. Однако этого не хватало на целую неделю, потому в трубку запихивали просмоленную веревку. Вместо жевательного табака тоже употребляли просмоленную веревку. Даже стойкий Нансен однажды не удержался и попробовал ее пожевать, но тотчас выплюнул. Зато он нашел, что во время ходьбы хорошо жевать древесные щепки, которые сохраняли влажность во рту и как будто утоляли жажду. Вкуснее всего показались ему щепки из канадских лыж, сделанных из дерева черемухи. Нансен и Свердруп сжевали свои канадские лыжи почти целиком.

Нансен сам занимался определением курса экспедиции. По утрам он измерял высоту солнца над горизонтом для установления долготы, а в полдень — широты места. Производить эти измерения, подкручивая винты теодолита голыми пальцами на морозе и в метель, было не легко. Однако измерения делались всегда вполне точно.

Начальник экспедиции проявлял необычайное упорство в достижении поставленной цели. Ничто не могло сломить его стальной воли. И притом он отнюдь не был педантичным в выполнении своих намерений. Убедительное доказательство тому, что, находясь уже много дней в пути, Нансен резко изменил маршрут всей экспедиции. Почему так получилось?

По первоначальному плану конечной точкой маршрута был Кристиансхоб, находящийся на расстоянии шестисот километров от восточного берега.

На пути туда навстречу дул сильнейший ветер. Он не только затруднял движение людей, но, дуя прямо в лоб, не позволял пользоваться парусами. Да, парусами, которые изобретательные путешественники соорудили из имевшихся под рукой материалов и установили на своих санях. Так, используя силу природы, они заметно облегчили свой изнурительный труд.

По расчетам Нансена встречный ветер мог продержаться долго, что не позволило бы добраться до Кристиансхоба к половине сентября, когда уходили последние суда в Данию. В таком случае пришлось бы зимовать в Гренландии.

Несколько южнее Кристиансхоба находится датская колония Готхоб, расстояние до которой значительно короче — на целых сто тридцать километров! И, повернув туда, можно надеяться на попутный ветер. Правда, большой участок этого пути занимает обнаженная земля, где саням не пройти. Кроме того, на протяжении ста километров перед Готхобом надо одолевать высокие горы, огибая глубоко врезающиеся в них фиорды.

И все же, тщательно взвесив все «за» и «против», Нансен решил изменить первоначальный маршрут экспедиции. Сильнейшим аргументом в пользу такого решения послужило и то, что материковый лед в направлении Готхоба еще никем не был обследован, и потому сведения о нем представляли большой научный интерес. А район Кристиансхоба уже дважды посетил и описал Норденшельд.

Действительно, с помощью попутного ветра сани довольно быстро продвигались к Готхобу. Но иногда ветер свежел, переходил в бурю с метелью. Буря неистовствовала подолгу, заставляла укрываться в палатке и зарываться поглубже в спальных мешках. Едва непогода стихала, путешественники откапывали палатку, погребенную в сугробах, и продолжали идти к западному берегу.

Семнадцатого сентября исполнилось ровно два месяца с тех пор, как экспедиция покинула «Язон». Случилось так, что в этот день в рационе было масло — событие, всегда подымавшее общее настроение. И то был первый день, когда внутри палатки на стенах не свисал густой иней. Во время завтрака вдруг все услышали щебетание птиц. А вскоре, когда начался обычный санный поход, показалась летящая пуночка. Если пуночка на восточном берегу слала последний привет земли, то эта как будто радостно говорила: «Добро пожаловать на западный берег!»

Хорошие предвестия оправдались. Через несколько переходов путешественники заметили на горизонте какую-то темную точку. Лопарь Балто, обладавший очень острым зрением, закричал первый: «Земля впереди!» То оказалась гора, за ней показалась

другая, пониже.

Всех охватил бурный восторг: наконец-то перед ними земля, для достижения которой потрачено столько сил. Налетевшая пурга скрыла вершины гор, однако не могла погасить радости. Несмотря на буйные порывы метели, путники быстро устремились навстречу земле.

Падая на высоких застругах, проваливаясь и выкарабкиваясь из трещин, не делая остановок для отдыха, двигались они к западу. Спустилась ночь, а они шли и шли. Нансен вел всех, ощупывая путь палкой. Узкие трещины он словно не замечал. Все же темная пасть провала во льду заставила его остановиться. Только тогда он приказал сделать привал, чтобы опасное место обойти на рассвете.

День прошел в таком радостном возбуждении, что, лишь ложась спать, Нансен ощутил сильнейшую боль в обеих руках: они были отморожены. А на следующее утро обнаружилась и другая беда: накануне он забыл завести часы. И Свердруп тоже забыл, экая досада! Точное определение долготы места стало невозможным.

Жизнерадостного Нансена, казалось, ничто не могло привести в уныние. Вот как он описывает то утро: «Когда мы выглянули из дверей палатки, перед нами простиралась земля в виде высоких горных вершин — какое чудесное зрелище!.. Вершины гор покрывал свежий снег, а между ними темнели глубокие пропасти. Мы чувствовали, что в глубине их лежат фиорды, которых пока не видно.

В это утро мы совершили трапезу спокойно и не торопясь, вскипятили чаю и ели козий сыр с овсяными галетами. Даже Равну сиял, он говорил, что чует запах обнаженной земли и мха».

Скромные радости длились недолго. После «праздничной» трапезы снова продолжался поход. Ветер стих, потому всем пришлось самим впрячься в сани. К вечеру поднялась буря с градом. Град бил в лицо, а ветер кидал сани из стороны в сторону. На следующий день повалил снег. Идти стало еще труднее, так как исчезла всякая видимость. Изрытый трещинами лед стал непроходим.

И даже в этих условиях Нансен нашел повод для радости. Однажды Нансен, Свердруп и Кристиансен, связавшись вместе веревкой, вышли на разведку местности. Среди острых заснеженных гребней показалась темная ямка. «Не вода ли?» — подумал Нансен, но, прежде чем объявить об этом спутникам, осторожно ощупал палкой поверхность ямки. Да, там была вода!

«Радость наша не знала границ, — пишет Нансен. — Мы бросились на снег, прильнули ртом к воде и принялись пить. Мы

так долго томились жаждой, получая лишь небольшие порции воды, что пить сколько душе угодно было несказанным удовольствием… Этого вечера, когда мы в первый раз за весь поход по материковому льду напились вволю, мы не забудем никогда!»

Еще с большим восторгом путешественники ступили на землю. Едва началась каменистая почва, они тотчас скинули с сапог шипы, которыми пользовались для ходьбы по льду. И все «с легкостью резвящихся оленей» принялись бегать по земле. Страшный материковый лед, наконец, был позади! Впереди простиралась обнаженная земля, прорезанная долинами — путь к морю… Об этом моменте Нансен писал: «Нельзя выразить словами, что значит почувствовать под ногами землю и камни, пережить блаженство, ощущая, как ноги мнут зеленую поросль… Впервые за все путешествие мы улеглись на высокой мягкой траве. Мы растянулись на ней, с наслаждением вдыхая нежный горный воздух, пропитанный чудесным запахом, похожим на запах хвойных деревьев; его распространяло какое-то встречавшееся здесь растение. Перед палаткой мы развели большой костер. После ужина курильщики набили трубки мхом и растянулись вокруг горящего костра с дымящимися трубками, чтобы как следует почувствовать, что все мучения, перенесенные на материковом льду, уже позади. Была дивная ночь…»

Высокие горы и глубокие долины затрудняли дальнейший путь. Скудные запасы продовольствия экспедиции были уже на исходе. Следовало спешить. И Нансен решил пойти на риск: вместе со Свердрупом отправиться через фиорд в Готхоб, чтобы оттуда срочно прислать продовольствие.

В экспедиции не было подходящего судна для такого плавания. Но разве могло что-либо остановить человека, для которого принятое решение означало исполнение.

К сооружению лодки приступили немедленно. Два бамбуковых шеста и лыжная палка послужили основанием ее корпуса. Для шпангоутов использовали ивовые прутья, а на обшивку пошел пол палатки. Хотя главным инструментом являлся только топор, а протыкать жесткую парусину приходилось голыми пальцами, без наперстка, все же лодку удалось смастерить в один день.

То было неказистое суденышко, короткое и широкое, напоминавшее черепаху. Зато оно выдерживало на воде двух человек и кое-как могло двигаться при помощи весел, сделанных из вилообразных ивовых веток, на которые натянули брезент. Хуже всего оказались сиденья — очень узкие и жесткие: одно из штатива теодолита, другое — из тонких бамбуковых палок.

Нансен утверждал, что то были самые узкие сиденья, какими ему приходилось когда-либо пользоваться, отчего через самое короткое время известная часть тела болела жестоко.

Крошечная скорлупа еле справлялась с крутыми волнами и с трудом выдерживала жестокий встречный ветер. Все же, хотя и медленно, она приближала к заветной цели на западном берегу. Нансен был в отличном настроении и с юмором похваливал свое утлое суденышко за то, что «ни одна капля воды не попадает в него, кроме той, что хлещет через дно». Плывя в лодке, он застрелил шесть больших голубых чаек. Чаек ощипали и недолго поварили в кастрюле. Наконец после длительного недоедания удалось как следует насытиться. Свердрупа потом спрашивали, хорошо ли были вычищены птицы.

— Право, не знаю, — отвечал он. — Я видел, что Нансен что-то тащил из них, это была, наверно, часть кишок, а все остальное пошло в суп. Но лучшего я никогда не ел!

Нансен разделял мнение своего спутника. Стоит целиком привести его слова, они примечательно характеризуют самого Нансена, в душе которого поэтическое восприятие жизни всегда преобладало над трудностями и грубостью быта: «Мы раздирали птиц зубами и ногтями, и скоро первые две, сваренные в кастрюле, были съедены с головами, ногами и всем прочим. Затем мы принялись за следующих двух, но уже с большим спокойствием. Подобрали и суп. И так мы сидели, наслаждаясь бытием, а северное сияние необычайной силы затмевало свет нашего костра. Пылало сияние и на севере и на юге. Вдруг все понеслось в стремительном вихре через небо, а затем в вершине небесного свода образовался крутящийся огненный сноп. Глаза ослепил сильнейший свет. Но вот пламя уменьшилось, свет мало-помалу угас и только отдельные матовые световые туманности плавали по усыпанному звездами небу. Мы сидели пораженные — такого северного сияния я никогда „е видел ни раньше, ни позже. Внизу под нами темнел спокойный фиорд“.

Плавание по водам фиорда продолжалось несколько дней. То были самые радостные дни за все время путешествия, так как цель была близка, и уже это одно подымало настроение. Кроме того, наконец кончились муки голода. Уверенность в скором окончании экспедиции позволила прекратить жестокий режим экономии продуктов и… вдосталь питаться чайками. Нансен не мог нахвалиться супом из них, который, по его словам, был „несравненным“ и таким крепким, что сразу придавал силы, когда путешественники вливали в себя целые литры густого навара. В начале октября свершилось долгожданное событие — ивовая лодка путешественников приблизилась к мысу Готхоб. Из

домов на берегу тотчас выбежали местные жители, по большей части женщины-эскимоски. Они были потрясены, увидев жалкое суденышко с двумя белыми людьми. Им не верилось, чтобы люди могли приехать в такой посудине! Эскимосы приветливо встретили путешественников. Затем к ним подошел молодой европеец, одетый в эскимосскую одежду. Приняв прибывших за англичан, потерпевших крушение, он обратился к ним по-английски с датским акцентом, потому Нансен ответил ему на датском языке, объясняя причину столь неожиданного и удивительного появления.

Нансен не ошибся: действительно, то был датчанин, служащий торгового агентства в Готхобе.

Первым вопросом к нему было:

— Когда отсюда пойдет судно в Европу?

— Увы! Должен вас огорчить, — ответил датчанин. — Последний пароход ушел уже несколько месяцев назад. В Гренландии теперь нет ни одного судна, на которое вы могли бы попасть. Впрочем, на юге, в Ивигтуте, быть может, еще стоит „Фокс“, кажется, он должен уйти в половине октября…

— А далеко до Ивигтута?

— Четыреста километров… Не успеете!

Так рухнула надежда вернуться домой в том же году, надежда, которая поддерживала в тяжкие минуты в пути и позволяла мечтать об отдыхе на пароходе! Значит, придется провести в Готхобе длинную зиму, и близкие люди на родине, не получая никаких известий, будут считать экспедицию погибшей.

В Готхобе имелось пять домов европейского типа, несколько эскимосских хижин и церковь. Все население этой маленькой колонии выбежало встречать нежданно-негаданно появившихся путешественников. Их приветствовали, как самых дорогих гостей. Прогремел даже салют из старой пушки, какими-то судьбами оказавшейся на забытом всем миром берегу. По этому поводу Нансен заметил с горьким юмором:

— Под пушечные выстрелы мы простились с европейской цивилизацией, под пушечные же выстрелы мы снова с ней встретились. Или гром пушек есть символ нашей культуры? По-видимому, так!

Великим наслаждением было умыться горячей водой с мылом, переодеться в чистое платье. Все располагало к отдыху. Но начальник экспедиции не оставался бездеятельным: вопреки всем обстоятельствам он решил попытаться установить связь с капитаном „Фокса“. И следовало поскорее отправить продовольствие спутникам, оставшимся в бухте Амерлик.

На первых порах ни то, ни другое осуществить не удавалось,

ибо задул такой сильный ветер, что эскимосы не решались выходить в море на своих легких каяках. Только „а следующий день один эскимос вызвался доставить письмо в Ивигтут. В этом письме Нансен просил капитана „Фокса“ взять экспедицию в Готхобе или хотя бы сообщить в Норвегию о благополучном достижении западного берега Гренландии.

Хотя скверная погода не менялась, двое смельчаков, наконец, согласились доставить провиант в Амерлик. Заботливые готхобские колонисты добавили к этой посылке всякие лакомства. А Нансен сверх всего необходимого послал лопарю Балто фарфоровую трубку и целый фунт табаку, что обещал ему однажды для поддержания его сил в трудном переходе.

Прошло шестнадцать дней, прежде чем участникам экспедиции удалось собраться вместе в Готхобе. Нансен с радостью встретил своих товарищей. Неужели еще совсем недавно и он был таким же отощавшим, грязным, обросшим длинными волосами?

Невзгоды путешествия забылись быстро. Дни летели незаметно; заботило лишь ожидание известий от капитана „Фокса“. Добрался ли до Ивиггута посланный туда эскимос? Успел ли застать там пароход? А если пароход не ушел раньше — то что ответил капитан: возьмет ли с собой экспедицию?

Ответ пришел нерадостный. Вернувшийся посланец сообщил, что он достиг Ивигтута в последнюю минуту, когда „Фокс“ уже поднимал якорь перед отплытием. Капитан не рискнул совершить дополнительный рейс на север в Готхоб в позднее осеннее время, к тому же он не знал фарватера, а ночи были уже темные. И „Фокс“ ушел…

Оставалось единственное утешение — судно доставит на родину сообщение о том, что экспедиция успешно завершена и все ее участники живы-здоровы. Итак, по крайней мере полгода предстояло провести в Гренландии.

ТОЛЬКО УЧЕНЫЙ? НЕТ!

Они тоже наслаждаются жизнью и природой, но истекают кровью под нашей железной пятой.

Ф. Нансен

Что принесла науке Гренландская экспедиция?

Наконец были получены вполне достоверные сведения о центральной части этого огромного острова. Легенда о существовании там земли с теплым климатом, покрытой лесами и, возможно, даже обитаемой, была рассеяна полностью. В действительности в глуби острова климат оказался еще более суровым, чем вдоль морских берегов, а территория необитаемой и лишенной растительности.

Впервые была составлена точная карта обширного пространства от восточного до западного побережья Гренландии. Рельеф местности, растительный и животный мир и — что очень важно — характер льдообразования — все это перестало быть гадательным. Наука получила достоверные данные и о центральной части страны, о которой ранее строились самые фантастические предположения.

Но этим далеко не исчерпываются заслуги экспедиции Нансена. Молодой ученый открыл Гренландию для остального мира, и с другой, несколько неожиданной стороны. Вырывая тайны от природы, он не ограничился узкими научными целями. Благодаря ему, мир узнал правду и о жизни тех, кого до той поры считали совсем «дикими», почти первобытными людьми. А кое-кто из европейцев (находились и такие!) даже сомневались в их человеческом происхождении.

Эскимосы…

Неизвестно, когда этот маленький народ появился в Гренландии. Во всяком случае, то было давным-давно. Находки древней утвари и орудий охоты позволяют думать, что эскимосы еще в доисторические времена обитали на севере около фиорда Уманак и много позднее поселились в южной части страны.

В восьмидесятых годах прошлого века на западном побережье Гренландии насчитывалось всего около десяти тысяч эскимосов, а на восточном, возле Ангмассликка, лишь немногим более полутысячи. Год от году количество их неумолимо уменьшалось. Народ вымирал.

За время своего пребывания в Готхобе Нансен глубоко изучил

быт и характер гренландских эскимосов и написал о них книгу. Несколько забегая вперед, следует сказать, что эта правдивая, страстная книга вызвала бурный отклик в Европе. Еще бы! Автор выступил в ней с защитой народа, гибнущего от грубой эксплуатации европейскими колонизаторами.

Жизненные блага на свете, писал Нансен, распределяются неравно. Есть люди, которым стоит посадить хлебное дерево в своей юности, чтобы уже навеки быть обеспеченными, а иным приходится всю жизнь вырывать у враждебной природы крохи для продления своего существования. Эскимосы один из таких народов — они находятся на аванпостах человечества в его постоянной борьбе с природой.

Гренландские эскимосы обитают на земле, которой остальные пренебрегли. В тяжкой борьбе за существование они научились многому, для других недоступному. Там, где для прочих людей кончаются возможные для жизни условия, у эскимосов начинается жизнь. Они привыкли к своим местам, любят их, считают миром, где только и могут жить настоящие люди.

По мнению Нансена, гренландец «самый порядочный человек, какого создавала природа»: доброта, миролюбие и уживчивость — выдающиеся черты его характера. Он всегда готов быть со всеми в самых лучших отношениях и избегает обид, не говоря уже о грубой брани. Он не любит противоречить, даже если знает, что сказанное ему неверно. Во всяком случае, он возражает человеку, говорящему неправду, в возможно мягкой форме. Он старается не говорить правды, если думает, что она кому-либо неприятна, тогда он охотнее употребляет неопределенные выражения, даже если речь идет всего лишь о погоде.

Но вот, писал Нансен, появились европейцы. Не зная и не понимая этого народа и его нужд, они прежде всего принялись навязывать свою религию, уничтожать туземные обычаи и традиции, ничего не давая взамен. Европейские миссионеры полагали, что смогут обратить эскимосов в христианство, не подозревая того, что свободный народ охотников исповедовал доктрину милосердия и любви гораздо полнее, чем христианские нации.

Нансен нисколько не идеализировал эскимосов, сопоставляя их доброту с алчностью европейских колонистов. И, конечно, заносчивых колонизаторов задели его слова о том, что у коренных гренландцев считается обязанностью помогать тем, у кого ничего нет, пока имеется, чем помогать. Гренландцы, если голодают, то все сообща. В Гренландии не слыхано, чтобы кто-

нибудь жил излишествуя, когда другие нуждаются, меж тем как в европейском обществе такое явление повседневно. И зачастую бывает, что у европейских колонистов ломятся склады от запасенной провизии, в то время как гренландцы умирают с голоду.

Как у всякого охотничьего народа, понятие о собственности у эскимосов было весьма ограниченное. Частная собственность наиболее полно признавалась лишь в отношении каяка, орудий охоты и рыбной ловли. Все эти предметы принадлежали одному охотнику, и никто не смел их захватывать. Зато понятия земельной собственности у эскимосов совсем не существовало, и они не ведали распрей из-за дележа земли.

В связи с этим Нансен высказал решительное убеждение: «Европейцы руководятся принципом, что хорошо развитое чувство собственности — первое условие цивилизации. Является ли это благодеянием для эскимосов? Вопрос этот может вызвать сомнение кое у кого, что же касается меня, то я на этот счет без колебаний отвечаю „нет!“. И он добавляет: „Законы, на которых основывалось гренландское общество, чрезвычайно близки настоящему социализму, осуществленному в жизни“.

В книге о Гренландии радикальные взгляды молодого Нансена выразились с особенной силой. Хочется привести и другие его высказывания, чтобы представить их прогрессивную направленность.

„По-видимому, грабить чужеземные народы совместимо с европейской моралью, если судить по тому, как европейцы обычно обращаются с туземными племенами в Африке и в других местах…Во многих отношениях эскимосская мораль выше той, которая существует в большинстве европейских обществ. Я напомню хотя бы об их самоотверженной любви к ближнему и их готовности приходить друг другу на помощь — в нашем обществе, обыкновенно, этого нет и в помине“.

Резко критикуя поведение европейцев в Гренландии, Нансен все же подчеркивает, что они обращались с эскимосами гораздо мягче, чем с другими народами, подвергшимися „цивилизаторским экспериментам“. Тем не менее взаимоотношения „цивилизаторов“ с местным населением характеризуют такие факты: в датских колониях, в южной Гренландии, туземцам запрещалось держать нужных им собак только потому, что они беспокоили коз, принадлежавших нескольким европейским семействам. Так поступил даже миссионер — единственный европеец в поселке.

Гренландцы, утверждает Нансен, — народ кроткий, терпеливый. Как-то европеец, живший в Готхобе, послал женщин-

эскимосок за сеном на луга возле фиорда Амерлик. Эскимоски, исполнявшие это поручение, отсутствовали очень долго, и никто не мог понять, что с ними случилось. Наконец они вернулись и на вопрос: „Почему вы так долго пропадали в Амерлике?“ — ответили: „Когда мы добрались до места, трава была еще слишком низка — нам пришлось ждать, пока она вырастет“.

Этот рассказ Нансен заключает с горечью: „Вот с таким точно терпением гренландцы дожидаются того, когда созреет их собственная гибель. Они терпеливый народ“.

„Что же в итоге принесла европейская цивилизация гренландцам?“ — задается вопросом Нансен. И дает ответ, в котором заключается зерно его гуманистической философии в будущем.

На первый взгляд может показаться, что европейцы привезли народу, жившему, в сущности, в каменном веке, многое, что должно было облегчить тяжелую борьбу за существование. Фактически случилось наоборот. Большинство вещей, привезенных „диким“ людям, принесло им не пользу, а большой вред.

Огнестрельное оружие? Нет, говорит Нансен, ружья не помогли охотникам, а привели к быстрому избиению оленей ради прибыли. На узкой полосе пустынной земли, лежащей вдоль западного берега, уничтожалось не менее шестнадцати тысяч оленей ежегодно. Причем обычно снималась только шкура, которую дешево покупали европейцы, а мясо выбрасывалось. В результате такой хищнической охоты олени были почти полностью истреблены. То же случилось с тюленями: ружье сделало редкими их когда-то бесчисленные стада.

Непоправимый вред нанесли эскимосам такие европейские товары, как табак и спирт. Появились и болезни, которых ранее не знали гренландцы: туберкулез и сифилис.

Деятельность европейцев в Гренландии привела к упадку и вырождению. Единственной „наградой“ было формальное введение христианства. „Но мне кажется неизбежным вопрос, — восклицает Нансен, — не куплено ли христианство слишком дорогой ценой?

Не возникнут ли у самого глубоко верующего некоторые сомнения в том, является ли христианство действительно благословением для народа, если оно куплено ценою всего его благополучия.

…И напрашивается вопрос: может ли считаться более завидным положение эскимоса, являющегося христианином только по названию, но который не в состоянии поддержать свою семью, имеет плохое здоровье и погружается все больше и больше

в нищету, чем положение эскимоса-язычника, живущего в „темноте духовной“, но который может содержать свою семью, крепок здоровьем и вполне доволен своей жизнью?

Если бы эскимос мог по-настоящему соблюдать свои интересы, то он бы обратился к богу с горячей просьбой: „Господи, спаси меня от друзей, а с врагами я справлюсь сам!“

Размышляя о том, что принесла европейская цивилизация Гренландии, Нансен пришел к печальным выводам. Хотя европейцы обращались с эскимосами гораздо мягче и осторожнее, чем обычно вели себя с туземцами в колониях, эскимосы обречены на гибель.

„Не является ли это для нас серьезным предупреждением? Если мы посмотрим на другие первобытные народы, разве мы не найдем, что результаты соприкосновения с европейской цивилизацией и христианством были всюду одинаковы?

Что случилось с индейцами? Что стало со столь гордыми когда-то мексиканцами или с богато одаренными инками в Перу? Где аборигены Тасмании и туземные народы Австралии? Скоро не останется ни одного из них, кто бы мог поднять свой обвиняющий голос против принесших им гибель. А Африка? Мы уже начали ее грабить. Если негры не окажутся более стойкими в жизни, чем другие народы, то они, несомненно, пойдут тем же путем, как только к ним явится христианство со своими развевающимися знаменами. Но мы этим нисколько не смущаемся, и у нас всегда готовы громко звучащие фразы о том, что мы приносим бедным туземцам благословение христианства и цивилизации“.

Не следует думать, что эти страстные слова были вызваны лишь случайным эмоциональным порывом. Нет, они отражали взгляды Нансена, были итогом его глубоких, горестных раздумий не только над виденным в Гренландии, но и над тем, что происходило в других частях мира.

С тем же страстным негодованием говорит он о христианских миссионерах в Китае, лжепроповедниках мира и человеколюбия. Когда китайцы не в пример беспомощным гренландцам оказывали им сопротивление, то эти мнимые миротворцы взывали к своим правительствам. И правительства присылали корабли и войска, которые огнем пушек расправлялись с ни в чем не повинными людьми. А едва китайцы попытались оградить себя от ввоза губительного яда — опия, как народы, исповедующие христианство, начали кровопролитную войну, чтобы открыть китайские порты для торговли опиумом.

„Ни на одном языке не найдется слов, чтобы описать это постыдное злодеяние!“ — восклицает Нансен

Записи своих впечатлений о Гренландии Нансен заканчивает

широкими, обобщающими выводами. В них ярко отражается концепция человека, который выступает не только в роли ученого, но и как прогрессивно мыслящий общественный деятель.

Право, стоит привести здесь хотя бы часть этих высказываний — они позволяют лучше понять последующую жизнь ученого-гуманиста.

„Неужели мы никогда не откроем глаза на то, что мы действительно делаем? Разве не должны все истинные друзья человечества, от полюса до полюса, поднять единодушный энергичный протест против всех злоупотреблений, против самоуправства и позорного обращения с нашими собратьями иной веры и иной степени цивилизации?

Придет время, когда потомство строго осудит нас, и те злоупотребления, которые мы сейчас связываем с фундаментальными принципами христианства, будут заклеймены как глубоко безнравственные. К тому времени нравственность настолько поднимется, что люди не будут более считать себя вправе бросаться на любой первобытный народ, попадающийся на их пути, лишь чтобы удовлетворить свое собственное религиозное тщеславие и для того, чтобы творить "добрые дела", которые нисколько не полезны угнетенному народу.

— Наступит ли такое время, когда люди честно и бескорыстно будут оказывать помощь отсталым, слабым народам? — задается вопросом Нансен. Отвечая себе, он проникается неверием, почти отчаянием, так как, по его мнению, вряд ли так называемая цивилизованная часть человечества сумеет понять свои заблуждения, прежде чем голод и нищета сметут порабощенные народы с лица земли.

Так думал человек, сумевший первым пройти через дотоле не изведанную, первозданно-суровую страну, которого нельзя было упрекнуть в недостатке дерзания, воли, радостного восприятия жизни.

ДОМА И НА ЧУЖБИНЕ

Я даю тебе мою любовь, она драгоценнее золота.
Я даю тебе самого себя, раньше всех наставлений
и заповедей.
Дашь ли ты мне себя? Пойдешь ли ты со мною в дорогу?
Будем ли мы с тобой неразлучны до последнего дня нашей
жизни?

У. Уитмен

Возвращение Нансена из Гренландии «можно назвать почти триумфальным. И слово „почти“ приходится сказать лишь потому, что уже через несколько лет его снова встречали на родине с еще большими почестями.

Двадцативосьмилетний путешественник сразу стал национальным героем Норвегии. Слава его облетела весь мир. Почетные звания, дипломы, ордена, медали обрушились на скромного хранителя Бергенского музея.

Лондонское географическое общество, присудив Нансену свою высшую награду — медаль „Виктории“, — вот как определило его заслуги. Медаль присуждена:

„За то, что он возглавил крайне опасную экспедицию, во время которой не могло быть речи об отступлении и была поставлена на карту как его собственная жизнь, так и жизнь его спутников. Для выполнения такой задачи надобно было обладать всеми наилучшими качествами путешественника-исследователя.

За то, что, несмотря на все испытанные в путешествии лишения и трудности, он совершил астрономические и метеорологические наблюдения, требовавшие исключительной выносливости и выдающихся способностей от деятеля науки“.

Известный английский исследователь Арктики Альберт Маркхем заявил: „Я считаю Гренландскую экспедицию с точки зрения географа одним из величайших подвигов нашего времени, соединившим в себе высшую смелость предприятия с обширным научным значением“.

Пожалуй, наибольшее удовлетворение Нансену доставило отличие, которым его удостоило Шведское общество антропологии и географии. Медаль „Веги“… Установлена она

была в честь знаменитого корабля „Вега“, проложившего Северный морской путь в Ледовитом океане. Эта высшая международная награда присуждалась лишь в редких случаях за выдающиеся географические открытия. До того ее были удостоены только Норденшельд, Паландер, Стенли, Пржевальский, Юнкер.

Когда студент Нансен, плавая на „Викинге“, охотился „а тюленей в Ледовитом океане, впервые произошла его встреча с прославленной „Вегой“. С восторгом и преклонением любовался он кораблем, на котором Норденшельд дерзнул обогнуть Азию. Не думалось тогда юному студенту, что наступит время, когда он станет обладателем медали „Беги“, как сам Норденшельд.

Норвегия видела в Нансене своего великого сына. Он одержал победу над обледенелой страной как вдумчивый ученый и одновременно как сильнейший спортсмен. И в его книге наука удивительно органично сочетается со спортом. Лыжи, лыжи! Пара обыкновенных лыж… Без них не удалось бы одолеть страшную „снежную Сахару“. В Европе и в Америке до той поры мало кто занимался лыжным спортом. А после Гренландской экспедиции началось повальное им увлечение. По примеру норвежцев немцы основали свой первый лыжный клуб в Шварцвальде, затем открылись такие же клубы в России, Швейцарии и других странах.

Книга о Гренландской экспедиции имела грандиозный успех, она стала откровением для старшего поколения и молодежи. Автор ее не шел к славе ценою жизней других людей, как поступало большинство исторических героев. Слава пришла к нему сама, ибо он был подлинным героем с железной волей, смелым умом и открытым сердцем.

Гренландская экспедиция стала своего рода школой для всех отправляющихся в путешествия. Опыт ее изучали и стремились применить не только в суровой Арктике, но и в условиях знойной Африки. Ведь научный подвиг не знает границ — повсюду к нему стремятся лучшие умы и сердца человеческие.

19 июня 1889 года Нансен записал в своем дневнике: „Она ожидает меня…“ Кто была „она“?

Но сначала еще несколько слов о нем самом. Накануне широким, свободным шагом спортсмена, шагом путешественника, привыкшего ходить в гору и против ветра, шел он по пустынным улицам Христиании. Город уже спал в тот ночной час и был тих, как бывает тихим море, успокоенное штилем.

На улице Айлерт-Зунд он остановился у одного из небольших домов с красной черепичной крышей.

Окна дома находились низко, и Нансен мог бы легко, даже не становясь и а цыпочки, заглянуть внутрь, однако он предпочел схватить с земли горсть песку и бросить ее в окно.

Дребезжание стекла вызвало заспанно-недовольный голос из глубины:

Кто там, черт побери?

Это я!

— Ты, Фритьоф?

— Да, дорогой зять!

— Ну и нашел время для визитов! Право, только ты на это способен…

Дверь открылась. Нансен вошел прямо в спальню своей сестры и ее мужа. Широко расставив ноги, заложив руки в карманы, стройный, веселый, он молча уставился на них.

— Ради бога, говори скорее, что случилось? — воскликнула сестра в испуге: бывало и раньше, что брат захаживал в неурочное время, но так, среди глубокой ночи, он еще не заявлялся.

Фритьоф молчал, продолжая улыбаться.

— Да говори, что с тобой? Наконец тайна слетела с его губ.

— Я обручился… — еле слышно прошептал он и вдруг громко, счастливо рассмеялся.

— С кем?

— С Евой, конечно! Ева Саре и Фритьоф Нансен… Не правда ли, вместе это звучит чудесно?

— Поздравляю! Поздравляю!.. — горячо откликнулись сестра и зять.

Разумеется, они знали невесту; была она из довольно известной норвежской семьи. Отец ее, Микель Саре, сначала был священником, потом занялся наукой, стал выдающимся зоологом, много потрудился как океанограф, был профессором университета в Христиании. В роду его жены многие сыграли заметную роль в духовной жизни страны, особенно в развитии ее искусства. Так, например, брат жены, Вельхавен, был известным поэтом.

А сама Ева Саре? Нельзя было не залюбоваться ее гордой, холодной красотой, а кто знал ее ближе, говорил и о тепле, спрятанном глубоко в ее сердце, Она обладала хорошим голосом, училась музыке в Берлине, славилась как отличная спортсменка.

— Правду говорят люди, что ты познакомился с ней в лесу Фронеральм? — спросила сестра. — Увидел в снежном сугробе две барахтающиеся ноги с лыжами, а когда помог подняться, оказалось, они принадлежали…

— Девушке сияющей красоты! И я влюбился в нее сразу… — Нансен не подтверждал, что то была правда, и ничего не отрицал,

он просто смеялся. Ему очень хотелось смеяться и говеем не от выпитого шампанского, которое зять поспешил принести из погреба, чтобы отметить столь торжественный случай, а просто оттого, что всякое напоминание о Еве Саре ему было необычайно радостно.

С решимостью человека, которого ничто и никто не может увести от главной жизненной цели, делая предложение Еве, он предупредил, что собирается отправиться в новое далекое путешествие. „Куда?“ — спросила она. „На Северный полюс!“ — ответил он.

Не легко было ему вымолвить эти слова, прозвучавшие как предупреждение, что не следует ждать с ним спокойного существования у теплого домашнего очага. Не зная обмана и хитрости в отношениях с людьми, он ме хотел скрыть от своей будущей жены своей самой заветной мечты.

И, разумеется, не легко было невесте еще до свадьбы дать согласие на долгую разлуку с будущим мужем. Все же она согласилась потому, что всем сердцем ощущала, с какой неодолимой силой стремится он воплотить мечту своей жизни.

Северный полюс… Два эти слова были постоянным сокровенным рефреном ко всем действиям Нансена еще задолго до того, как удалось ему отправиться туда — к самой северной точке земли.

Все было подчинено исполнению этой идеи. Уже вскоре после свадьбы, в августе 1889 года, он начал длительное лекционное турне по многим городам Европы и Америки. Стокгольм… Гамбург… Лондон… Нью-Йорк… Париж… Рассказ о путешествии в Гренландию и планах новой экспедиции к полюсу повсюду производил глубочайшее впечатление и всякий раз заканчивался восторженным чествованием.

Осенью того же года Нансен вернулся на родину и вместе с женой поселился у Марты Ларсен, служившей когда-то экономкой у его родителей в усадьбе Сторе-Френ. Здесь жил он и в ту хлопотливую весну перед защитой диссертации на степень доктора и когда готовился к Гренландской экспедиции. Вместе со старой доброй женщиной, знавшей его еще ребенком, он вспоминал минувшие дни своего детства. Так частенько они коротали осенние вечера.

Всю жизнь Нансен был почтительно внимателен к этой старой женщине. Характерно, что, будучи на „Фраме“ и прощаясь с землей на Югорском шаре, он писал Марте Ларсен: „Готовясь оставить это последнее место, откуда еще можно послать письма на родину, не могу не написать тебе несколько слов на прощание и не поблагодарить тебя за всю твою дружбу и доброту ко мне“.

Далее он называет эту дружбу „неутомимой“ и благодарит Марту Ларсен за постоянное внимание к нему и к жене. Как в этих строках отражается чуткое сердце Нансена! Даже в важнейшую минуту своей жизни он не забывает далекой маленькой старушки, бывшей служащей своих родителей.

Чтобы убежать от шума городской жизни и быть ближе к природе, Нансен решил поселиться вблизи Христиании, в живописной местности Люсакер, где в детстве он не раз охотился на диких уток.

Поначалу здесь был выстроен совсем легкий дом, с полом, настланным прямо на земле, отчего в единственной комнате этого скромного помещения царил такой холод, что зимой по ночам замерзала вода в умывальнике. Только неприхотливый к удобствам жизни Нансен мог терпеть эти спартанские условия. „В ту зиму он отучил меня мерзнуть!“ — говорила Ева Нансен.

В этом холодном, похожем на сарай помещении рождалась книга о Гренландии. Не без основания шутили: „Автору легко было писать — он воображал себя вновь на материковом льду“.

Загородный дом, где окончательно поселились супруги Нансены, находился среди густых деревьев на берегу фиорда, с которого открывался вид на открытое море. По предложению поэта Бьёрнстьерне Бьёрнсона новому дому в память прославленного эскимосского селения дали название „Готхоб“ — „Добрая Надежда“. Вся обстановка в „Готхобе“ была выдержана в национальном древненорвежском стиле. Лучшие артистические и художественные силы Норвегии часто собирались под крышей этого гостеприимного дома.

Счастливо текла жизнь в „Готхобе“. Обитатели его жили общими духовными интересами и в равной мере увлекались спортом. Однажды супруги Нансены даже встречали Новый год на лыжах. Нансен так описал этот эпизод:

„Это было как раз накануне Нового года в 1890 году. Ева и я поехали в горы немного проветриться и вот решили взобраться на гору Норе, на самую вершину, конечно. Переночевали мы в Ольберге, с утра что-то заленились и выбрались со двора только около полудня. Сначала мы не очень спешили, вот день-то и прошел. Трудненько добраться до вершины и летом, а зимой, когда дни короче, и вовсе надо было приналечь, да так приналечь, чтобы дойти туда засветло.

Снегу было масса, а проводника мы не взяли. Наконец подъем стал так крут, что пришлось снять лыжи и тащить их на плечах. Самый последний участок был уже совсем плох. Приходилось шаг за шагом вырубать ступеньки лыжной палкой. Я шел впереди, Ева за мной, и каждый шаг вперед, как писала в

сочинении одна девочка, стоил двух шагов назад. Но все-таки вершины мы достигли!

Была уже ночь, мы шли безостановочно и не ели. Но провизии у нас было с собой вдоволь — смесь сыра с пеммиканом. И вот мы принялись за нее.

("Благодарите судьбу, что вас не угощают сегодня этой смесью!" — прервала здесь рассказчика его жена).

Мы сидели вдвоем на сугробе на самой вершине Норе, на высоте эдак 5 000 футов над уровнем моря. Мороз щипал нам щеки, мрак все сгущался. Пора было отправиться в обратный путь. Мы ринулись в ночную темноту. Я впереди, Ева за мной. Вихрем неслись мы по горам и скалам. Вдруг мне пришлось остановиться и крикнуть Еве. Скат стал слишком крутым для лыж, и оставалось одно: сесть да катиться на собственных полозьях. Такой способ спуска отзывается на брюках, но зато он вернее — особенно в темноте.

Понеслись. Ветер свистал в ушах, а снег так и колол их — нельзя ведь сказать, чтобы была оттепель. Вдруг в самый разгар нашего спуска у меня слетела с головы шапка. Пришлось мгновенно затормозить. Далеко вверху что-то чернело. Я добрался туда ползком, цап рукой и — ударился рукой о камень. Значит, шапка находилась где-то дальше. А! Вот она! Цап — и опять рукой о камень. Потом, куда ни посмотри — все шапки да шапки, а только хочу схватить да надеть — опять камень. Камень вместо хлеба — худое дело, но и камень вместо шапки не лучше. Нечего делать, пришлось пуститься дальше без шапки.

Последней миле просто не было конца, но брюки еще держались, и пришлось им выдержать до конца. Время от времени мы пользовались лыжами. Вдруг опять стало так круто, что пришлось остановиться. И вовремя — перед самым обрывом. Того, что называется направлением, для нас не существовало, мы знали только одно, что надо спускаться. Наконец я нашел русло реки — неважный спуск для лыж, особенно во тьме, на пустой желудок и тяжелую совесть. В сущности, это было ведь непростительным легкомыслием — мы рисковали жизнью. Но просто невероятно, как иногда выпутываешься; в конце концов мы благополучно миновали русло.

Выбравшись на дорогу, мы почувствовали себя совсем хорошо. Брели, брели, набрели на хижину. Мне она показалась очень милой и уютной, но Ева нашла ее гадкой. Теперь она уже привередничала и спешила дальше. Женщины всегда так.

Долго мы шли еще, пока, наконец, не дошли до двора звонаря в долине Эгге. Пришлось разбудить хозяев. Звонарь скорчил ужасную гримасу, когда узнал, что мы свалились к "им с вершины

Норе.

Ева на этот раз оказалась не особенно взыскательной насчет ночлега. Едва она успела опуститься на стул, как тут же заснула.

— Парнишка твой, кажется, заморился! — сказал звонарь. На Еве был серый лыжный костюм — короткая юбка и штаны.

Это моя жена, — сказал я.

Вот смеху-то было!

— Ай-ай-ай! Таскать с собой жену на вершину Норе в ночь под Новый год!

Но тут подали поесть, и, как только Ева почувствовала запах сыра с пеммиканом, она живо проснулась.

После этого мы отдыхали у звонаря три дня. Да, вот вам и прогулка на Норе в ночь под Новый год! По-моему, это была славная прогулка, не знаю, что скажет Ева…"

Известный путешественник, имевший ученую степень доктора, занимал скромную должность хранителя зоокабинета Христианийского университета. Невысокое положение на иерархической лестнице нисколько не беспокоило Нансена. Помыслы его целиком захватывала идея экспедиции к Северному полюсу, для осуществления которой он прилагал все усилия.

Дерзновенный замысел экспедиции следовало пропагандировать в широких общественных кругах. С такой целью Нансен вновь совершает большое турне по Европе. В Копенгагене, Лондоне, Берлине, Дрездене, Мюнхене и во многих других городах зазвучал его мужественный голос, призывающий к познанию земли. Он объяснял нелепость того положения, что значительная часть северного полушария остается на карте мира "белым пятном". Разве можно считать нашу цивилизацию достигшей высших ступеней, если планета, на которой мы живем, еще хранит тайну Северного полюса! Пора вырвать эту важнейшую тайну от природы, того требует наука и интересы всего человечества.

Аудитория бывала различной: зрелые ученые мужи и юные студенты, политики и коммерсанты, представители "высшего света" и простой люд — все с глубоким вниманием слушали прославленного норвежца. Духовные и физические силы удивительно гармонично сочетались в нем. Пылкая душа и непреклонная воля отражались в его прямом взоре. А пластичные движения атлета свидетельствовали об отличной спортивной подготовке. Все в этом человеке внушало веру в исполнение грандиозного плана.

Правда, находились и скептики. Как это часто случается, были они из числа людей, мнящих себя истыми знатоками дела.

Но о них скажем потом.

План Нансена был своеобразен и гениально прост. Еще в 1884 году выдающийся полярный исследователь профессор Мон опубликовал статью о находке у юго-западных берегов Гренландии предметов экспедиции американца Де-Лонга. Эта экспедиция отправилась на корабле «Жаннетта» на поиски северовосточного прохода в Ледовитом океане. «Жаннетта» была раздавлена льдами у сибирских берегов, а Де-Лонг со своими спутниками, хотя и добрался по льду до материка, погиб от голода.

Появление у берегов Гренландии остатков трагически погибшей экспедиции профессор Мон объяснил направлением течения в Полярном бассейне. И в свое время на «Викинге» Нансен обратил внимание на плавник — березы и сосны, приплывшие от берегов далекой Сибири. Еще тогда "господин студент" решил, что можно использовать силу этого течения для проникновения в сердце Арктики.

Как? Простым способом: дать кораблю вмерзнуть в дрейфующие льды и двигаться с ними елико возможно дальше к северу. Нансен убежденно утверждал, что возможно "с помощью этого течения проникнуть в ту область, которую пытались тщетно достигнуть все те, кто раньше шел против течения. Если пытаться работать заодно с силами природы, а не против них, то мы найдем вернейший и легчайший способ достигнуть полюса".

Впрочем, достижение полюса он не считал обязательным или, во всяком случае, это не являлось его главной целью. Экспедиция должна отправиться, говорил он, "не для того, чтобы отыскать математическую точку, составляющую северный конец земной оси, достижение этой точки само по себе малоценно, но чтобы произвести наблюдения в обширной, неисследованной части земного шара, окружающей полюс. Научный интерес этих наблюдений не уменьшается оттого, пройдет ли наш путь через самый полюс или же на некотором расстоянии от него".

Неукротимая воля и умение терпеливо ждать были свойственны Нансену. Но план похода к Северному полюсу он вынашивал особенно долго, тщательно разрабатывая его во всех деталях.

В том ему неизменно помогала жена — ближайшая спутница жизни. В «Готхобе» царило счастье. Семья к тому времени уже состояла из троих: родилась дочь. Родители назвали ее коротким дорогим именем — Лив, что означает — Жизнь.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

В далеком будущем настанет время, когда Океан сбросит оковы вещей, когда будет открыта вся необъятная земля… и Туле перестанет быть отдаленнейшей из стран.

Сенека

Не случайно Нансен взял эти слава в эпиграф книги о своем походе к Северному полюсу. Мертвым сном тысячелетиями спали полярные страны. Вечное безмолвие их никто не нарушал. И совсем не потому, что люди так склонны оберегать чужой покой, а оттого лишь, что были они бессильны в царстве ночи и холода. Даже птицы и звери были в этом отношении сильнее человека, ибо обитали гораздо севернее легендарного острова Туле, далее которого не добирались древние люди.

Все же границы неведомого в природе постепенно отступали перед человеческим гением. Победное шествие его долгое время, казалось, не знало неодолимых преград, пока на пути не стали лютые враги всего живого на земле — мороз и полярная ночь. И человек снова остановился, на этот раз у порога полюса, где смыкаются пределы земные.

Скандинавские мифы говорили, что там за непроницаемым туманом лежит мрачная страна Нифль-хейм, в которой царствует богиня смерти Хель. Отец богов Один поручил ей предоставлять жилище всем умершим от старости и болезни. Владения ее неоглядны и власть всемогуща. Ее чертог зовется несчастьем, ее блюдо — голод, ее нож — жажда, лень — ее раба, медленность — ее служанка, ее постель — печаль, ее полог — долгие невзгоды. Узнать богиню Хель легко по суровому, ужасному виду.

Однако ничто не останавливало людей в извечном стремлении озарить свою жизнь знанием. История арктических путешествий полна трагических рассказов о войне с немилосердной владычицей страны ужасов. Ценой огромных усилий, страданий и жертв удавалось проникать все дальше и дальше в глубь ледяного царства. Но под властью богини Хель остался еще Северный полюс.

Древние викинги были первыми полярными мореплавателями. Пролагая новые пути на север, они вели неустанную битву со льдами. Задолго до других народов

норманны открыли Исландию, Гренландию, достигли Америки. Немало их погибало в этих славных походах.

Что влекло людей в столь рискованные далекие плавания? Беспокойная страсть к приключениям? Да, отчасти. Но более всего — стремление к знаниям, неуемная жажда открытий, так свойственная человеку на всех стадиях его развития. Именно поэтому король норманнов Харальд Хордроде на своих кораблях бороздил воды Северного моря до тех пор, пока "мрак разостлался над бездной исчезающего мира, и он едва успел повернуть свои корабли вспять, чтобы избежать бездонной пучины".

Давно прошли времена норманнов, отважно ходивших в море на утлых судах, сколоченных из сосновых или еловых досок, так же малоприспособленных для плавания среди льдов, как и неуклюжие английские и голландские каравеллы. С тех пор люди научились строить более прочные и мощные суда, которые позволили все далее продвигаться в страшную страну Нифльхейм.

История полярных открытий, судьбы героев, отдавших свою жизнь ради великой цели, требует особого рассмотрения. Но следует подчеркнуть, что большинство предшественников Нансена обычно применяли традиционные способы передвижения в полярных условиях: морские суда и сани, которые тащили люди.

Между тем северные народы Сибири и Америки издавна пользовались для передвижения по льду и снегу санями с собачьей упряжкой. Отважные русские землепроходцы еще в семнадцатом столетии добирались таким способом по плавучему льду даже севернее Новосибирских островов и наносили на карту берега до Берингова пролива. Известные полярные исследезатели англичанин Мак-Клинток и американец Пири таким же образом передвигались по материковому льду.

Нансен при переходе через Гренландию обходился без собачьей упряжки только потому, что ему не удалось достать хороших ездовых собак. Зато для экспедиции к Северному полюсу он решил применить своеобразный вид транспорта: лодку, комбинированную с санями в собачьей упряжке. Такой способ передвижения широко принят у эскимосов — легкие каяки отлично держатся на воде, а собаки без труда тащат их по снегу. Немногим путешественникам приходило в голову последовать опыту эскимосов, весьма умудренных в таких делах.

Где лежит путь к Северному полюсу?

Изучая историю полярных исследований, Нансен пришел к выводу, что по «проторенным» маршрутам нельзя достичь полюса.

Чаще всего экспедиции отправлялись через пролив Смита, так как некоторые американские путешественники опрометчиво утверждали, будто там находится открытое Полярное море, уходящее на север в беспредельную даль. В действительности мощные массы льда там всегда- преграждали путь.

Богато снаряженная английская экспедиция под начальством Нэрса в 1875 году отправилась именно так. Спутник Нэрса командор Маркхем достиг наивысшей для того времени широты 83°20′, но это стоило огромных трудов и лишений. Поэтому Нэрс утверждал, что он навсегда доказал невозможность достичь полюса в этом направлении.

Локвуд из американской экспедиции Грили, находясь в 1881–1884 годах в тех же местах, проник все же чуть дальше к северу. То была самая северная точка, на которую ступила нога человека.

Многие попытки были сделаны, чтобы пробиться на север по морю между Гренландией и Шпицбергеном. Еще в 1607 году смелый английский мореплаватель Генри Гудзон отправился вдоль восточного берега Гренландии, где, по его предположению, должна была находиться чистая вода и проход к Тихому океану, рассчитывая отсюда достичь полюса.

Действительность опровергла этот проект: немного пройдя к северу, Гудзон был задержан льдами так крепко, что он назвал это место "Остановись и надейся!".

Неудача Гудзона не умаляет его прочих заслуг — открытия устья реки, залива и пролива на американском континенте, носящих с тех пор его имя. И можно лишь глубоко пожалеть, что этот человек, столь много сделавший для познания мира, так трагически погиб в Арктике: взбунтовавшиеся матросы бросили его с малолетним сыном среди льдов без продовольствия и оружия.

Немец Кольдевей в 1870 году побывал в тех же водах, но достиг только семьдесят седьмого градуса северной широты: его дальнейший путь преградил сплошной ледяной барьер.

Через несколько лет Австро-Венгерская экспедиция настойчивых молодых ученых Вейпрехта и Пайе-ра отправилась в сторону Шпицбергена, задавшись целью найти северо-восточный проход. Однако у Новой Земли они были затерты льдами и унесены на север, где случайно открыли архипелаг, которому дали название "Земля Франца Иосифа". (Существование этого архипелага было ранее предсказано русскими учеными — офицером флота Шиллингом и географом Кропоткиным.) Отсюда Пайер на санях прошел на север и открыл остров, названный им "Землей кронпринца Рудольфа".

Постигала неудача и немногих пытавшихся пробраться к

полюсу через Берингов пролив.

Де-Лонг — последний из числа этих неудачников. Он надеялся, что теплое японское течение вынесет его корабль «Жаннетта» из Берингова пролива прямо к полюсу. Китобои, правда, замечали, что всякий раз, когда льды затирали суда, их несло на север. "Это должно облегчить исследователям достижение высоких широт, но вместе с тем затруднит обратный путь", — говорил Де-Лонг; своей судьбой он печально подтвердил справедливость этих слов. «Жаннетта», захваченная в плен дрейфующими льдами, почти два года вынужденно двигалась с ними, пока не затонула вблизи Новосибирских островов. А сам Де-Лонг вместе с большей частью своего экипажа трагически погиб, уже достигнув на лодке берега Сибири.

Лед всюду был неодолимым форпостом полюса.

Где же лежит истинный путь?

В 1890 году Нансен изложил Географическому обществу в Христиании свой план экспедиции. Многочисленные попытки достигнуть Северного полюса, говорил он, приводят к безотрадным выводам. Все, отправлявшиеся туда по морю, останавливались на самом пороге загадочной страны. Более надежным представляется путь по суше. Но Гренландия вряд ли простирается далеко к северу, и маловероятно, что Земля Франца Иосифа, являющаяся, по-видимому, архипелагом, достигает полюса.

Может быть, лучше отложить исследование таких труднодоступных стран до того времени, пока удастся изобрести новые, более мощные средства передвижения? Нансен убедительно отвечал на этот вопрос: "Я как-то слышал высказывание, что в один прекрасный день можно будет отправиться к полюсу на воздушном шаре, и поэтому пока этот день еще не настал, не стоит пытаться попасть туда. Едва ли нужно доказывать несостоятельность такого рассуждения. Даже если допустить, что в ближайшем или более отдаленном будущем и удастся осуществить эту часто высказываемую идею о полете к полюсу на воздушном корабле, то такое путешествие, как бы интересно оно ни было в известных отношениях, не дало бы таких научных результатов, как обычные экспедиции.

Большую научную жатву в различных областях знания можно получить лишь при непрерывных наблюдениях и продолжительном пребывании в этих странах, тогда как наблюдения во время полета на воздушном шаре неизбежно будут самыми беглыми".

Трудно было что-либо возразить против такого аргументированного, категорического мнения. Кстати, будущее

вполне подтвердило верность точки зрения Нансена: попытки полетов к полюсу на воздушном шаре и даже на дирижабле не только не давали научных результатов, но и кончались плачевно.

Какой же наиболее разумный способ достичь цели? Предложение Нансена было гениально просто: превратить силы природы из противников человека в его союзников. "Бесполезно, — утверждал он, — идти, как делали прежние экспедиции, против течения; мы должны поискать, не найдется ли течения попутного. Экспедиция «Жаннетты», по моему глубокому убеждению, единственная из всех была на верном пути, хотя и случилось это не по ее воле и желанию".

Ранее уже говорилось, что Нансен придавал огромное значение тому, что эскимосы Гренландии обнаружили у своих берегов предметы с судна, погибшего у Новосибирских островов. То были: опись провианта, подтвержденная рукой командира "Ж'аннетты" Де-Лонга, список лодок этого несчастного корабля, пара непромокаемых брюк с меткой одного из матросов, козырек от солнца, помеченный именем другого матроса.

Все эти вещи были найдены вмерзшими в льдину, которая плыла от места гибели корабля почти три тысячи морских миль. Скорость полярного течения составляет около двух миль в сутки, значит все это расстояние было пройдено примерно за тысячу сто суток. Следовательно, экспедиция, которая будет двигаться с дрейфующими льдами по этому пути, должна быть рассчитана на несколько лет.

Еще один факт вселял уверенность, что существует полярное течение от Берингова пролива в сторону Гренландии. Однажды житель Готхоба нашел на берегу среди плавника метательную дощечку, с помощью которой эскимосы мечут стрелы, охотясь на птиц. Она не походила на те, что обычно употреблялись в Гренландии, и была украшена китайским стеклянным бисером, какой эскимосы Аляски выменивают на азиатской стороне Берингова пролива. Видимо, эту дощечку принесло течение с берегов Аляски.

Обратил внимание Нансен и на то, что в гренландские воды прибивает плавник — сибирскую лиственницу и ель. Гренландия — страна безлесная, и эти деревья служат прибрежным жителям даровым строительным материалом и топливом.

Нансен пришел к твердому заключению, что через полюс или очень близко от него проходит морское течение, которое затем направляется между Гренландией и Шпицбергеном. Течение это и должно облегчить достижение Северного полюса.

Для своей экспедиции Нансен решил построить судно возможно меньших размеров, но которое взяло бы пятилетний

запас угля и провианта для двенадцати человек экипажа. Чрезвычайно важно, чтобы это судно было настолько прочным, что оказалось бы в состоянии выдерживать страшные сжатия ледяных тисков. Для такой цели оно должно иметь покатые бока, тогда напирающие льды не смогут его раздавить, а будут лишь выжимать кверху.

Не будет ли холод на полюсе таким сильным, что сделает невозможным пребывание там? Нансен считал это маловероятным. Во всяком случае, говорил он, зимние морозы в районе полюса должны быть слабее, чем в северной части Сибири, где люди живут без особых лишений.

Гораздо страшнее цинга, от которой в прошлом страдали многие экспедиции. Продолжительное пребывание в холодном климате, если не удастся пользоваться свежей пищей, предрасполагает к заболеванию цингой. Но и этой опасности можно избежать, утверждал Нансен. Разнообразные питательные продукты, которые можно приготовить в виде герметически запаянных консервов, позволят не страшиться этой опасной болезни. Кроме того, до самого полюса можно будет добывать свежую пищу, так как там, несомненно, водятся медведи, тюлени и всякие мелкие животные.

В Норвегии план экспедиции к Северному полюсу был встречен с полным сочувствием. Но многие зарубежные полярные путешественники открыто заявили, что это чистое безумие.

В ноябре 1892 года Нансен выступил с докладом о предполагаемой экспедиции в Лондонском географическом обществе. Прения показали весьма противоречивое отношение к его сообщению. Выдающийся исследователь Арктики адмирал Мак-Клинток заявил: "Я считаю себя вправе сказать, что это самый дерзновенный план из всех когда-либо доложенных Королевскому географическому обществу".

Старый адмирал согласился с тем, что факты подтверждают правильность теоретических взглядов Нансена, но выразил сомнение, что экспедиция практически осуществима. Особенно велика, по его мнению, опасность быть раздавленным льдами в зимние месяцы, когда "лед более похож на скалы, крепко сплотившиеся по бокам судна". Тогда возможность выскользнуть из ледяных объятий будет весьма маловероятной.

Мак-Клинток закончил свою речь недвусмысленным, хотя и деликатным намеком: "Я желаю доктору Нансену скорого и полного успеха. Но когда он вернется, его многочисленные друзья в Англии почувствуют большое облегчение, в особенности те из них, кто хоть немного знаком с опасностями, всегда сопутствующими плаваниям во льдах, даже в странах, лежащих

не так высоко на севере".

Другой авторитетный полярный исследователь, адмирал Джордж Нэрс, высказался более откровенно. Поскольку он выражал мнение многих ученых, стоит привести здесь основную часть его выступления. "Известно, — сказал он, — что для успеха плавания в ледовой области абсолютно необходимо держаться вблизи какого-нибудь берега. Чем дальше мы удаляемся от цивилизованного мира, тем более желательно иметь за собой разумный, свободный и безопасный путь для отступления.

В полном несогласии с этой аксиомой выступает руководящая идея Нансена — ввести свое судно добровольно в массу льдов, судно, на котором должна быть сосредоточена вся надежда экспедиции, если плавание имеет в виду сколько-нибудь счастливый исход. Таким образом, руководитель экспедиции, вместо того чтобы управлять движением судна, обрекает себя на беспомощное перемещение по произволу естественного движения льда, в котором судно будет заключено. Если даже признать, что течения действительно таковы, как думает Нансен, то все-таки время, потребное для дрейфа вместе со льдами через полярную область, исчисляется многими годами. В продолжение этого времени лед вокруг судна, конечно, никогда не будет находиться в покое. Если даже и встретятся на пути неизвестные острова, само судно никогда не будет свободно от опасности быть раздавленным льдом".

Адмирал Нэрс так раскритиковал проект Нансена, что, как говорится, не оставил от него камня на камне. Крайне отрицательно он отнесся к утверждению Нансена, что корабль, благодаря покатой форме своих бортов, при сжатии льдами будет выталкиваться вверх. "Если судно вмерзло в полярный лед, — сказал Нэрс, — форма его не имеет никакого значения. Оно неподвижно заключается в окружающую ледяную глыбу и составляет нераздельную ее часть. Фактически формой судна станет тогда форма той льдины, в которую оно вмерзло. Это факт первейшей важности, так как не существует никаких указаний на то, чтобы судно, замерзшее в полярных льдах, не смерзалось бы с ними, а также чтобы оно могло, хотя бы летом, подыматься вверх под влиянием сжатия как независимое от окружающего льда тело".

Почтенный адмирал не согласился и с главным пунктом проекта Нансена относительно направления дрейфа полярного льда с востока на запад. Прежде всего он возразил против того, что дрейф определяется морским течением. По его мнению, существенную роль в этом играет только ветер, из чего следует сделать вывод, что ветер скорее понесет судно на восток, чем на

запад. А так как на пути к северу будет находиться море, загроможденное льдами, то вряд ли можно надеяться на движение в том направлении. Во всяком случае, судно будет унесено не дальше, чем несчастная "Жаннетта".

В последних словах скептически настроенного Нэрса можно было усмотреть прозрачный намек на судьбу намечаемой экспедиции. Нансену оставалось лишь утешаться тем, что хоть в одном пункте адмирал с ним согласился, а именно, что "главной целью таких путешествий является исследование неизвестной полярной области, а не достижение точно математической точки, на которой расположен северный конец оси земного шара".

Пессимистически отнеслись к замыслу Нансена и другие авторитетные английские ученые. Аллен Юнг сказал: "Мне представляется крайне опасным для корабля отдаться во власть дрейфа на таком пути, где он рискует наткнуться на сушу, которая может его задержать на долгие годы". Форме судна Юнг не придавал значения, так как, по его мнению, если оно будет зажато льдами, то только счастливая случайность сможет спасти его от гибели.

Близкой к этому была точка зрения адмирала Ричардса и знаменитого путешественника, ближайшего сотрудника Ч. Дарвина, Джозефа Хукера. Они тоже считали, что, если судно окажется среди мощных льдов, тогда не будет ни малейшей надежды на спасение. Притом Хукер выразил надежду, что "доктор Нансен приложит свое удивительное мужество, искусство и способности для выполнения какой-либо менее опасной попытки раскрыть тайны арктической области".

Пожалуй, самым мрачным было отношение американского генерала Грили, в свое время начальствовавшего над полярной экспедицией, большинство участников которой погибло от цинги и голода. Грили опубликовал статью, где предсказывал Нансену всяческие беды.

"Мне представляется почти невероятным, — писал он, — чтобы план, составленный доктором Нансеном, нашел поддержку или даже сочувствие. По-моему, он основан на ложных представлениях о физических условиях арктических стран и, если его попытаются осуществить, обещает лишь бесполезные результаты, не говоря уже о том, что он грозит смертью и страданиями участникам экспедиции. Насколько мне известно, у доктора Нансена нет никакого опыта в арктических исследованиях. Его путешествие через Гренландию, какими бы оно ни сопровождалось трудностями, представляет собой не большее предприятие, чем, например, восхождение на гору Святого Ильи в Аляске.

Весьма сомнительно, чтобы какой-либо гидролог стал всерьез обсуждать его теорию полярных течений или какой-нибудь полярный путешественник присоединился к его проекту".

Генерал Грили с усердием, достойным лучшего применения, старался, елико возможно, скомпрометировать весь замысел Нансена. Чего только не наговорил этот желчный господин в своей статье! В заключение он назвал экспедицию к полюсу "бессмысленным проектом самоубийства Нансена".

Увы! Подобных людей было немало. Удивляться тому не приходится: косность сопротивляется и часто становится на пути великих деяний. Однако истинная гениальность ее не страшится — гении бывают ранимы, но неодолимы.

Норвежские патриоты горячо поддержали план Нансена. В стортинг было внесено предложение ассигновать для осуществления экспедиции двести тысяч крон, что должно было составлять примерно две трети всех расходов. Остальные деньги Нансен рассчитывал получить путем частной подписки.

Действительно, общественный сбор дал значительные средства. Даже скептики из Лондонского географического общества внесли довольно солидную сумму. Некоторые брали на себя обязательства оплатить стоимость необходимого для экспедиции оборудования и снаряжения. Так, например, известный шведский меценат Оскар Диксон, всегда много помогавший полярным исследователям (имя его носит остров у северных берегов Сибири), принял на себя оплату электрооборудования корабля экспедиции.

Оказалось, однако, что сооружение судна обойдется гораздо дороже, чем сначала предполагалось по смете. Тогда стортинг ассигновал дополнительно восемьдесят тысяч крон, а Норвежское географическое общество объявило национальный сбор пожертвований. Все же перед самым окончанием всех работ выяснилось, что денег недостаточно. Дефицит покрыли двое друзей Нансена и он сам, отдав все свои личные сбережения.

Полярное судно строил опытнейший норвежский кораблестроитель Колин Арчер. Чертежи и модели будущего победителя льдов делались во многих вариантах, утверждались, а затем отвергались самими строителями. Колин Арчер стремился целиком воплотить идею Нансена — придать судну такую форму, чтобы оно "выскальзывало из ледовых объятий как угорь".

Все возможное было сделано для придания наибольшей прочности корпусу корабля. Форштевень состоял из трех толстых дубовых балок, наложенных одна на другую, толщиной в метр с четвертью. Окованные железом массивные шпангоуты были из первосортного итальянского дуба, предназначавшегося в свое

время для норвежского военного флота и вылежавшего под крышей тридцать лет. Для киля были использованы две толстые балки из американского вяза. Все другие материалы для судна также были лучшего качества и высших сортов.

Выпуклые бока судна в поперечнике напоминали половинку кокосового ореха. Они могли оказать льдам сильное сопротивление. Для придания еще большей прочности, изнутри их связали сложной паутиной балок, подпорок и распорок.

Очень требовательно отнесся Нансен к сооружению жилых кают. Одной из неприятных сторон жизни в прежних северных экспедициях была влага, которая, осаждаясь на стенах кают, быстро превращалась в иней или же ручьями стекала на койки и на пол. Нередко случалось, что спальные матрацы превращались в ледяные комки. Чтобы избежать всего этого, Нансен предложил кают-компанию, где экипажу предстояло проводить большую часть времени, поместить посредине судна.

Такое расположение предохраняло кают-компанию от проникновения наружного холодного воздуха. Потолок, пол и стены кают имели воздухонепроницаемую прослойку. Кроме того, борта корабля были обиты изнутри просмоленным войлоком, за которым находился слой пробки, затем обшивка из еловых досок, новый слой толстого войлока, потом воздухонепроницаемый линолеум и снова дощатая панель. Все эти и многие другие меры должны были надежно защитить помещения корабля от сырости и холода.

Особое внимание обратил Нансен на провиант, так как от этого зависело избавление от опасности цинги и других болезней. Проблемы питания в условиях севера были тщательно обсуждены со специалистами, физиологами; они все составили список необходимых продуктов и следили за консервированием их при высоких температурах. По настоянию Нансена, как и в Гренландской экспедиции, решено было совершенно исключить из рациона спиртные напитки.

Зато была подобрана большая библиотека, которая обеспечила обильную духовную пищу участникам экспедиции.

Существенной частью снаряжения явились инструменты и приборы для научных наблюдений. Для такой цели не пожалели средств и взяли самое лучшее и в полном комплекте. Следует подчеркнуть, что собратья по науке очень помогли Нансену в обеспечении его нужной научной аппаратурой.

Чрезвычайно важно было иметь для экспедиции хороших ездовых собак. Нансен обратился в Петербург к известному исследователю Сибири Э.В. Толю за советом: где и как раздобыть подходящих ездовых собак? Русский ученый ответил, что сам

похлопочет об этом деле в Сибири, куда в скором времени отправляется в новую экспедицию. Действительно, он полностью выполнил свое обещание: приобрел отличных собак и отправил их Нансену в селение Хабарове на Югорском Шаре.

Внимание Э.В. Толя к Норвежской экспедиции этим не ограничилось. По своей инициативе он устроил три больших склада продовольствия на Новосибирских островах на случай, если Нансену придется возвращаться этим путем.

Вообще план Нансена встретил в России самое благожелательное отношение. Главное гидрографическое управление выслало ему все изданные в России карты северных морей и сведения о населенных пунктах на сибирском побережье. Прославленный адмирал С.О. Макаров со своей стороны сообщил все необходимые данные о режимах воды в районах Берингова моря.

Несмотря на предостерегающие голоса скептиков, нашлось множество охотников принять участие в экспедиции к Северному полюсу. Со всех концов земли летели к Нансену просьбы взять с собой в рискованное путешествие. Нелегко было сделать выбор из огромного числа смельчаков, соглашавшихся на любые условия.

Физическое здоровье и моральные качества были основными критериями при отборе кандидатов. Профессиональная подготовленность играла меньшую роль, так как Нансен считал, что при искреннем желании каждый может стать полезным в общем деле. И он нисколько не ошибся: все участники экспедиции работали самоотверженно и были превосходными товарищами между собой.

Следовало быть тонким психологом, чтобы остановить свой выбор на такой, например, оригинальной личности, как Ивар Мугста, который в прошлом был лесничим, затем надзирателем в психиатрической лечебнице. В экспедиции он показал себя мастером на все руки: ремонтировал двигатель, чинил часы, дрессировал собак, без промаха стрелял на медвежьей охоте. Адольф Юлл — опытный моряк, много лет водивший самостоятельно корабли, — решился стать поваром экспедиции. Сигурд Скотт-Хансен — сын приходского пастора, морской офицер — взял на себя руководство метеорологическими, астрономическими и магнитными работами.

Лейтенант пехоты двадцатишестилетний Ялмар Иохансен оставил армию, чтобы стать студентом университета. Великолепный спортсмен, он завоевал звание чемпиона Европы по гимнастике. Желание его принять участие в походе Нансена было так велико и горячо, что за неимением другой свободной должности Иохансен поступил на судно простым кочегаром. В

дальнейшем ему суждено было сыграть большую роль в качестве ближайшего сотрудника и верного друга Нансена.

Разумеется, чрезвычайно важно было не ошибиться в выборе капитана для судна, отправлявшегося в столь рискованное плавание. Выбор Нансена пал на бывшего участника Гренландской экспедиции Отто Свердрупа. Ему было тридцать восемь лет, из которых двадцать он провел в море. Потомок отважных викингов, ходивших в самые дальние плавания, Отто Свердруп имел, по словам Нансена, "самые надежные руки", чтобы доверить ему корабль.

Всех участников экспедиции, считая самого начальника, было двенадцать. Цифра эта не только среди моряков, обычно людей суеверных, имеет добрую репутацию. Потому надо было иметь исключительные качества, чтобы своей персоной нарушить это число и образовать "чертову дюжину". Таким человеком оказался штурман Бернт Бентсен, который появился на борту корабля перед самым отплытием из Тромсе. В половине девятого утра Бентсен принялся уговаривать Нансена взять его с собой в экспедицию, а в десять часов он уже исполнял свои обязанности в море.

"ФРАМ" — ВПЕРЕД

Шел от известного к неведомому
он,
Как мысль, предчувствием одним
руководимый.

Бьёрнстьерне Бьёрнсон

Корабль, наконец, был готов к спуску на воду. Множество людей собралось в тот осенний день на эту торжественную церемонию в гавани Ларвик, вблизи Христиании.

Широкое короткое судно, окрашенное снизу в черный, а сверху в белый цвет, походило на скорлупу большого ореха. Три его мачты лежали еще на берегу, но на палубе уже высились два флагштока с развевающимися национальными флагами. Был еще и третий флагшток для стяга с именем новорожденного корабля.

Порывистый ветер раздувал длинную седую бороду Колина Арчера. С гордостью и сдержанным волнением оглядывал кораблестроитель воплощение своих чертежей. И рабочие верфей любовались делом рук своих. А вокруг толпились любопытствующие и зеваки, всегда непостижимо узнающие о приближении интересных событий.

Всех интриговало, как Нансен назовет свое детище: «Ева», «Лив», «Норвегия» или, может быть, "Северный полюс"?

Беспорядочные голоса в толпе стали еще громче, когда на помост, построенный вдоль стапелей, взошел рослый мужчина под руку с молодой стройной женщиной.

— Они… Господин Нансен с женой. Смотрите!

Ева Нансен твердым шагом приблизилась к носу корабля. Колин Арчер почтительно подал ей бутылку шампанского. Тотчас смолк гул толпы: традиционный морской обряд наречения нового судна требовал почти молитвенной тишины.

Ева Нансен высоко занесла руку и сильным ударом разбила бутылку о форштевень.

— "Фрам" — имя ему! — произнесла она голосом ясным и громким.

В тот же миг на флагштоке взвился флаг, на красном полотнище которого белыми буквами было выписано «Фрам», что по-норвежски означает гордое слово "вперед"!

Освобожденное от паутины канатов и перекрестий подпорок, могучее тело судна дрогнуло и сначала медленно, затем все быстрее и быстрее заскользило по смазанному салом наклону.

Обычно корабли спускают со стапелей кормой: так они легче всплывают. Потому корма «Фрама» первой встретилась с морем. Для строителей этот момент всегда самый волнующий: а вдруг судно зачерпнет и захлебнется водой? Поди выручай его как утопленника!

"Фрам" оседал кормой все глубже и глубже: казалось, еще секунда — и он, встав торчком, погрузится на дно (Колин Арчер в тот миг закрыл рукой свои глаза)… Но вот нос его тоже коснулся воды, и тогда весь корпус выпрямился, плавно, тихо поплыл.

"Фрам" родился!

Море бережно приняло его в свое лоно, но затем, будто для упреждения о своем строптивом нраве, послало на берег такой грозный, пенистый вал, что чуть не разбило о скалу чью-то утлую лодку.

Салют пушек и громогласное «ура» огласили окрестные горы.

Хранили молчание только Нансен с женой: они недвижно стояли, не отрывая взгляда от «Фрама». Какая судьба ждет его в неведомых далях, где царствуют мрак, холод и льды? Грядущего не угадать…

Подготовка к экспедиции подходила к концу. Близился срок отправления «Фрама» в поход. Нансен, ни в чем не допускавший небрежности, целиком погрузился в работу. А если выдавались немногие свободные минуты, то он проводил их в саду.

Посадка яблонь, груш, кустов смородины и крыжовника увлекала его в те дни. Почему? Вероятно, предчувствие долгой разлуки заставляло его еще более любить все то, что было связано с родиной: и недавно выстроенный дом, и посаженный своими руками сад, и окружающие старые сосны, длинные тени которых захватывали усадьбу и даже ложились на живописно-суровый фиорд.

Большую радость доставляло ему собирать у себя друзей — художников и музыкантов. Веренскьольд, Петерсен, Скредсвиг и другие норвежские художники охотно гостевали в его доме в Люсакере. То были веселые сборища, смех и шутки не затихали тогда в уютном кабинете Нансена, обставленном мебелью, исполненной по его собственным рисункам.

На Иванов день было назначено отправление экспедиции. В этот народный праздник норвежцы веселятся ото всей души и так басшабашно, что чертям на том свете тошно. Сельские жители ночью в канун праздника обычно жгут костры, возле которых молодежь кружится в хороводах, танцует или занимается гаданием судьбы.

И Нансен в ту ночь, последнюю перед своим отъездом,

разложил огромный костер на берегу фиорда. Здесь у костра состоялся маленький импровизированный концерт: певец Лемерс спел о необыкновенных подвигах бесстрашного Роланда, затем над фиордом разнесся мягкий женский голос и слова старой саги о верной жене моряка, ждущей возвращения своего мужа из дальнего плавания, — то пела Ева Нансен.

Огненные языки костра рвались ввысь, словно стремясь достичь неба, а Нансен все подкидывал и подкидывал в пламя сухие сосновые ветви. С громким треском, взметая ослепительные искры, разгорался костер, отражаясь в зеркале фиорда фантастически увеличенным пожарищем.

Нансен молчаливо смотрел на огонь. О чем, о ком он думал? О «Фраме», который уже в полной готовности стоял вблизи столицы в заливе Пиппервик? О любимой жене? Или о дочери, чье имя Лив — Жизнь — само говорило, как она ему дорога? Он был так необыкновенно счастлив в своей семье, а расставался с ней надолго, возможно, что и навсегда. Что заставляло его делать этот нелегкий шаг? Честолюбие? Конечно, нет! Склонность к искательству приключений? Разумеется, тоже нет! Почему же отказывался он от счастья быть в кругу любимых друзей и семьи?

Почему? Вероятнее всего, по той же причине, по какой его прославленный предок Ганс Нансен на своем хлипком суденышке отправлялся из Копенгагена "за тридевять земель" до Белого моря и добирался даже до Колы, заброшенного местечка на самом краю русской земли.

Не честолюбие и не личная корысть влекли его в неведомые дали, а неотвратимое стремление познать мир, чтобы передать узнанное всему человечеству.

Гадательно, что думал Нансен в ту Иванову ночь перед отправлением к Северному полюсу. Во всяком случае достоверны слова, с какими он тогда обратился к жене: "Людей определяют заслуги, а не счастье".

Не поэтому ли он отказывался от безмерного личного счастья?

24 июня 1893 года…

День разлуки.

Сеял унылый мелкий дождь. В последний раз обошел Нансен свой дом и сад. На душе было тяжело. Несколько лет назад, когда он отправлялся в Гренландскую экспедицию, все было проще. А ныне он оставляет семью — жену и дочь. Кто знает, сколько лет пройдет, прежде чем доведется свидеться снова? Судьба путешественников так превратна!

Прощание было коротким. С женой едва удалось

перекинуться несколькими словами. Она решила не провожать до «Фрама»: "дальние проводы — лишние слезы". А Лив он повидал только мельком, через стекло окна: она сидела на подоконнике и, улыбаясь, хлопала в ладошки. Чего греха таить, глаза увлажнились, когда глядел он на дочь.

Маленький юркий катер повез его из Люсакерской бухты в залив Пиппервик. Тяжело нагруженный, оттого глубоко сидевший в воде, «Фрам» стоял под парами и только ждал сигнала к отплытию. Правда, в последние минуты, как это часто бывает перед дальней дорогой, обнаружилось, что не хватает каких-то важных мелочей. Повар, например, заявил, что не привезен так нужный для кухни лед. Шутники его утешали: "В Арктике льда будет вдосталь!"

Капитан дал команду, «Фрам», пыхнув клубом дыма, дрогнул… Заиграли оркестры, толпы провожающих на берегу закричали «ура». В сопровождении целого роя катеров, парусных яхт, лодок «Фрам» величественно пошел по заливу.

Вскоре позади остались острова Бюгдо и Дюну, потянулись берега с зеленеющими пашнями. И они стали пропадать из виду. Так обрывались последние нити, связывавшие с родной землей. Не случайно кто-то на палубе «Фрама» процитировал слова Гуннара из "Саги о Ньяле": "О, как прекрасны горные луга, никогда не казались они мне милее!"

И вот в лесу, на краю мыса Люсакер, показался знакомый дом. В подзорную трубу Нансен различил на скамье под сосной одинокую фигуру женщины в светлом платье.

"Фрам" шел дальше и дальше. Постепенно отстали провожавшие суда и суденышки, а на мысу Люсакер как видение растаяла одинокая светлая фигура. Нансен опустил тогда подзорную трубу и тяжелыми шагами сошел с капитанского мостика к себе в каюту. Впоследствии он признавался, что то был самый мрачный миг за все время его экспедиции.

Переваливаясь с бока на бок, «Фрам» неторопливо (ради экономии угля под парусами) шел в открытом море. Позади были Берген и Тромсе. Потом показался порт Варде. «Фрам» бросил якорь, чтобы сказать последнее «прости» норвежской земле.

На всем протяжении этого пути рыбаки и прибрежные жители восторженно встречали «Фрам» и его экипаж. Иногда с берега из толпы взрослых и ребятишек доносилось громкое «ура». Гребцы и пассажиры на шлюпках и прогулочных яхтах во все глаза глядели на корабль, отправлявшийся в загадочную страну севера. Из городов, мимо которых проходил «Фрам», высылали навстречу пароходы, с них неслись приветственные песни, музыка, гремели

пушечные салюты.

Всего трогательнее было отношение простых рыбаков и крестьян. Однажды вблизи Хельгеланда Нансен заметил, что какая-то старая женщина, взобравшись на высокую скалу, машет оттуда платком.

— Неужели она машет именно нам? — обратился Нансен к стоявшему рядом местному лоцману.

— Да, без сомнения! — подтвердил тот.

— Но как может она знать о нас?

— О, здесь все знают о «Фраме», в каждой избушке знают. И.с нетерпением будут ожидать вашего возвращения, будьте уверены! — ответил лоцман.

Жители Варде — «столицы» рыболовов Финмаркета — устроили пышную встречу участникам экспедиции. Популярность их была так велика, что находчивый мэр открыл подписку на покупку турецкого барабана для городского оркестра, названного "Северный полюс".

Варде было местом, где цивилизация оказала свою последнюю услугу полярникам, прежде чем они начали суровую жизнь северных Робинзонов. Потом они не раз вспоминали здешнюю баню, где удалось умыться и попариться вдосталь. Как принято в скандинавских странах, банщицы — финские девушки — энергично хлестали березовыми вениками фрамовцев, паривших на нестерпимо жарком полке. Гигиеническая, хотя и несколько жестокая процедура оказывала такое освежающее действие, что склонный к юмору Нансен заметил: "Сам Магомет не сумел бы устроить ничего лучшего в своем раю".

"Фрам" без труда добрался до Карского моря. Уже первая встреча со льдами показала отличные качества судна. По восторженному выражению Нансена: "Вести его сквозь тяжелые льды — истинное наслаждение. Его можно вертеть и поворачивать, как колобок в блюдце". Правда, рулевой при этом обливался потом, а штурвал вертелся, как колесо самопрялки.

К Югорскому Шару «Фрам» шел по чистой воде, на всех парах и парусах. В селении Хабарово, как и обещал Э.В. Толь, экспедицию ожидали закупленные ездовые собаки. Потребовалось много усилий, чтобы выполнить это хлопотливое дело. Охотник Александр Иванович Тронтхейм, которому было поручено доставить собак с Урала, сначала предполагал идти к Югорскому Шару через Печору, но когда узнал, что в тех местах свирепствует собачья чума, избрал другой путь — направился к Хабарово напрямик через тундру. Труднейшее путешествие его длилось около трех месяцев.

Норвежцы по достоинству оценили заботливость и

самоотверженность этого отважного человека. Порадовало их и то, что из уважения к Нансену Александр Иванович Тронтхейм предпринял свою экспедицию через пустынную тундру под норвежским флагом, а в честь прибытия «Фрама» в Хабарово вывесил вымпел с именем корабля.

Первая попытка Нансена повести собачью упряжку была неудачной. Собаки не слушались приказаний, свора перегрызлась, и произошла невообразимая свалка. Громкий лай рассвирепевших псов и насмешки очевидцев этого происшествия привели неопытного погонщика в растерянность. Но он обладал свойством быстро овладевать собой в самых трудных обстоятельствах. Через некоторое время ему удалось подчинить взбунтовавшуюся свору, а затем погнать ее в желаемом направлении.

Хабарово было последним пунктом, откуда имелась возможность послать почту домой. Потому все участники экспедиции с лихорадочной поспешностью строчили прощальные письма — на этом заканчивалась всякая связь с родиной. Никакие известия уже не могли дойти до мира, пока «Фрам» сам не привезет сообщение о своей судьбе.

Почту взял с собой Тронтхейм.

Нансен сердечно благодарил русского охотника за услуги, оказанные экспедиции. От имени норвежского короля он вручил ему Большую золотую медаль с надписью: "В ознаменование полезной деятельности".

В том же году А. Тронтхейм опубликовал в газете "Тобольские губернские ведомости" свои впечатления о встрече с норвежским путешественником. Вот отрывок из этого любопытного рассказа, хорошо характеризующего Нансена и его отношения с экипажем "Фрама":

"Нансен совсем еще молодой человек высокого роста. Каждое его движение и слово говорят об энергии, силе воли и стойкости. Его обращение с подчиненными, подобранными молодец к молодцу, отличается задушевностью и любовью. По-видимому, это одна семья, соединенная одной идеей, страстно стремящаяся к ее осуществлению. Весь тяжелый, черный труд разделяется между экипажем поровну, и тут нет различия между простым рабочим-матросом, капитаном и самим начальником экспедиции, подающим всегда и *во* всем пример. Общий труд является связующим звеном всего экипажа.

…Большую часть дня во время стоянки экипаж проводит вместе. При общности труда все обязанности каждого члена экипажа распределены точно до мельчайших подробностей. Завтракают и обедают все вместе, прислуживая друг другу. Лица у всех здоровые и веселые. Непоколебимая уверенность главы

экспедиции Нансена в счастливом исходе дела вселяет бодрость и уверенность всему экипажу".

Неподдельное восхищение чувствуется в этих словах. Демократические отношения, установившиеся между всеми участниками экспедиции, действительно были удивительно привлекательными. В том была несомненная заслуга Нансена.

МОРЕ… ЛЬДЫ…

Эй, смелее гляди, молодей,!
Ведь не всем же надеждам конец.

Бьёрнстьерне Бьёрнсон

"Фрам" шел вдоль пустынного, унылого Ямала, Однажды, когда Нансен высадился на его плоский берег и нашел среди мшистых кочек какие-то мелкие цветущие растения, они показались ему пленительно красивыми в этой хмурой стране туманов.

Потом на пути начали встречаться ледяные поля, они становились все больших размеров и все труднопроходимее. Сильнейшие встречные течения тоже доставляли немало хлопот немногочисленному экипажу судна.

А как-то, возвращаясь в шлюпке после охоты на берегу, Нансен чуть было не погиб в борьбе с враждебной стихией. В шлюпке с ним было еще несколько охотников — все люди большой физической силы, превосходные гребцы. Тем не менее они не справлялись со стремительным потоком, будто решившим не пускать их обратно на борт корабля.

С «Фрама» выкинули буй, чтобы гибнущие люди могли с его помощью подтянуться к судну. Гребцы в шлюпке так наваливались на весла, что с каждым взмахом почти ложились на банки. Все же расстояние до буя сокращалось еле заметно.

Положение было почти безнадежным, однако Нансен не терял присутствия духа и как мог старался поддержать настроение своих товарищей.

— Вот осталось всего три длины шлюпки… две с половиной… еще минута, две, и мы спасены! Ну, братцы, теперь еще два-три сильных гребка и — конец!

Проходили минуты, гребцы делали бешеные взмахи веслами, но шлюпка все не добиралась до спасительного буя.

— Ну, нажмем еще немножко! — слышался ободряющий голос. — Ну же, ну! Идет дело хорошо! Уже мы близко… Не сдаваться! Держись! Ну, подналягте!

Слова ободрения имели успех — гребцы, хотя и были в совершенном изнеможении, приналегли на весла и, наконец, послышалось радостное:

— Готово, поймали!..

Вздох облегчения пронесся в шлюпке. Люди уже улыбались, когда снова послышалось:

— Шевелите, шевелите веслами, иначе буксир лопнет. Подгребайте, ребята!

То было безмерное испытание физических и моральных сил. Сохранилась запись Нансена, сделанная после всего пережитого в тот день. Поражает, сколько в этих простых строчках тепла и глубокого чувства.

"Живешь воспоминаниями. Когда я вижу сны, никогда мне не снится Ледовитое море; я вижу во сне только родину: иногда детство, иногда свой дом и ее, ту, которая стоит там и дает смысл всем переживаниям и всем мечтам. Нет, надо спать, спать. Это так необходимо. Я закрываю глаза и стараюсь ни о чем не думать, пытаюсь погрузиться в сон, но из тумана снова всплывают скалистый мыс, и мостки с легкой лодкой на привязи, и плоский берег, и сосны. А между деревьями она в светлом платье; большая соломенная шляпа защищает лицо от солнца; она заложила руки за спину и смотрит с грустной улыбкой на ярко-синее море. Потом поворачивается и подымается по откосу к дому. Большой черный пес, подняв голову, смотрит на нее преданным взглядом и идет за ней; она ласково треплет его по голове, наклоняется, что-то говорит ему. А навстречу кто-то идет из дому со смеющимся ребенком на руках. Она протягивает руки к малютке, подкидывает ее высоко кверху, и малютка радостно вскрикивает и хлопает в ладоши… Там жизнь, там родной дом и семья…"

Надо было иметь очень большое и чуткое сердце, чтобы так совмещать впечатления повседневности и нежнейшие воспоминания, скорее похожие на мечту.

…Дни сливались в недели. «Фрам» упорно пробивался дальше и дальше на восток вдоль берегов Сибири. У Таймыра встретились острова, не указанные ни на каких картах. В честь первооткрывателя Северного морского пути Нансен назвал их островами Норденшельда. А одна, дотоле неведомая, бухта получила имя Колина Арчера — строителя "Фрама".

Настал час, когда из дозорной бочки Нансен увидел, что льды вдруг отступили и чистая вода простирается далеко от берега. Редкая возможность продвинуться к северу! Но дул угрожающий шквалистый ветер. Благоразумный Свердруп высказался за то, чтобы переждать ветер на месте. Начальник экспедиции на этот раз решительно не согласился с капитаном: приказал немедленно поднять все паруса и развести пары до предела.

— Нужно победить мыс Челюскина! — сказал он.

Никогда «Фрам» еще не шел таким быстрым ходом — корабль как будто понимал, в чем дело. Через некоторое время в подзорную трубу уже различались горы неподалеку от мыса

Челюскина.

Стемнело. Высоко в небе над самым мысом мерцала одинокая звезда. Нансен не отрывал от нее взгляда, она словно притягивала к себе, звала и утешала. Не богиня ли это родного очага посылает свою улыбку, следя за благополучным исходом смелого предприятия?

В унылом ночном сумраке «Фрам» настойчиво пробивался к самой северной оконечности Старого Света. Под утро он достиг этого заветного пункта.

Торжественный миг! На мачтах корабля взвились флаги, а из его единственной, почти игрушечной, пушечки прогремел троекратный салют. И как раз в это время склянки пробили четыре раза, и брызнули первые утренние лучи. Рассеялись чары колдуна Челюскина! Ледового плена, грозящего кораблям у этого места, удалось избежать. Путь на север был открыт.

Все участники экспедиции поднялись на ноги. В ярко освещенной кают-компании появились на столе горячий пунш, фрукты и сигары. По такому праздничному случаю начальник экспедиции провозгласил тост, он был краток и прост: "За ваше здоровье, ребята, поздравляю с Челюскиным!" Потом заиграл орган.

Так закончилось скромное торжество. Нансен слова полез в дозорную бочку, чтобы бросить прощальный взгляд на землю. Когда-то вновь ее доведется увидеть? Через год, два или три? Или никогда?..

В течение целой недели «Фрам» шел по чистой воде прямо на север. Во вторник девятнадцатого сентября Нансен сделал запись в дневнике: "Это самое прекрасное из плаваний, какие я когда-либо переживал. На север, все время на север с попутным ветром и с предельной скоростью, какую только способны дать наши паруса и машина. В открытом море, миля за милей, вахта за вахтой, по неизведанному пути. И льда в море становится даже как будто все меньше. Долго ли будет так? Шагая взад и вперед по мостику, я всматриваюсь все время на север, всматриваюсь в будущее. Но впереди все то же темное небо, предвещающее чистую воду. Теперь план мой подвергается решительному испытанию.

…Я готов спросить самого себя: не сон ли все это? Надо же встретить хоть какое-нибудь препятствие, чтобы оценить как следует успех! Так было в Гренландской экспедиции, так, видно, будет и тут.

Там мечта становилась действительностью,
Здесь действительность становится мечтою".

Однако уже на следующий день мечты развеялись как дым! Утром, когда Нансен склонился над картой, вдруг почувствовался сильнейший толчок. Пришлось отвлечься от карты и выбежать на палубу. Там, сквозь густую пелену тумана, был виден лишь нос «Фрама», уткнувшийся в плотный лед, словно нарочно брошенный кем-то поперек дороги.

Только через два дня, когда разошелся туман, удалось осмотреться. Вокруг сплачивались льды. Мороз сковывал их воедино. По существу, тут для «Фрама» могла образоваться удобная зимняя гавань.

Ну что же, решил Нансен, в таком случае: добро пожаловать, льды!

Солнце с каждым днем опускалось все ниже, и температура постепенно падала. Надвигалась ночь, грозная, страшная полярная ночь.

Для всех вольных и невольных зимовщиков многомесячная арктическая ночь обычно бывала тяжким, а зачастую роковым испытанием. Множество людей становилось ее жертвами из-за цинги, уносившей в могилу каждого, кто заболевал этой неумолимой болезнью.

К счастью, цинга не рискнула ступить на палубу «Фрама». Блессинг, врач экспедиции, в эту первую зимовку «жаловался» на полную безработицу. Долгое время тщетно ожидая пациентов, он в конце концов с отчаяния принялся лечить собак. А при ежемесячных обследованиях здоровья участников экспедиции, ему ничего не оставалось, как только констатировать, что они становились лишь здоровее.

То была величайшая заслуга начальника экспедиции, который взыскательно заботился о физическом состоянии экипажа «Фрама». Секрет успеха заключался в тщательно продуманном ежедневном рационе.

И «духовная» пища тоже играла в этом деле не малую роль. Участники экспедиции усердно пользовались богатой судовой библиотекой. Книги были их постоянными неоценимыми спутниками, они превратили «Фрам» в культурный оазис среди великой ледяной пустыни.

Спортом занимались все обитатели «Фрама». Соревнования в стрельбе из револьверов и ружей устраивались часто, всякий раз при том победителям вручались шуточные призы. Особенно любили фрамовцы состязаться в беге на лыжах и охотиться на медведей, что, кроме спортивного интереса, приносило также

существенную пользу для пополнения запасов свежего мяса.

По окончании дневных работ, после ужина, некоторые принимались играть в карты, шахматы, хальму. Кто-нибудь исполнял на органе любимые музыкальные пьесы. Или Иохансен брал гармонику и наигрывал незамысловатые популярные песенки. Его коронными номерами были: "О Сусанна" и "Переход Наполеона через Альпы в открытой лодке".

Строго размеренный режим и неуклонное выполнение всеми своих обязанностей сплотили участников экспедиции в дружную здоровую семью, в которой сам начальник экспедиции был первым среди равных.

Уже в середине октября «Фрам» попал в тиски. Именно эту опасность в свое время пророчили оппоненты Нансена. Льдины, теснясь и громоздясь одна на другую, образовали высокие валы, которые напирали на судно со всех сторон. Казалось, они напрягали все свои титанические силы, чтобы стереть «Фрам» в порошок.

Сжатия начинались обычно слабым треском и шипением у бортов. Усиливаясь, они переходили через все тона: жалобно плакали на высоких звенящих нотах, злобно стонали, грохотали громоподобно.

Как выдерживал «Фрам» ледовые штурмы? Корпус его содрогался, дергался и подымался кверху, сначала рывками, затем тихо и плавно. Происходило именно то, что предсказывал Нансен при проектировании судна.

Но случалось, что атаки на «Фрам» наносили ему и ощутимые раны. Однажды ночью льды в таком количестве обрушились на кормовой якорь и его стальной трос, что пришлось разрубать трос. Потом опасность стала грозить собакам и лодкам на палубе. К счастью, льдина треснула при этой атаке.

Величественное зрелище представляли столкновения громадных льдин, когда на пути своем они встречали другие, себе подобные громады. Кругом все громыхало, скрежетало, ломалось, наконец разверзались черные бездны и туда устремлялась вода. Притом слышался грохот, точно от мощного водопада, и выстрел за выстрелом, как при пушечной канонаде.

Удивительно ли, что Нансен и его товарищи по экспедиции гордились своим кораблем, так стойко выдерживающим грозные ледяные штурмы? К «Фра-му» они относились почти как к живому существу, как к могучему и доброму другу. Даже праздновали его день рождения. В тот день провозглашались тосты за здоровье любимого корабля и выдавался шуточный, сделанный из дерева "фрамовский крест" — за меткую стрельбу.

В конце октября солнце скрылось совсем. Но в помещениях «Фрама» было светло: горели электрические лампочки. Не страшна ночь, если ветряной двигатель так безотказно дает электроэнергию.

Странное, фантастическое впечатление создавал этот ветряной двигатель, уверенно махавший черными крыльями среди вздыбившихся сверкающих торосов — как будто грозил вторгнуться еще дальше в мертвое царство холода.

Люди живут воспоминаниями и надеждами. Отрешенность от остального мира заставляла Нансена еще острее вспоминать прошлое и надеяться на будущие радости. Никогда, однако, он не отрывался от настоящего, да, впрочем, оно само не давало забыть о себе. Природа являлась повседневным и главным напоминанием действительности. Проявляла она себя не только в жестоких ледяных сжатиях, но и в грандиозных сполохах колдовской красоты.

Северное сияние… В усыпанной звездами синеве неба сверкали безустанно мятущиеся лучи. Словно по мановению волшебного жезла, происходила великолепная игра красок. Сперва неуверенно трепетали желтые дуги, их обвивали широкие зеленые, а затем рубиновые муаровые ленты. И вдруг в небо взвивался огненный змей; сверкая все сильней и ослепительней, он распадался на множество себе подобных пламенеющих существ. Все они взметались к зениту, озаряемые золотыми снопами. Свет их колыхался, вспыхивал ярко, внезапно слабел и исчезал с такой же сказочной мгновенностью, как и возникал. Огненно-световые потоки полыхали в небосводе, иногда создавая фантасмагорию, превосходящую всякое воображение. Дивные явления эти подавляли своим величием и, казалось, вот-вот дойдут до такого предела, что рухнут небеса. Свершались они с какой-то удивительной оркестровой организованностью, словно управлял ими опытный дирижер, в совершенстве властвующий над подчиненными ему инструментами. Иной раз он как будто разыгрывал драматическую симфонию, доходившую до высшего пафоса, а бывало, думалось, что происходит лишь бравурная игра со сверкающим фейерверком в финале.

Незаметно пришел новый, 1894 год. Новогодняя ночь, по словам Нансена, была прекрасна, как только может быть прекрасна эта ночь. И украшало ее своими развевающимися лентами волшебное северное сияние. Мертвенная ледяная равнина ожила в свете ее сполохов, и четкими силуэтами выступили заиндевевшие мачты "Фрама".

Экипаж корабля торжественно отметил наступление новой

даты. В кают-компании появились бережно припасенные для такого случая лакомства и подарки Нансен произнес краткую речь, в которой поблагодарил товарищей за дружный труд и отметил, что минувший год, в сущности, принес одно хорошее.

Что за беда, если «Фрам» дрейфует временами то к северу, то к югу? Достижение или недостижение полюса является, по существу, вопросом тщеславия; это детская болезнь, которую надо преодолеть. Принести пользу для науки — вот главное.

"Фрам" прошел вдоль берегов Азии, где скептики пророчили большие трудности, и уже забрался далеко на север. Судно вмерзло в лед так, как хотелось притом оно превосходно выдерживает сжатия и легко выскальзывает кверху, несмотря на перегруженность углем.

А люди? Что сказать о них? Ни одно полярное путешествие не проходило так благополучно. Все участники экспедиции здоровы, с каждым днем все сильнее они привязываются друг к другу, разделяя сообща радости и невзгоды. И то, что в кают-компании кочегар сидит за одним столом с капитаном, нисколько не нарушило дисциплину, а, напротив, еще сильнее спаяло экипаж воедино.

В одном только не оправдался намеченный план. Нансен предполагал встретить мелководное море и потому надеялся на сильные течения, которые вынесут корабль к гренландским берегам. Но глубина моря оказалась такой большой, что ни один линь «Фрама» не достигал дна. Следовательно, течения будут не сильны, придется рассчитывать и на силу попутных ветров.

Нансен сделал своеобразный вывод: "Колумб открыл Америку, благодаря неправильным расчетам, в коих сам даже не был повинен. Кто знает, к чему приведет моя ошибка? Но я повторяю еще раз: сибирский плавник у берегов Гренландии обманывать не может, и мы должны проделать тот же путь, что и он".

Неисчерпаемым оптимизмом и глубокой верой в силу своей идеи дышат эти слова!

После Нового года дни стали прибывать. Первое знамение, весны вызвало противоречивые чувства в душе Нансена. Тоска по близким людям начала невыносимо терзать его. И по какому-то странному совпадению именно в это время он склонился к решению, которое на годы отдалило возвращение на родину.

Едва возле «Фрама» появлялись гладкие ледяные поля, как на ум приходила мысль: великолепный санный путь представляют эти поля, по ним за день можно сделать много миль! Чем далее на север дрейфовал «Фрам», тем дорога эта становилась лучше и соблазнительнее.

Так исподволь созрел дерзкий план — покинуть корабль, чтобы на санях, и собаках попытаться достигнуть полюса, а обратно вернуться через Землю Франца Иосифа, Шпицберген или Гренландию. Двое мужчин в состоянии справиться с таким делом.

Разумеется, пускаться сразу в подобное путешествие было бы опрометчиво. Сначала следует проверить, в каком направлении летом, продолжится дрейф «Фрама». Да и вправе ли вообще начальник экспедиции покинуть своих товарищей? Вдруг с «Фрамом» случится несчастье… Как вернуться домой без своего экипажа?

Но, с другой стороны, разве норвежский народ не жертвовал свои деньги для экспедиции, которая должна исследовать неизвестные полярные области? Начальник экспедиции обязан сделать все, что в его силах, для выполнения воли народной. Значит, надо рисковать своей и чужими жизнями!

Мысль о возможности санного похода к полюсу все более захватывала Нансена, воплощаясь в зримых образах снов.

В БЕЛОЙ ПУСТЫНЕ

Есть лишь один путь, и он называется вперед… Фрам!

Ф. Нансен

Кончалась полярная ночь.

Хотя стояли еще сильные морозы, уверенно наступала весна. Долгожданная, животворная весна! Солнце поднималось, заливая светом ледяную поверхность. Лучи его проникали сквозь иллюминаторы "Фрама".

На душе Нансена, однако, было тяжело, как никогда раньше и, пожалуй, как никогда потом. Страницы его дневника того периода пестрят записями, вовсе несвойственными оптимистическому характеру. Даже не верится, что строки эти писал такой неизбывно волевой, твердый человек. "Идет весна, но она меня не радует. Здесь все так же пустынно и холодно, как и прежде; зябнет душа. Еще семь лет такой жизни или, скажем, только четыре… Что станет с моей душой за это время? А она?.. Я не смею думать о будущем. Что будет там, дома, если год за годом будут проходить и никто не вернется?"

И такая запись: "Очень мудрым человеком был тот, кто сказал: "Если есть что-нибудь прекраснее природы, прекраснее искусства, прекраснее науки, так это человек, который не падает духом в несчастье. Но прекраснее всего — родимый дом…"

Тоска по близким, дорогим сердцу людям гложет Нансена. Но только ли в этом причина его уныния? Главные истоки такого состояния следует искать и в ином. В чем? Прямой и точный ответ опять-таки дают строки дневника: "…Бездеятельное, безжизненное однообразие давит, гнетет человека. Никакой борьбы, никакой возможности борьбы. Все так тихо и мертво, застыло, окоченело под ледяным покровом… Я чувствую, что душа у меня леденеет. Чего бы я не дал за один день борьбы, за мгновение серьезной опасности!"

Вот истинное объяснение болезненной подавленности и психологического упадка. Деятельная натура Нансена не терпит застоя: накопившаяся в нем энергия требует исхода. А он вынужден ждать и ждать.

Напрасно убеждает себя Нансен в том, что не раз повторял другим: основная задача экспедиции заключается не в достижении полюса, а в научных исследованиях полярных областей. И напрасно он напоминает себе, что ценные научные

наблюдения важнее удовлетворения личного тщеславия, ведь говорится: "Люби не столько победу, сколько истину". Тщетны были борения с самим собой — стремление достигнуть полюса оставалось неодолимым.

Однако к этому делу нельзя было приступить наобум. Прежде следовало убедиться, какое направление примет дрейф «Фрама». Если не оправдаются надежды, что ветры погонят судно через Северный полюс к гренландским берегам, тогда придется "сжечь за собой мосты" и идти к полюсу напрямик по льду.

То будет время решительных действий. В рискованном походе решится — победа или поражение, жизнь или смерть. "Но разве у меня есть иной выход? — пишет Нансен. — Недостойно мужчины поставить цель и отступить перед решительной битвой. Есть лишь один путь, и он называется — вперед… Фрам!"

С окончанием зимы научная работа оживилась. Систематические измерения морского дна доказали ошибочность мнения многих ученых, что Полярный бассейн мелководен. В свое время Нансен тоже придерживался такой же точки зрения, теперь он пришел к убеждению, что большие глубины Ледовитого океана столь же древни, как и глубины Атлантического океана, продолжением которого они, вероятно, являются.

Важное научное значение имели измерения температуры воды на различных морских глубинах. Измерения эти производились по возможности часто, как только позволяло время. Дали они неожиданные результаты: под холодной поверхностью оказался сравнительно мощный слой теплой воды.

Сверх всякого ожидания, в высоких широтах встретились многие представители пернатого мира. Ранней весной вблизи судна стали появляться белые и серебристые чайки, пуночки, поморники, глупыши. Летом визиты их были уже так обычны, что на них не обращали внимания. Показалась и редкая гостья — розовая чайка.

Эта таинственная обитательница севера впервые была открыта адмиралом Россом, отчего даже стала зваться его именем — чайкой Росса. Затем ее видели лишь случайно немногие люди, и никто не знал, откуда появляется и куда улетает красивая незнакомка с нежно-розовым оперением.

С тех пор как Нансен попал на север, его заветной мечтой было увидеть розовую чайку, не раз он высматривал ее с высоты дозорной бочки. Наконец ему посчастливилось — прилетела целая стайка редких птиц, и ему удалось подстрелить несколько экземпляров их для орнитологической коллекции "Фрама".

В усиленном труде проходило лето на «Фраме». Не без основания фрамовцы шутили: "Кроме попутного ветра, нет такой

вещи между небом и землей, которую мы не могли бы изготовить". На палубе открылось сразу несколько «фабрик», на которых шились паруса для шлюпок и саней, делалась деревянная обувь, изготовлялись гвозди, ножи, остроги. В столярной и слесарной мастерских чинились лампы, капканы, санные полозья. Доктор Блессинг за неимением пациентов занялся переплетным делом и показал себя в том большим искусником. На судне, кроме того, действовали кожевенные и сапожные мастерские, фотоателье и другие хозяйственно-бытовые «предприятия». Но, несомненно, самым обширным производством отличалась «фабрика» дневников: в ее работе участвовали все фрамовцы без исключения.

Незаметно подошла осень. К тому времени «Фрам» достиг между Новосибирскими островами и Землей Франца Иосифа восемьдесят второго градуса северной широты. Участники экспедиции ознаменовали это событие праздничным обедом и танцами под музыку органа.

Торжественно, с трогательным вниманием был отпразднован и день рождения Нансена — его тридцатитрехлетие. В тот день на мачтах реяли национальные флаги, а у каюты начальника экспедиции красовался вымпел с символическим именем корабля.

Все двенадцать подчиненных горячо любили и уважали своего начальника. Каждый был готов пойти за ним, что называется, в огонь и в воду. При самых простых товарищеских отношениях со всеми он сохранял непререкаемо высокий авторитет, и ему никогда не приходилось повышать голос при отдаче распоряжений. Примечательно, что только единственный раз Нансен издал приказ своим подчиненным, да и этот уникальный приказ касался всего лишь соблюдения правил пожарной охраны на корабле.

Нансен долго ни с кем из них не делился замыслом похода к полюсу. Он ждал, пока этот грандиозный план будет достаточно основательно продуман. Капитан Свердруп был первым, которому начальник экспедиции поведал свои намерения. Верный спутник Нансена в Гренландской экспедиции, он всегда разделял его взгляды. И на этот раз капитан «Фрама» полностью поддержал идею санного похода к полюсу.

В один из осенних вечеров Нансен созвал экипаж в кают-компанию для важного сообщения.

С напряженным вниманием все слушали начальника экспедиции: итак, он окончательно пришел к решению покинуть «Фрам», чтобы предпринять санный поход к Северному полюсу. Суть этого похода, подчеркнул Нансен, заключается не столько в том, чтобы достичь самого полюса, сколько в исследовании

неизвестных пространств Полярного бассейна.

Оговорка существенная, свидетельствующая о том, с какой суровой беспощадностью Нансен-ученый подавил в себе столь естественный соблазн — быть первым там, где еще никогда не ступал человек. Интересы науки были для него превыше всего. И ради этого он готов был пожертвовать славой первооткрывателя.

Какое время наиболее благоприятно для отправления санной экспедиции? Весна! По расчетам Нансена, к тому сроку льды должны вынести «Фрам» предельно к северу, а затем, вероятно, начнется изменение дрейфа в западном направлении.

Сколько человек будет участвовать в походе? Двое. Они возьмут с собой двадцать восемь ездовых собак для перевозки груза.

От предполагаемого пункта отправления санной экспедиции до полюса семьсот восемьдесят километров. Не слишком ли смело надеяться, что это расстояние можно пройти за пятьдесят дней? Нет. Если собаки окажутся выносливыми, наверно, удастся двигаться со скоростью пятнадцать километров в день.

Ко времени достижения полюса должно остаться сто килограммов продовольствия для людей, однако запасы для собак будут уже израсходованы. Следовательно, придется постепенно убивать собак, чтобы прокормить ими остальных на обратном пути.

Нансен привел подробный график движения санной экспедиции, расчеты дневного рациона, возможные варианты пути к полюсу и обратно. Все детали плана отличались четкостью и предусматривали самые неожиданные отклонения, которые может внести жизнь.

Даже моральная сторона намеченного предприятия была серьезно продумана.

— Имею ли я право лишать судно и тех, кто на нем останется, того снаряжения, которое потребуется для санной экспедиции? — задал вопрос Нансен и сам дал ответ: — То, что экипаж уменьшится на двух человек, имеет мало значения, так как с «Фрамом» великолепно могут управиться и одиннадцать человек. Хуже то, что придется взять с собой всех собак, за исключением семи щенков. Но на судне в изобилии остается продовольствие и первоклассное снаряжение для передвижения с помощью ручных нарт, чтобы в случае какого-либо несчастья с «Фрамом» участники экспедиции могли добраться до Земли Франца Иосифа или же до Шпицбергена.

Кто отправится в поход к Северному полюсу?

— Свердруп и я, — сказал Нансен, — мы оба уже испытали друг друга в подобном путешествии и, конечно, сумели бы с этим

делом справиться. Но нечего и говорить, что вместе мы оставить «Фрам» не можем. Один из нас должен остаться, чтобы взять на себя ответственность за благополучную доставку домой остальных людей. Не менее очевидно, однако, что один из нас должен возглавить санную экспедицию, поскольку лишь мы двое имеем необходимый для этого опыт. Свердруп пошел бы с большим удовольствием. Но большая опасность, я знаю, грозит тому, кто покинет «Фрам», а не тому, кто останется. Если я отпущу Свердрупа, тем самым я возложу на него более опасную задачу, а более легкую оставлю себе. Если бы он погиб, разве я мог бы когда-нибудь простить себе, что позволил ему идти, хотя бы таково было его собственное желание. Он на девять лет старше меня, и это обстоятельство, без сомнения, делает мою ответственность особенно тяжелой…

Специальность Свердрупа — вести корабль, а руковожу всей экспедицией в целом, в особенности ее научной частью, я. Поэтому именно я должен взять на себя дело, важное для науки. О продолжении работ на «Фраме» позаботятся остающиеся. Мой долг идти, долг Свердрупа — остаться.

Все насторожились, когда Нансен сказал:

— В спутники себе я наметил Иохансена, человека во всех отношениях подходящего. Он превосходный лыжник и по выносливости не имеет себе равных…

Слова эти не явились неожиданностью для Иохансена. Накануне Нансен уже говорил с ним об этом. "Дело не шуточное, — предупредил он, — на карту ставится жизнь. Прежде чем решиться на такой шаг, хорошенько подумайте. Поразмыслите денек-другой, раньше чем дать окончательный ответ".

Иохансен ответил, что размышлять ему не требуется: он охотно пойдет за Нансеном куда угодно. Если выбор пал на него, он считает это для себя великой честью.

Фрамовцы единодушно подтвердили правильность выбора Нансена. По общему мнению, лучшего спутника он себе не мог бы найти.

Итак, жребий брошен! Оставалось только верить, что поход к Северному полюсу увенчается успехом.

Без промедления начались сборы. Следовало все предвидеть, обо всем подумать и устроить все самым наилучшим образом. В таком деле нельзя было упустить ни малейшей безделицы. Ведь одна научная экспедиция, отправившаяся на Новую Землю, не добилась никакого толку лишь потому, что участники ее забыли взять с собой очки для защиты глаз от снежной слепоты.

Приходилось строго учитывать вес всех предметов

снаряжения. Каждый сбереженный килограмм означал возможность взять с собой продовольствия на один лишний день. Важное значение имел способ перевозки груза. Для такой цели Нансен создал оригинальную конструкцию, соединив вместе эскимосские сани и нарты. Эта своеобразная амфибия, могущая передвигаться по льду и воде, сочетала в себе легкость, прочность и грузоподъемность.

Выбор удобной одежды также играл большую роль. Она должна была не стеснять движений при ходьбе на лыжах и быть достаточно теплой, однако не слишком жаркой, ведь придется тащить тяжело нагруженные сани. Поэтому после практических испытаний пришлось отказаться от одежды на волчьем меху и заменить ее шерстяной.

Палатка, походная кухня, упряжь для ездовых собак, медикаменты, концентраты… Все надо было тщательно отобрать, упаковать. Научные приборы имели первостепенное значение для предстоящей экспедиции. Их внимательно выверяли, тщательно укладывали. Часы… От точности их хода зависела правильность определения по секстанту местонахождения в пути. Нансен и Иохансен ежедневно выверяли свои часы по судовым хронометрам.

Опыт, полученный в Гренландской экспедиции, приносил теперь неоценимую пользу, он позволял избежать многих ошибок в деле, где малейший промах грозил тяжкими последствиями. Гренландская экспедиция была своего рода генеральной репетицией похода к Северному полюсу. А плавание на «Викинге» — разве оно не обогатило копилку путешественника! И еще ранее, когда подросток Фритьоф бродил в дебрях Нормаркена, природа уже стала раскрывать ему свои тайны.

Ныне наступала решительная проверка накопленных сил и знаний в единоборстве с Арктикой.

Еще раз встретили фрамовцы Новый год в полярной пустыне. 1895 год…

То была последняя общая встреча Нового года перед разлукой с двумя товарищами, отправлявшимися в неведомые края. Будто знаменуя это событие, северное сияние зажгло в небе величественную золотую корону, затем устроило волшебную пляску своих лучей на черном бархате ночи.

Корабль к тому времени достиг 83°20′ северной широты. Это дало повод Нансену — искусному выдумщику всяких шуток, изготовить праздничный напиток с пышным названием: "Полярное шампанское. 83 градуса". Напиток имел огромный успех у всего экипажа, хотя, по признанию самого изобретателя,

изготовлен был из "полярного винограда" — морошки.

По счастливому совпадению, именно при смене годов «Фрам» приблизился к грани самых высоких широт, когда-либо достигнутых человеком. И фрамовцы не сомневались, что в грядущем году им удастся добиться еще больших успехов.

Но коварна Арктика! Как раз в первые дни молодого года корабль чуть не погиб в ее смертельных объятиях.

В ночь на третье января громадная ледяная гряда с оглушительным грохотом стала надвигаться на «Фрам». Одновременно от сильнейшего сжатия корабль дал крен на один борт.

Впервые за все время дрейфа Нансен приказал приготовить аварийный запас на льду. С каждым часом положение становилось тревожнее. Лед треснул возле будок, где помещались собаки. Туда хлынула вода. Часть собак успела выскочить наружу, но некоторые в испуге забились в дальние углы будок и стали тонуть. Еле удалось вытащить их оттуда и перевести в загон на палубе.

Ледяная гряда продолжала наступление. Движение ее было медленным, как будто она предвкушала удовольствие погубить судно. Но Нансен верил в свое детище. "Если только «Фрам» счастливо высвободится от тяжелого льда, в который он вмерз, он спасется; тогда я за него не боюсь, какой бы опасной ни казалась ледяная гряда", — так утверждал начальник экспедиции, и, убежденный в правоте своих слов, он даже отправился спать в каюту.

Но уже через несколько часов Свердруп разбудил его, так как лед подступил к «Фраму» вплотную.

Напряженно прошел день. К вечеру сжатие усилилось еще более. Парусиновый тент, прикрывавший палубу, прогнулся под тяжестью навалившегося снега и льда. Борта и обшивка шканцев трещали и вот-вот грозили проломиться. С минуты на минуту следовало ждать, что будет завален трап, ведущий в каюты. На палубе, в загородке, жалобно выли собаки — массы снега грозили прорвать висевший над ними тент, тогда бедняги были бы погребены навеки.

Нансен сшиб ножом запор, распахнул дверь и выпустил собак из загона. И тотчас присоединился к товарищам, переносившим аварийные запасы подальше от гибнущего корабля.

Лед напирал на бока «Фрама» с такой силой, что казалось, сейчас разнесет его в щепы. Треск ломающихся льдин заглушал голоса людей. В довершение всего наступила непроглядная тьма: кто-то впопыхах опрокинул и загасил горевшую на палубе керосиновую лампу.

Фрамовцы не поддались панике. Все четко исполняли распоряжения начальника экспедиции. В короткий срок аварийные склады были перенесены в безопасное место.

И, о чудо! Пока люди трудились, сжатие вдруг стихло. Но что за зрелище представлял корабль! Левый борт его был похоронен под снежным сугробом. К счастью, моторную шлюпку своевременно убрали с ее обычного места, иначе ее постигла бы печальная участь, так как шлюпбалок даже не было видно под обломками льда.

Все же то были только внешние повреждения. Судно выдержало труднейший экзамен! Корпус его, как и ожидал Нансен, выскользнул из ледяных оков, приподнялся кверху и остался невредим.

Облитый лунным светом «Фрам» гордо высился над безмолвной белой пустыней.

КУРС — СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС!

Без лишений — нет борьбы, без борьбы — нет жизни/

Ф. Нансен

Завтра в путь!

До позднего вечера затянулось прощание. Такого грустного настроения в кают-компании «Фрама» не было никогда. Все говорили и думали только о них, двоих товарищах, отправлявшихся в неведомое царство ночи и вечного холода. Дни общей борьбы и лишений сроднили и сблизили всех в единую, дружную семью. Доведется ли им еще вот так же быть вместе — что принесет будущее?

Нансен, как и во все последние ночи, долго не ложился спать. Нужно было ничего не забыть, не упустить ничего из виду. Прощальные письма домой он уже написал на случай непредвиденного… Надо было дать еще инструкцию Свердрупу, принявшему командование над экспедицией.

Перо быстро побежало, оставляя ровные строки:

"Капитану Отто Свердрупу, командиру "Фрама".

Покидая в сопровождении Иохансена «Фрам», чтобы предпринять путешествие на север — если окажется возможным, до самого полюса — и оттуда к Шпицбергену, по всей вероятности, через Землю Франца Иосифа, я передаю тебе дальнейшее руководство экспедицией до ее завершения. С того дня как я покину «Фрам», к тебе перейдет власть, которая до сих пор принадлежала мне, и все остальные должны беспрекословно подчиняться тебе или тому, кого ты назначишь начальником.

…Твоя обязанность — доставить порученных тебе людей благополучно на родину, не подвергая их никакой ненужной опасности ни ради сохранения судна или груза, ни ради научных результатов экспедиции…Я знаю, что ты всегда и все будешь держать в такой исправности, чтобы в наикратчайший срок покинуть «Фрам» в случае какого-либо внезапного несчастья, например пожара или напора льдов… Кроме необходимого провианта, оружия, одежды и снаряжения, оставляя «Фрам», ты должен взять с собой в первую очередь все научные материалы,

дневники, записи наблюдений, все научные коллекции, которые окажутся не слишком тяжелыми, а в случае невозможности — небольшие образцы их, фотографии — лучше всего негативы — пластинки и пленки, если они окажутся чересчур тяжелы, то хотя бы отпечатки".

Листы бумаги на столе выросли в пухлую стопку, а Нансен продолжал писать. На случай, если с «Фрамом» приключится беда, он предусматривал все возможное для спасения людей и ценных трудов экспедиции. Какой лучше избрать обратный путь? Где и как оставлять знаки о своем нахождении? И какое аварийное снаряжение следует держать наготове? Кажется, не было такого вопроса, о котором заботливо не подумал бы Нансен.

"В заключение, — писал он Свердрупу, — желаю всякого счастья тебе и всем, за которых ты теперь несешь ответственность. До счастливой встречи в Норвегии — на борту этого корабля или без него.

Преданный тебе Фритьоф Нансен

"Фрам", 25 февраля 1895 года"

В постскриптуме автор письма снова настоятельно просит ни при каких обстоятельствах не прерывать научных исследований. Если вдруг случится увидеть неизвестную землю, то, напоминает он, необходимо приложить все старания, чтобы точно определить местоположение этой земли. Ведь "каждый камень, каждый стебелек травы, каждый образец мха или лишайника оттуда, каждое животное — от самого крупного до самого мелкого — будут иметь большое значение". Нансен подчеркивает, что все это надо предпринимать лишь в случае, если не придется рисковать жизнью людей.

Рано поутру двадцать шестого февраля санная экспедиция приготовилась покинуть «Фрам». Поначалу ничто не предвещало неудачи. После короткого сердечного прощания был дан сигнал отправляться в путь.

Снежную метель прорезал пушечный салют с корабля. Защелкали бичи, залаяли собаки в упряжках. Четыре тяжело нагруженные нарты заскрипели полозьями.

Нансен впереди прокладывал путь, за ним следовал Иохансен. Пять фрамовцев во главе со Свердрупом провожали товарищей. Все шли на лыжах, растянувшись гуськом.

Нарты двигались медленно, с трудом и даже совсем останавливались на крутых подъемах. Тогда провожающим приходилось спешить на помощь, так как сил одного человека явно не хватало, чтобы сдвинуть их с места.

Экспедиция прошла не так много, как позади кто-то закричал, что поломались нарты. Ничего не оставалось, как вернуться, чтобы починить их и вообще сделать покрепче. Впредь подобные происшествия не должны были повторяться.

На обратном пути поломка случилась и в другой упряжке. Потому Нансен даже был рад, что эти аварии произошли вблизи судна, а не позже, где-нибудь в более трудных условиях.

Через два дня поломки были исправлены, и санная экспедиция вновь отправилась к северу. На этот раз было взято не четыре, а шесть нарт, чтобы на каждую из них приходилось меньше груза.

Свердруп с несколькими фрамовцами провожал товарищей. Сутки они шли вместе. Потом опять настал тяжкий миг расставания. "Конечно, мы распрощались мужественно, — записал в дневнике Нансен, — но как-никак прощаться всегда грустно, даже под 84-м градусом северной широты, и не в одних глазах блеснула слеза".

Свердруп полагал, что Нансен раньше попадет домой, потому просил передать привет своей жене и ребенку. Но как ни тосковал Свердруп по любимой семье, все же страсть к путешествиям была в нем превыше всего. И в последнюю минуту прощания он задал вопрос: не думает ли Нансен затем отправиться еще и к Южному полюсу? Если да, то пусть дождется его возвращения с "Фрамом".

Напрасны были прощальные переживания! Уже через короткое время Нансен убедился, что расчеты его не оправдываются: шесть перегруженных нарт то и дело застревали в ледяных заторах. Вытаскивая их, приходилось по шесть раз проходить одно и то же расстояние. Решили снова вернуться.

Для опыта они запрягли в одни нарты двойную упряжку. Это имело необычайный эффект — собаки помчались с такой быстротой, что стоило большого труда поспевать за ними. В каких-нибудь два часа удалось отмахать то самое расстояние, на преодоление которого накануне ушло целых три дня. Преимущество легкой нагрузки сказалось со всей очевидностью.

Поражает упорство и настойчивость Нансена в его, уже третьих по счету, сборах к походу на север. Первые неудачи не только не обескуражили и не охладили его, но придали еще более уверенности в своих силах. В короткий срок он перестроил всю подготовительную часть санной экспедиции.

"Никаких излишеств!" — стало жестким правилом при отборе снаряжения. И хотя ранее думалось, что не имеется ни одной лишней вещи, многое было беспощадно выброшено из уложенных мешков. В результате стало возможным взять с собой только три заметно облегченные нарты.

В полдень 14 марта «Фрам» в третий раз дал прощальный салют. И в третий раз фрамовцы обменялись взаимными пожеланиями успеха и счастья. Как долго будет длиться разлука? Все, в том числе и сам Нансен, думали, что путешествие к полюсу завершится в тот же год. Никто не подозревал тогда, что затянется оно очень надолго.

Курс прямо на север!

И быстрый темп! Ничего, что на пути неровный лед и потому часто приходится помогать собакам тащить нарты.

Морозы жестокие — ртуть замерзает в термометре. Однако настроение у Нансена бодрое. Он отмечает в дневнике, что погода превосходна, а впереди "предстоит и день, и свет, и тепло; мы идем навстречу победе!"

Необходимость умерщвлять собак — первое, что омрачило душевное состояние. Привыкнуть к тому было невозможно. И через много лет Нансен говорил, что обязанность эта была самой тяжелой из всего, что выпало на его долю за время путешествия. Избежать этого было нельзя — ездовые собаки питались мясом себе подобных существ. Поначалу они отказывались от такой пищи, а затем голод заставил ее ценить.

Можно лишь удивляться многотерпению Нансена и его спутника. Уже первые дни похода потребовали предельного напряжения сил. Несмотря на сорокаградусные морозы, одежда их сначала промокала от испарины, а затем превращалась в жесткий панцирь, при малейшем движении она громко хрустела. Обшлага курток затвердевали так, что натирали у запястий глубокие раны.

К концу дневного перехода путешественники в своей промерзшей одежде забирались в спальный мешок. Тесно прижавшись друг к другу, дрожа, стуча зубами от озноба, они лежали час, а случалось, и больше, прежде чем по телу разливалось тепло. Одежда обмякала и походила на мокрый компресс. А тут еще на голое тело приходилось класть для просушки промерзшие рукавицы, носки, стельки.

До сна им следовало еще приготовить ужин и накормить собак — обязанность, которую каждый выполнял по очереди. Ужин тогда был высшим наслаждением и наградой. Все же усталость иногда бывала так сильна, что сон приходил прежде, чем удавалось донести ложку до рта: рука бессильно падала, и пища проливалась.

Даже во сне им казалось, что они тащат нарты и погоняют собак: "На север!", "На север!" Нансен не раз просыпался от криков Иохансена во сне: "Пан! Барабас! Ну же, вперед, дьяволы!", "У-у-у, чертово отродье!", "Тпру! Тпру!!!", "Ну, теперь все полетит к

черту!.."

Спальный мешок был скорее иллюзией тепла: однажды ночью Нансен проснулся оттого, что отморозил концы пальцев на руках. В таких условиях только утешала мысль, что собакам приходится еще хуже — они спали прямо на снегу перед палаткой.

Кстати, еще раз об отношении Нансена к собакам — его неоценимым помощникам. Человек, так сильно любивший природу и всякое живое ее воплощение, не мог быть жестоким. И если случалось ему быть таковым, объяснялось это только необходимостью. Вот его собственное убедительное объяснение: "Нельзя отрицать, что мы обращались с бедными животными жестоко, и сейчас жутко подумать об этом. Я весь содрогаюсь, вспоминая, как беспощадно колотили мы их железными палками, побуждая идти вперед, когда они останавливались в изнеможении, не в силах дальше волочить ноги. Поглядеть на них — сердце обливалось кровью, но я отводил глаза в сторону, намеренно ожесточая себя. Ведь это было необходимо. Мы *должны* были идти вперед во что бы то ни стало; все остальные соображения отступали на задний план".

Слово «должны» — Нансен подчеркивает это — побуждало совершать поступки, несвойственные ему в обыденной жизни. Исполнение долга требовало жертв, и Нансен, не колеблясь, шел на жертвы. Потому понятны его дальнейшие слова:

"Грустно, что в таких путешествиях умерщвляешь в себе лучшие человеческие чувства, черствеешь в своем эгоизме. Когда подумаешь об этих великолепных животных, которые верно и безропотно служили нам, пока хватало сил, не получая за это ни награды или ласки, редко даже доброе слово, одни удары день за днем, до последнего издыхания, пока смерть не освобождала их, наконец, от всех мучений; когда вспомнишь их расставание с жизнью там, на севере, в ледяной пустыне, бывшей свидетельницей их верной службы и преданности, — невольно казнишься горькими угрызениями совести".

Трудно что-либо добавить к этим словам — они принадлежат человеку, который и к себе относился с беспощадной жестокостью. Того требовал его долг!

При длительном пребывании среди снежных полей путешественники обычно испытывают "арктическую жажду". Напрасно утолять ее снегом — это лишь усиливает желание пить. Во время Гренландской экспедиции Нансен сильно страдал от жажды. Потому, отправившись к Северному полюсу, он и его спутник взяли по две фляги для воды, которые, чтобы уберечь от замерзания, носили на груди под одеждой.

Но, странное дело, оба путешественника стали замечать, что

сильная жажда постепенно уменьшалась и в конце концов исчезла. Почему так случилось?

Объяснение просто — его надо искать в строгом режиме питания: Нансен и его спутник приучили себя пить воду только по утрам и по вечерам. А днем обходились кусочком пресного льда.

Самоограничение во всем и всегда, дошло почти до полного аскетизма.

В то же время на смену победному настроению пришло чувство неудовлетворенности. Покидая «Фрам», Нансен предполагал двигаться к северу тридцать дней. Но прошло уже три недели похода, а до цели было еще далеко.

"По неровному льду с небольшим количеством собак дойти до полюса не удастся!" — к такому заключению пришел Нансен третьего апреля. На следующий день он все же возобновляет попытки продвинуться к северу. Его мучит вопрос — почему, несмотря на нечеловеческие усилия, удалось достичь только восемьдесят шестого градуса северной широты? Судя по темпу дневных переходов, следовало быть уже гораздо дальше.

Нансен высчитывает пройденное за прошедшие дни расстояние, анализирует направление ветра, прикидывает в уме скорость движения льда. Цифры, цифры…

Все расчеты приводят к одному выводу — лед дрейфует к югу! Вот истинная причина недостаточно быстрого продвижения санной экспедиции к северу. Капризный, прихотливый дрейф, зависящий от ветров и течений, — злой и беспощадный противник.

Сдаваться? Нет! Нансен еще пытается продолжать борьбу, хотя лед все такой же скверный, с такими же тяжелыми барьерами и такими же коварными полыньями. Запорошенные снегом, эти полыньи представляли наихудшее препятствие. Каждая из них отнимала много времени и сил: сначала надо было найти через нее переход, потом перебраться со всем грузом. В довершение случалось проваливаться в воду.

Иохансену доставалось еще хуже: на его попечении были две нарты. Человек крепкой закалки, он ни на что не жаловался и выдерживал стойко все трудности. Однажды Иохансен шел возле саней без лыж, вдруг лед под ним проломился. В тот миг Нансен был далеко впереди и не мог прийти на помощь своему тонущему спутнику. К счастью, тот не растерялся — ухватился за нарты, и продолжавшие бежать собаки вытащили его из воды. После такого купания ему негде было ни высушить, ни переменить одежду, и она быстро заледенела. Бедняге ничего не оставалось, как продолжать идти и ждать, пока одежда не высохнет на теле.

Мороз был велик, и произошло то очень не скоро.

Четвертого апреля путешественники находились на 86°28′ северной широты. Опять результат был слишком мал для тех огромных усилий, которые пришлось затратить. "Но что поделать, — пишет Нансен в тот день, — если лед движется в другую сторону? Да и от собак нельзя требовать большего; несчастные животные и так делают все, что могут".

Пятого апреля встретился еще более тяжелый лед. Тем не менее Нансен продолжает попытки продвинуться через торосы, полыньи и бесконечные бугры, образованные сжатиями.

В этот день путешественники прошли пятнадцать километров, беспрерывно поднимая нарты у каждого бугра, что могло доконать и богатырей. "Мы совершенно измучились", — пишет Нансен в дневнике.

Следующие два дня окончательно лишили надежды на улучшение пути. Торос громоздился за торосом, бугор за бугром, идти приходилось по голым ледяным глыбам, поминутно переволакивая нарты через препятствия.

В понедельник восьмого апреля Нансен пошел на лыжах разведать путь к северу, но никакой возможности продвинуться хоть сколько-нибудь вперед не обнаружил. С самого высокого тороса, насколько хватает глаз, виднелись все те же ледяные нагромождения. До самого горизонта тянулся бесконечный, покрытый снегом каменный хаос.

Продолжать поход не имело больше никакого смысла.

Нансен сделал последнее меридиональное наблюдение. Вычисления дали цифры: 86°13′36″ северной широты, 95° долготы.

То была самая северная точка, которую когда-либо достигал человек!

ОБРАТНО!

Когда к берегам норвежский
викинг вновь пристанет?

Бьёрнстьерне Бьёрнсон

Свой исторический подвиг Нансен и Иохаисен ознаменовали торжественным пиршеством: хлебом с маслом, кусочком шоколада и горячей водой с творожным порошком. Затем они забрались в спальный мешок и позволили себе отдых "а час больше, чем обычно.

Во вторник 9 апреля 1895 года начался обратный поход к югу. Арктика, будто издеваясь, в тот день сменила гнев на милость. Ветер утих, и путь, стал гораздо лучше. Даже торосы и полыньи исчезали, уступая место ровным заснеженным полям.

Груз в нартах заметно облегчился, и тащить их стало легче. Собаки бежали резво. Не мудрено, что в один из таких переходов удалось осилить целых двадцать два километра. Редкостное достижение!

Все предвещало удачу. И вдруг случилась беда.

Да, то, что обычно является малозначащим пустяком, в условиях полярной пустыни стало сущей бедой: у путешественников остановились часы. Их забыли завести… Что было причиной — усталость? Или рассеянность, вызванная той же усталостью? Безразлично. Так или иначе, возможность точно определять свое местонахождение, была утеряна.

Чтобы, хоть приблизительно найти гринвичское время, теперь оставалось лишь одно средство: определить магнитное склонение и затем наудачу оценить расстояние, пройденное от того места, где экспедиция повернула назад и где в последний раз Нансен определял долготу.

Была, правда, и другая, более простая возможность: рассчитать гринвичское время по наблюдениям лунных расстояний. Однако, когда Нансен собрался сделать так, оказалось, что необходимые для расчетов таблицы забыты на "Фраме".

Ничего не оставалось, как прибегнуть к первому — более сложному способу. Пасхальное воскресенье четырнадцатого апреля прошло в этом занятии. Нансен забрался в спальный мешок, чтобы произвести там математические расчеты. Мешок был промерзший, одежда оледенелая, ее, как обычно, приходилось согревать своим телом. Одеревеневшими от холода

пальцами перелистывал он логарифмические таблицы и решал на бумаге задачи со многими неизвестными. Только к концу дня закончилась эта работа. Все же Нансен был очень доволен: ему удалось более или менее точно исчислить время, и он поставил часы.

В тот же вечер путешественники отправились дальше на юг.

…Изо дня в день, из недели в неделю продолжалось одно и то же — борьба со льдами, вставшими дыбом. Собаки падали от изнурения. А усталые люди все шли и шли, мечтая о той минуте, когда ноги, наконец, коснутся твердой земли и глаза отдохнут на ее темном фоне от слепящей белизны снега.

Кончился апрель, настал май, а земли все еще не было. Нансен начал приходить в отчаяние. Четвертого мая он делает такую запись: "Нашим испытаниям, кажется, не будет конца. Чего бы я ни дал сейчас за то, чтобы ощутить под ногами твердую землю, иметь перед собой надежный путь, по которому можно было бы делать приличные дневные переходы, и освободиться от этих вечных опасений и сомнений, связанных с полыньями. Никто не знает, сколько еще затруднений могут они причинить и сколько разочарований придется нам перенести, прежде чем мы доберемся до суши. А тем временем число собак все убывает. Они делают свое дело, бедняги, насколько у них хватает сил, это верно; но что толку? Я так устал, что шатаюсь, идя на лыжах; упав, так бы, кажется, и остался лежать, не пытаясь встать".

Через неделю после этой печальной записи в упряжке Нансена осталось только три собаки. Верные своему долгу, они плелись вперед в изнеможении, падали и снова влачили свой непосильный груз.

Собак осталось так мало, что путешественники выбросили одни нарты.

С приближением лета полыньи встречались все чаще, снег стал рыхлым, тяжелым. Стоило лишь постоять на месте без лыж, и это грозило провалива-нием в сугробы по пояс. А прикреплять лыжи к ногам было нельзя, так как то и дело приходилось выволакивать застревавшие нарты. Ничего не оставалось, как безостановочно тащиться дальше и дальше.

Май был на исходе. И все еще ни малейшего намека на землю! Это было загадочным, непонятным.

"Терпенье, терпенье и еще раз терпенье!" — уговаривал себя Нансен.

Уже проглянуло солнце. Лучи его не вселяли обычной веры и надежды на лучшее будущее: снежные хлопья еще плясали в июньском небе.

Собак осталось только пять, и они голодали. Несчастные

животные так хотели есть, что однажды растерзали брошенные лыжи и съели парусиновую упряжь.

И людям тоже начал грозить голод — провиант был уже на исходе. Нансен и Иохансен до предела сократили свой ежедневный паек.

Минуло три месяца после расставания с «Фра-мом». Когда же наступит конец блужданию по ледяной пустыне? Верен ли избранный путь — быть может, часы идут неверно и путают все расчеты?

Неотступная мысль преследует Нансена: где земля? Если даже предположить, что часы спешат на десять секунд, и тогда это за месяц даст разницу в расчетах только на шесть минут сорок секунд. В таком случае экспедиция находится на 1˚40′ восточнее, чем намечалось. А если предположить, что отклонение к востоку значительнее, то уже недалеко должна находиться Земля короля Оскара. С другой стороны, возможно, что дрейф оказал свое большое влияние, и тогда…

Градусы, минуты, секунды… Нансен старается ничего не упустить для точного вычисления широты и долготы. Днем в походе и даже ночью во сне его не покидает одна мысль: где земля? То был вопрос жизни и смерти.

Положение ухудшалось день ото дня, хотя раньше казалось, что хуже быть не может. Одна из любимых собак Нансена, Лисичка, совсем выбилась из сил, упала и не могла подняться на ноги; ничего не оставалось, как взвалить ее на нарты поверх груза. Когда Нансен ушел вперед искать дорогу, Иохансен умертвил ее.

Не в лучшем состояния находился другой четвероногий помощник, Стурревен, — он не только не имел сил тащить нарты, но вообще не мог двигаться самостоятельно: едва плелся, шатался, падал; все время нужно было ему помогать вставать, чтобы бедняга кое-как передвигал ноги. Некоторое время его везли на нартах, однако "а первой остановке и Стурревена пришлось убить.

Нансен записывает в тот день: "Итак, у меня остался один Кайфас, а у Иохансена — Харен и Сугген. Этих трех собак мы сможем прокормить двумя убитыми в течение десяти дней. Но как далеко за это время пройдем — одни боги ведают! Боюсь, что не очень далеко".

Теперь путешественники уже совсем не могли полагаться на своих четвероногих помощников, потому из собачьих упряжек они сделали лямки для самих себя.

В записях тех дней у них обоих появляются трагические ноты; однако ни один, ни другой не поддаются паническому

настроению. И в этом тяжком положении они еще сохраняют веру в лучшее будущее. И в самых скверных обстоятельствах Нансен пытается даже шутить: "Остается утешать себя поговоркой: "Ночь всего темнее перед рассветом". Правда, все дело в том, чтобы знать, насколько темна наша ночь, а то она, безусловно, может стать еще темнее. Но мы возлагаем надежды на лето. С наступлением лета положение должно улучшиться".

Теперь путешественники еще более сократили свой паек. По утрам, съев лишь по маленькому кусочку сухого хлеба с пеммиканом, сразу отправлялись в дорогу. Только однажды удалось им убить пролетавшую кайру и двух глупышей — это очень на немного увеличило запас продовольствия. Долгая, старательная попытка наловить рыбу сетью не увенчалась успехом — в улове оказался один жалкий моллюск и несколько мелких рачков.

Так продолжалось до субботы двадцать второго июня. День этот оказался одним из самых знаменательных за все время возвращения с севера.

Еще вчера все представлялось в самом мрачном свете: путь казался невозможным, лед до отчаяния тяжелым, никаких видов на удачную охоту — вообще полная беда!

И вот жизнь вновь озарилась солнцем: Нансен и Иохансен лежали в спальном мешке сытые, довольные, предаваясь мечтам о счастливом будущем.

Одна маленькая случайность изменила все!

Как то было? Путешественники переплывали в каяках большую полынью. И вдруг вблизи вынырнул тюлень. Иохансен успел всадить в него пулю как раз, когда тюлень собирался исчезнуть. Этот первый и единственный морской зверь, виденный за все путешествие, продержался на воде ровно столько, сколько потребовалось, чтобы Нансен подцепил его багром.

Продовольствия и горючего теперь хватало на целый месяц!

Впервые за долгое время люди и собаки были сыты. Наконец стало возможным отдохнуть и спокойно поразмыслить о своем положении.

Невозможно так идти дальше — в том не было никакого сомнения. Надо отделаться от всего, без чего так или иначе можно обойтись, и затем двигаться как можно быстрее налегке, имея с собой самый умеренный запас продовольствия, каяки, ружья и необходимую одежду. Только таким образом можно достигнуть твердой земли раньше, чем будут съедены последние крохи.

Все казалось нужным, и не так-то легко было решить, с чем

именно следует расстаться. Аптечка, запасные лыжи, гамаши, изношенное белье были выброшены. Палатка? С ней нельзя было расстаться. Когда дело дошло до спального мешка, то Нансен и Иохансен вздохнули: постоянно мокрый спальный мешок стал очень тяжелым, но без него обойтись было невозможно.

Произведя все эти реформы, путешественники связали вместе свои каяки, чтобы переправиться через длинное разводье. И тогда возник вопрос: а как поступить с собаками, каким образом захватить их с собой? Но те сами разрешили эту проблему — прыгнули на каяки и улеглись там так, будто ничего другого и не делали в своей жизни. Красавец Кайфас воссел на носу, а две другие устроились на корме.

Двадцать четвертого июня исполнилось два года, как «Фрам» покинул родину. Нансен и его спутник отметили этот день торжественным ужином: поджарили тюленью кровь с сахаром и сварили кисель из брусники. Праздник был полон мечтаний о лучших днях на родине.

Родина… Мысленным взором Нансен переносился туда, где лето было в разгаре, где все цвело — фиорд в Люсакере, наверно, сверкал под лучами жаркого солнца; на берегу его в туманную даль глядела она и с ней Лив. Какой стала девочка за прошедшие два года — совсем большой?

Стремление добраться домой было жгучим, непреодолимым. Оно заставляло мобилизовать все свои душевные и физические силы, чтобы двигаться дальше и дальше к югу — домой! То была высшая школа терпения и воспитания воли.

В начале июля полили дожди. Все было по-прежнему, важным событием явилось лишь то, что удалось подстрелить нескольких тюленей и медведей — пищи стало вдосталь! Тем не менее пришлось убить Харена — собаку, с которой Иохансен расстался с большой грустью. Верный, старательный Харен захирел так, что превратился в обузу. Теперь от всей своры ездовых ообак экспедиции остались только самые выносливые — Сугген и Кайфас. "Мы постараемся сохранить им жизнь как можно дольше", — записал Нансен в дневнике.

Поход продолжался. В небе пролетели розовые чайки — добрые вестники близкой земли.

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Лед и бесконечные полярные ночи со всеми их страда-ниями казались мне далеким сном, видением из другого мира — сном, который явился и исчез. Но как была бы бедна жизнь, если бы в ней не было таких снов/

Ф. Нансен

Свершилось великое чудо! Перед ними, наконец, появилось то, чего ждали они так долго, но уже почти потеряли надежду увидеть.

Земля! Земля!..

Давно грезилась им эта земля, и теперь явилась она как видение, как волшебная страна в сказке. Ослепительная, сверкающая вздымалась она над горизонтом, похожая на легкое облачко, которое вот-вот растает. Много дней назад они приняли ее за скопление облаков. Даже в подзорную трубу яе виделось на ней ни одной темной точки, такой густой туман окутывал долгожданную землю.

Иохансен первый заметил над горизонтом какую-то темную полоску и опять принял ее за облако. А затем Нансен с вершины тороса увидел ту же полоску, и чем более смотрел на нее, тем сильнее его охватывало какое-то волнение. Он побежал за подзорной трубой. Едва навел ее, сразу убедился: да ведь это… земля!

— Земля! — вырвалось из груди.

Теплая волна радости охватила обоих. Захотелось плясать, петь, кричать. Но они стояли недвижимо и лишь улыбались счастливо.

Обетованная земля сначала казалась совсем близкой, они рассчитывали добраться до нее уже на следующий день. Но прошло много однообразных, мучительно трудных дней, а цель все еще, все еще была впереди.

Высокие торосы, рассеченные глубокими заснеженными ущельями, и широкие полыньи продолжали преграждать путь. Приходилось то становиться на лыжи и тянуть лямками тяжело нагруженные нарты, то спускать на воду каяки, чтобы переплывать полыньи. Сжатия раскрошили лед и наполнили разводья осколочной кашей.

Лили дожди. Спальные мешки размокли сверху от ливней, снизу от таявшего льда. Однажды ливень продолжался целые сутки. Путники промокли насквозь, однако переодеться было не во что: белье и верхняя одежда давно износились.

Даже железное здоровье Нансена надломилось. Иохансен старался работать за двоих и втихомолку, будто невзначай, чтобы не огорчить ослабевшего друга, подталкивал его нарты.

Через неделю Нансен поправился. Тогда природа, словно нарочно мешая людям выбраться из ледового плена, учинила новые каверзы. Лед, по которому они брели, течение отбросило от заветной земли! Тяжкий труд стольких дней оказался напрасным.

Нансен в понедельник 5 августа 1895 года записывает в свой дневник: "Худшего льда, чем вчера, мы никогда не встречали. И все же удалось проползти некоторое расстояние. День ознаменовался двумя радостными событиями: во-первых, Иохансена не съел медведь, во-вторых, мы увидели открытую воду у берега, у подножия ледника".

Неисчерпаемой верой в жизнь веет от этих строк. А написаны они вот при каких обстоятельствах.

Огромные ледяные глыбы разбросаны в хаотическом беспорядке. Между ними сугробы мокрого снега. Коварные сугробы! Путники часто проваливаются в них и оказываются по пояс в леденящем месиве. Полыньи доставляют особенно большие мученья. Приходится делать далекие обходы или перепрыгивать с одной льдины на другую, таща за собой нарты, рискуя кувыркнуться в воду.

Вот возникает еще одна широкая полынья. Нансен первым подтаскивает к воде свои нарты. И, поджидая почему-то замешкавшегося Иохансена, вдруг слышит крик:

— Хватайте ружье!

Он оборачивается и видит, что огромный медведь опрокинул Иохансена навзничь.

Ружье лежит в чехле на носу каяка. Нансен стремительно бросается туда, но в ту же секунду… каяк соскальзывает с кромки льда в воду. Надо обратно втащить его на высокую кромку. Однако каяк тяжел и не поддается усилиям одного человека.

Стоя на коленях, распластавшись всем телом на качающейся палубе, Нансен пытается дотянуться до чехла с ружьем. Посмотреть, что делается позади, ему некогда, да и невозможно. Находясь в таком положении, он слышит голос Иохансена:

— Вы должны поторопиться, если не хотите опоздать!

Нансен и так спешит как только может…

Наконец ему удается дотянуться до чехла, выхватить ружье,

взвести курок. Экая досада! В правом стволе патрон с дробью. А медведь в двух шагах, и нельзя терять ни мгновенья, чтобы взвести левый курок над стволом с пулей.

Выстрел!.. Удача — весь заряд дроби угораздил медведю в ухо. Зверь упал замертво.

Иохансен, хотя едва-едва только избавился от смертельной опасности, неизменно спокоен, будто не произошло ничего особенного.

— Медведь, — объяснял он, — видно, был очень голоден, если стал красться за нами. Ну и ловко меня подкараулил! Раньше чем я его заметил, дал такую затрещину, что у меня искры посыпались из глаз. Все же я вцепился в его пушистое горло. Сжал со всей силой… Не помогло! Зверь разинул пасть прямо над моей головой…

— Тогда вы и попросили не опоздать?

— Именно! — рассмеялся Иохансен. — Вовремя раздался ваш спасительный выстрел…

Путешественники снова впряглись в лямки, мечтая добраться до земли в тот же день.

Шли долго, часто проваливаясь в снежную жижу, ие обращая внимания, что вода заливается в меховые сапоги, при каждом шаге громко хлюпает, переливаясь в голенищах вверх и вниз, как в насосе.

Все ближе придвигалось темное небо — признак открытой воды. И впрямь, вскоре под стенкой высокого ледника заплескалась чистая вода. Неужели море?

Да, это было море — голубоватая гладь его блистала подобно громадному зеркалу. После бесконечного странствования в стране белых плавучих льдов оно было так желанно! И ведь за ним где-то находилась земля…

Огромная радость захлестнула сердца. Все мучения, казалось, остались позади — море открывало свободный путь к дому, к свету и жизни.

Нансен и Иохансен долго молча смотрели на воду — удивительное чувство успокоения охватило обоих.

Но, как это часто случается, обретенное счастье соседствовало с горьким переживанием — нельзя было отправляться в море в утлых каяках вместе с собаками. С ними надо было расстаться…

Нансен и Иохансен сильно привязались к своим последним четвероногим помощникам. Сугген был всегда трогательно послушен, а Кайфас — с каким гордым величием шел он до последнего шага! Верно и терпеливо трудились они в течение всего путешествия, и вот, когда забрезжили лучшие дни, жизнь их

кончалась.

Заколоть их, как ранее других, не хватало сил. Зайдя за торос, Иохансен застрелил Кайфаса, принадлежащего Нансену, а Нансен убил Суггена, которого так любил Иохансен.

…Связанные вместе каяки легко двигались с помощью весел. Потом ветер задул прямо в корму и позволил поставить парус. Так, с короткими остановками для отдыха, удалось плыть несколько дней в направлении архипелага Земля Франца Иосифа.

В пятницу шестнадцатого августа Нансен записал в дневнике: "Вечером, наконец, добрались до островов, к которым стремились в эти последние дни, и в первый раз за два года ступили на твердую землю. Невозможно выразить чувство, какое овладело нами, когда мы получили возможность перепрыгнуть с одной гранитной глыбы на другую и затем обнаружили в небольшом укромном местечке, среди морен, мох и цветы — большой красивый мак".

Впервые за долгое время путешественники заснули не в лужах от растаявшего снега, а на сухой земле. На следующий день они перешли на соседний, еще более привлекательный остров. Нансен, отнюдь не склонный к восторженности, это событие описал так: "Остров, на который мы перебрались, показался мне одним из чудесных уголков земного шара: красивый плоский берег, усеянная белыми раковинками береговая терраса, узкая полоса чистой воды вдоль берега, на дне которой виднелись улитки и морские ежи, а на поверхности плавали дафнии. На скалах наверху сидели сотни болтливых люриков, а возле нас с веселым чириканьем бойко перепархивали с камня на камень пуночки.

Внезапно сквозь легкий слой облаков проглянуло солнце, и весь мир кругом просиял. Здесь кипела жизнь, земля не скрывалась под снегом, здесь уже не было бесконечных дрейфующих льдов. Повсюду виднелись медвежьи следы, попадались и песцовые. На дне морском у самого берега я заметил целые леса водорослей. У подножия скал кое-где лежали сугробы красивого розоватого снега".

С каким поэтическим чувством написаны эти строки! Лишь тот, кто надолго был отрешен от обычной жизни, мог так радоваться скромным дарам природы.

Но превратности пути не кончались. Уже вскоре все повернулось в самую дурную сторону.

Задул ветер. Тот самый ветер, который моряки так мягко называют «свежим», но который следовало бы звать могучим, бурным, сокрушительным. В одну из ночей он разительно изменил все в природе. Лето исчезло, вернулась зима. Море

покрылось плавучими льдинами. Громоздясь, сплачиваясь и смерзаясь, они превратились в непроходимые хребты.

Ветер крепчал, перешел в шторм. Немыслимо было сделать ни шагу вперед. Путешественники попали в ледяной плен. И тогда отринули последнюю надежду на скорое возвращение домой.

Предстояла долгая, темная зима. Третья, зимовка в полярной пустыне…

До наступления полярной ночи оставались считанные дни.

— Надо сложить хижину из камней, — предложил Нансен.

Немногословный Иохансен кивком головы выразил согласие.

Голыми руками выкорчевывали они камни из морен. Когда смерзшиеся камни не поддавались усилиям, то в ход пускали рычаг — кусок сломанного полоза от нарт. Копали заступом, сделанным из кости моржа, а из его клыка, привязанного к обломку лыжной палки, изготовили кирку. То были жалкие орудия, но терпение и настойчивость преодолевали все трудности.

Так мало-помалу вырастали стены хижины, выдававшиеся над землей только на метр. Чтобы в будущем жилье можно было выпрямиться во весь рост, строители вырыли в полу глубокую яму. Крышу сделали из моржовых шкур, а медвежьей шкурой прикрыли вход, настолько узкий и низкий, что сквозь него можно было пробраться лишь на четвереньках.

В этой хижине, вернее — берлоге, два человека прожили много-много дней и ночей, одинаково темных, одинаково томительных.

Молчание окружающего мира гнетом своим спорило с холодом и мраком ночи. Жизнь текла в медленном, мучительном однообразии. Зимовка длилась девять месяцев. Девять месяцев! Величайшее испытание стойкости характеров, возвышенности чувств людей, отрезанных от всякого общения с остальным человечеством.

Книги! Зимовщики мечтали хотя бы об одной интересной книге. Какой чудесной казалась им жизнь на «Фраме», где имелась целая библиотека! Случайно сохранившиеся обрывки календаря и мореходных таблиц они читали и перечитывали столько раз, что заучили наизусть слово в слово. Им доставляло удовольствие хотя бы перелистывать эти странички: самый вид печатных букв как бы возвращал к цивилизации.

Все темы для беседы давным-давно исчерпались. Не оставалось никаких мыслей, которыми зимовщики уже не обменялись. Главным из немногих оставшихся удовольствий было рисовать друг другу картины того, как, наконец, попадут они

домой, увидят, близких, родных.

Иногда, когда приходилось особенно туго, мечтали, что летом за ними придет какой-нибудь парусник. И, конечно, едва они окажутся на его борту, постараются сразу вознаградить себя за все лишения. Неужели на судне не найдется картофеля и свежего хлеба? Ну, на худой конец годятся и черные морские сухари… И сахар…

Но лучше всякой еды будет чистое белье и платье. Разумеется, и книги… подумать только — книги!

Часами толковали они об этом, сидя у коптящего светильника — тряпичного фитиля, опущенного в медвежий жир. Казалось невероятным, что на земле есть иная жизнь. Неужели на самом деле когда-нибудь удастся сбросить с себя эти тяжелые, просаленные отрепья? Ногам приходилось хуже всего: пропитанные ворванью штаны так заскорузли, что при ходьбе царапали и образовывали кровоточащие раны.

— Никогда раньше я не понимал, какое превосходное изобретение мыло! — как-то воскликнул Нансен, тщетно пытаясь избавиться от толстого слоя копоти и ворвани на теле.

— И как прекрасна возможность побриться! — добавил Иохансен.

У них не осталось ни кусочка мыла, и они не брились и не стриглись так долго, что отросшие бороды совсем закрыли лица, а волосы ниспадали до плеч. Такая густая растительность придавала им дикий, первобытный вид, но хоть отчасти спасала от постоянного жестокого холода.

Медленно тянулись дни, неразличимые от ночи. В хижине-берлоге казалось даже уютно, когда снаружи завывал лютый ветер, кружились снежные вихри или доносился треск и грохот ледника. Могучий ледяной великан венчал ближнюю гору. В сильные холода он будто корчился от озноба, и на его огромной поверхности возникали трещины. Тогда разносились громоподобные звуки, и земля содрогалась так, что стены хижины вот-вот могли развалиться.

Иногда зимовщики наблюдали дивное зрелище: вспыхивало северное сияние. То была великолепная игра света и огненных красок, бушевавших в борьбе с тьмой ночи. Все начиналось с мерцания зловеще-желтого света, похожего на зарево далекого пожара. Зарево разливалось все шире и шире, и вскоре половина неба превращалась в сплошную пылающую массу.

Пожар гас, в тот же миг светящаяся туманная лента прорезала небо. Взгляд не успевал привыкнуть к ее виду: вдруг лента превращалась в лучи, почти достигавшие высоты зенита. Поток огненных лучей! С бешеной скоростью мчались они с

востока на запад все выше и выше.

И опять зрелище длилось недолго, сменяясь новой небесной картиной. С высоты зенита низвергалась завеса, сотканная из лучей нежных и блестящих, как тончайшие трепещущие серебряные струны.

В ясные морозные ночи луна превращала ледяную страну в сказочный мир. Призрачный лунный сзет разливался над заснеженными гребнями скал и ледяными полями. То была картина какой-то вымершей планеты, покрытой сверкающим мрамором. Вот так, наверно, выглядят там горы и воды, скованные льдом и покрытые снежным саваном. И вот так же медленно и бесшумно плывет луна, совершая свой бесконечный путь по безжизненному пространству.

В такие ночи вокруг царила тишина, жуткая тишина. Великое, беспредельное безмолвие полярной пустыни…

ЛЮДИ! ЛЮДИ!

Подвиг — что огонь;
расплавленные им,
Сольемся мы в один победный
меч сердцами!

Бьёрнстьерне Бьёрнсон

Долгожданная весна пришла в начале марта. Веселые люрики были ее вестниками. Стайка их с громким щебетанием пронеслась над хижиной зимовщиков, возвещая о возрождающейся жизни.

В душе зимовщиков они вызвали ответный радостный отклик: "Здравствуйте, перелетные птицы! Побывали: вы в далекой Норвегии — расскажите нам о далекой родине, о людях, близких нашему сердцу, о событиях, случившихся за: время разлуки!"

И живой щебет птиц и первые весенние лучи настойчиво: звали путников к скорейшему возвращению домой. Но золотые лучи блистали еще коротко, и на: смену им надолго всходила луна, холодная и равнодушная.

Следовало готовиться к длительному походу на лыжах. Дел было много. Предстояло прежде всего заменить одежду, превратившуюся в. лохмотья. Хорошо, что сохранились старые одеяла, они годились, чтобы выкроить из них куртки и брюки, а из медвежьих шкур можно было сшить носки, рукавицы и удобный спальный мешок.

Но где достать нитки? Велико было ликование зимовщиков, когда удалось раздобыть этот нужнейший предмет. В тот день Нансен восторженно записал: "Я открыл, что из одного обрывка веревки можно сделать двенадцать ниток, и счастлив, как юный бог. Теперь ниток у нас хватит, и мы быстро починим одежду. Кроме того, можно расщепить ткань мешка и пустить ее в ход вместо ниток".

Хижина превратилась, в портняжную и сапожную мастерскую. С раннего утра до позднего вечера зимовщики прилежно занимались шитьем. Сидя рядом на спальном мешке, распластанном на каменном ложе, они шили и шили без устали, молча, в то время как мысли их были заняты только одним — возвращением на родину.

Начавшиеся визиты белых чаек позволяли верить в близость открытого моря. Усаживаясь на крыше хижины, чайки долбили и выклевывали все, что могли найти. Медведи тоже стали частыми

и всегда незваными гостями. Однажды утром Йохансен, откинув шкуру, прикрывавшую лаз из хижины, вскрикнул:

— Медведь! У самого входа медведь!

С молниеносной быстротой схватил он винтовку и снова попытался высунуть голову, но тут же поспешно отскочил назад.

— Он стоит совсем рядом!.. Кажется, думает войти сюда!

Иохансен направил в отверстие лаза винтовку. Приготовился выстрелить. Однако прицелиться было не так-то легко — лаз был узкий, неровный и к тому же завален снежными комьями. Совсем скорчившись, охотник кое-как приладился, приложил приклад к щеке и тут же опустил винтовку: второпях забыл взвести курок.

Медведь сначала чуть отодвинулся, в проходе остались торчать только кончик его носа да лапы, потом он, видимо, передумал и стал скрести когтями землю, чтобы залезть внутрь хижины. Тогда Иохансен, не целясь, выстрелил. В ответ послышался глухой рев, и снег захрустел под тяжелыми шагами зверя.

— Убегает! — Иохансен бросился вслед за раненым медведем.

Все произошло так быстро, что за это время Нансен успел только вылезти из спального мешка и начать обуваться. А как назло, куда-то запропастился чулок. Проклятый меховой чулок! Найти его удалось после суматошных поисков, и оказался он, конечно, под самыми ногами, на полу тесной хижины.

Прошла минута-другая, пока Нансен смог отправиться на помощь другу. Бежать ему пришлось недолго — Иохансен шел навстречу.

— Я уже прикончил медведя! Вон лежит… Иду за нартами привезти тушу… — сообщил довольный охотник.

— Поздравляю с удачным трофеем!

Нансен пошел дальше, чтобы освежевать тушу. Это научился он делать ловко и быстро, как заправский промысловик. Шел неторопливо. Но велико было его удивление, когда перед глазами «убитый» медведь поднялся на ноги и без оглядки затрусил в сторону.

Ничего не оставалось, как пуститься вдогонку за убегавшим «трофеем». Это оказалось вовсе не простым делом. Раненый зверь тяжело припадал на одну лапу, а все же бежал быстро. Он даже принялся карабкаться на высокий ледник, выбирая самые крутые уступы.

Вот уж никак нельзя было ожидать, что «убитый» способен на такую прыть!

Началась гонка с препятствиями. Четвероногое животное легче одолевало сугробы, в глубоких трещинах ледника, чем

преследователь, проваливавшийся в снег по пояс. Так, соревнуясь в силе и ловкости, они поднимались все выше и выше, пока зверь не достиг вершины утеса. А там дул настолько сильный, порывистый ветер, что медведю пришлось лечь на брюхо и цепляться когтями за лед.

В этом положении он стал отличной мишенью. И охотник не упустил случая. Тщательно прицелившись, выстрелил раз и еще раз…

Медведь соскользнул с ледяного уступа, покатился кувырком по снегу, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, по осколочной россыпи, с шумом цепляя камни и снежные комья, высоко подпрыгивая от толчков на встречных уступах. Странно было видеть эту огромную белую тушу, летящую в воздухе подобно мячу.

Наконец подпрыгнув особенно высоко, медведь ударился об острый большой камень и растянулся плашмя.

— Жаль, что шкуру не удастся привезти домой! — подосадовал Нансен, глядя на великолепный густой мех. — Придется утешаться тем, что в туше много мяса и сала. Хватит нам надолго…

Действительно, богатый трофей пополнил запасы зимовщиков на целых полтора месяца. Все же еще многого не хватало для предстоящей экспедиции к югу. Недаром, подсчитывая провиант, необходимый для экспедиции, Иохансен как-то заметил:

— Чего бы я не дал хотя бы за один-единственный ящик собачьих сухарей из трюма «Фрама»! С удовольствием питался бы этими сухарями!

То были не пустые слова. Когда зимовщики вырыли спрятанный осенью неприкосновенный запас, то обнаружили лишь жалкие остатки. Значительная часть продовольствия заплесневела от сырости. Овсяная мука покрылась грибком, шоколад, столь драгоценный шоколад, растаял от проникшей влаги, а пеммикан принял какой-то странный вид.

Из всего неприкосновенного запаса сохранилось лишь немного рыбной муки и некоторое количество сухарей, отсыревших и покрывшихся плесенью.

Зимовщики занялись спасением этих продуктов от окончательной гибели. Как? Очень просто: смешали все вместе и сварили в моржовом жире. Месиво, полученное после такой операции, бережно спрятали на случай крайней нужды.

Дни шли за днями. Проходили недели. Месяцы… Суровая зима и весна, похожая на зиму, долго не выпускали из своих холодных объятий полярную землю. Но солнце, наконец,

победило мрак вечной ночи. И тогда настал торжественный день, которого пришлось так долго ждать, — день нового отправления к югу — домой!

У хижины, заваленной снегом, стояли тяжело нагруженные нарты с каяками. Двое высоких людей, обросших густыми бородами, с волосами, ниспадавшими до плеч, заканчивали последние приготовления. Внимательно они проверили лыжи, палки, крепления, полозья и лямки нарт, от прочности которых зависел успех похода и судьба самих путешественников.

Напоследок сфотографировали хижину — приют и защиту от зимних вьюг и жгучих морозов. Когда настал час покинуть ее, казалось удивительным, как могли обитать в ней цивилизованные люди. Пещеры первобытных существ, наверно, были гораздо уютнее и удобнее этого низкого, тесного логова.

И вот все готово! Пора впрягаться в нарты и двигаться в путь. Но нет, Нансен задерживается. Зачем? Написать письмо. Письмо? Кому?

Тем, кто впоследствии, случайно или нарочно, окажется тут. Пусть они узнают о судьбе норвежских исследователей, а главное, о тайнах Арктики, которые удалось выведать для науки.

Ветер, леденящий, пронизывающий, треплет листок бумаги. Нансен пишет замерзающими пальцами, ухитряясь сохранить свой твердый, уверенный почерк:

> "Вторник, 19 мая 1896 года. Мы вмерзли в лед к северу от острова Котельного 22 сентября 1893 года. В течение следующего года нас несло на северо-запад. Иохансен и я покинули «Фрам» 14 марта 1895 года, имея целью достичь более высоких широт. К северу никакой земли не нашли. Достигнув 86°14′ северной широты и около 95° восточной долготы, вынуждены были повернуть назад, так как лед стал слишком тяжел и непроходим. Взяли курс на мыс Флигели, но наши часы остановились, и мы не могли с точностью определить долготу. 6 августа 1895 года обнаружили четыре покрытых ледниками острова и нашли необходимым здесь перезимовать. Питались медвежьим мясом. Сегодня отправляемся на юго-запад, чтобы наикратчайшим путем добраться до Шпицбергена. Полагаем, что находимся на Земле Гиллиса.
>
> *Фритьоф Нансен".*

Этот первый отчет о своем путешествии к Северному полюсу Нансен вложил в медную трубку от насоса примуса. Трубку заткнул пробкой из кусочка дерева и подвесил на проволоке под

крышей хижины.

Последний прощальный взгляд бросили путешественники на свое жалкое жилище и счастливо улыбнулись друг другу.

— Пора! — вымолвил Нансен.

— Давно пора! — поправил его спутник.

Они впряглись в лямки, с трудом стронули с места тяжелые нарты и, едва сделав несколько шагов, сразу ощутили, что после долгой зимовки разучились ходить. Даже Нансен, превосходный, выносливый спортсмен, устал быстро. А ведь он двенадцатикратный чемпион Норвегии по длительным лыжным походам и рекордсмен мира по скоростному бегу на коньках.

Первый переход был коротким. Все же путники испытывали великую радость: шли к дому! Через день достигли они мыса, который назвали "мысом Доброй Надежды", так как надеялись, что за ним обнаружится свободная вода, где удастся спустить каяки и двигаться гораздо быстрее.

Следующий день принес разочарование — свободной воды не оказалось, и разыгралась пурга, надолго приковавшая к месту. Таков уж удел путешествующих в Арктике — погода всегда ненадежная.

Но пурга стихла. Ровный сильный ветер позволил приладить паруса к нартам и легко покатиться по ровному льду. Однако час от часу ветер крепчал и достиг такой силы, что стал опрокидывать нарты. Облака заволакивали небо. Пока не началась настоящая буря, Иохансен остановился, чтобы покрепче привязать к каяку свернутый парус. Тем временем Нансен отправился вперед на разведку. И едва сделал несколько шагов, как почва ушла из-под его ног и он погрузился в трещину, замаскированную снегом.

Выкарабкаться из этой ловушки своими силами Нансен не мог: лыжи его были закреплены на ногах, и поднять их вместе со всей снежной слякотью и ледяной кашей было немыслимо. К тому же лямки от нарт опутывали грудь и не позволяли ему повернуться.

Положение было отчаянным. Выручала лишь лыжная палка с острым наконечником, воткнутая по ту сторону трещины. Ухватившись за нее правой рукой, а левой уцепившись за край льдины, Нансен терпеливо дожидался, пока подойдет спутник. Он не сомневался, что Иохансен все заметит и поспешит на помощь, но обернуться назад, чтобы это проверить, не мог.

Время шло. Палка стала сдавать под тяжестью тела, и Нанс" н начал погружаться все глубже и глубже. Леденящая вода добралась уже выше поясницы.

— Ого-го! Ого-го!

Нансен звал громко и все же не слышал отклика.

— Помоги! — кричал он изо всех сил.

Наконец позади послышалось ответное: "Охо!" И когда вода уже достигла груди Нансена и вот-вот должна была его совсем поглотить, подбежал Иохансен и вытащил тонущего. Оказалось, он так занялся укреплением груза на нартах, что не заметил случившегося, а отчаянный зов о помощи услышал только в самый последний момент.

Но о спасении Нансена говорить было еще рано: ему грозила мучительная гибель от замерзания. Мокрая борода его уже смерзлась в твердый комок, а лоб, нос, уши покрылись ледяной коркой.

Вокруг бушевала буря, трещал ломающийся лед. Разве возможно в подобных условиях соорудить палатку из поднятых стоймя нарт и куска полотна? Необходимо скорее достигнуть земли!

Нельзя терять ни мгновения! Ветер уже и одежду превратил в ледяную кольчугу. Нансен впрягся в лямки и быстро зашагал вперед. Однако Иохансен, заботливый друг, поспешил его обогнать — ведь встречный ветер больше обжигает идущего впереди…

Арктическое лето принесло с собой вьюги, метели и сильнейшие ветры. Лед по мере продвижения к югу становился все более тонким и рыхлым. Под оттаявшим снегом проступала вода. Нарты и даже лыжи все чаще проваливались в мокрую снежную массу.

Иногда лишь встречалась открытая вода, позволявшая спускать каяки и плыть под парусами или на веслах. То бывала редкая удача, но она внушала уверенность в том, что далее к югу появится открытое море, которое облегчит возвращение к дому.

А пока встречались другие вестники родины — перелетные птицы. Как-то при виде пары гусей на берегу каменистого островка Нансен заметил шутливо:

— Вид их позволяет чувствовать себя на пути к цивилизации!

Улыбка Иохансена подтвердила, что он согласен с этими словами.

Но даже этот человек, обычно такой молчаливый, всегда становился разговорчивее, когда встречались острова, не отмеченные ни на одной географической карте. Всякий раз путешественники испытывали тогда ни с чем не сравнимое волнение первооткрывателей. И было чему радоваться: их карта все более покрывалась очертаниями дотоле неведомых земель.

Да, "белые пятна" стирались на арктической карте. Но —

увы! — это нисколько не помогало уточнить местонахождение самих путников. Загадка по-прежнему оставалась неразрешенной. Ясно было только одно — шли они к югу. К дому!..

В середине июня запасы продовольствия истощились. Настал день, когда был съеден последний скудный паек. Спасти могла только открытая вода, где водилась бы дичь и где можно было бы убить тюленя. В противном случае — голод, конец.

Не раз путешественники находились на краю гибели, но каждый раз судьба негаданно несла им спасение. Так было и теперь.

Началось с того, что наступила отличная погода. Солнце, долго скрывавшееся в облачных лохмотьях, выглянуло наружу, засияло веселыми лучами. Подморозило. Нарты с поднятыми парусами легко заскользили по ровному льду.

И вот, как чудесная музыка, донесся шум морского прибоя. Перед глазами вскоре открылась красивейшая картина — голубая поверхность открытой воды. Сбылась мечта! Впереди море, по которому можно беспрепятственно и быстро плыть.

Путешественники связали вместе свои каяки и с попутным ветром пустились в плавание.

Ветер свежел. Утлые суденышки с такой силой рассекали волны, что вода стала захлестывать через борт. Но что за беда, если несешься вперед и вперед!

Целый день так плыли. Усталые, голодные и все же счастливые. Ведь родной дом приближался с небывалой до сей поры быстротой. Так им казалось, так в это верилось, но пришлось пережить еще одно мучительное испытание.

Вечером пристали к кромке льда немного поразмять ноги, совсем затекшие от долгого сидения в каяках.

При высадке возник вопрос: как закрепить драгоценные каяки?

— Привяжем ремнем! — предложил Иохансен.

— А выдержит ли? — усомнился Нансен.

— Ну, конечно!

— Да, пожалуй! Немного нужно, чтобы удержать наши легкие судна, — согласился Нансен и закрепил каяки сыромятным ремнем, вырезанным из шкуры моржа.

Путники взобрались на ближайший торос. Поглядели вокруг, потолковали о направлении ветра. Мнение их, как всегда, оказалось единодушным: надо скорее подымать парус, пока не стих ветер. Так и решили. Вдруг Иохансен вскрикнул:

— Каяки уносит!

— Что?..

С полувзгляда Нансен убедился в ужасной правде.

Опрометью бросились они вниз с тороса. Поздно! Сыромятный ремень лопнул, и каяки отплыли уже довольно далеко.

— Держи часы! — крикнул Нансен. Стремглав бежал он к кромке льда, на ходу сбрасывая меховую куртку.

Снять с себя все он не рискнул — боялся закоченеть. И, полураздетый, прыгнул в воду. Поплыл!

В ледяной воде да в намокшей одежде плыть было очень тяжело, а ветер дул со стороны берега и быстро угонял легкие суденышки с их высокими мачтами.

Дальше и дальше уносились они. И с ними вместе исчезали малейшие надежды на спасение. Ведь все достояние путешественников находилось там, в каяках. Все, даже ножи…

В сущности, было все равно: окоченев, пойти на дно или вернуться назад ни с чем. Но Нансен напрягал все силы. Устав, перевернулся и поплыл на спине.

На берегу в отчаянии метался Иохансен. Бедняга не отрывал взгляда от воды. Он не надеялся, что Нансену удастся поймать каяки, и понимал, что ничем не поможет, если бросится в воду вслед за другом. Худших минут переживать ему не приходилось еще никогда.

А Нансен не сдавался. Плыл и плыл. Расстояние до качавшихся на воде мачт несколько сократилось. И хотя все более коченели руки и ноги, забрезжила надежда, что удастся достичь цели. Пловец, подчиняя свое тело велениям воли, собирал падающие силы, и — мачты ближе!.. Вот, наконец, они совсем близко! Протянуть руку, и она коснется борта… Но как тяжела, как бессильна рука!

Еще несколько взмахов рук пловца, и еще взмах… Теперь он рискнул сделать рывок. Успел коснуться лыжи, лежащей поперек кормы. Ухватился за нее, подтянулся…

Спасение! Узы! — преждевременная радость. Нансен пытается взобраться на корму, но замерзшее тело не слушается, не может превозмочь тяжесть намокшей одежды.

Неужели все напрасно? О нет! Еще отчаянная попытка. Успех: удается закинуть ногу за борт!

— А-а-а! — крик Иохансена исторгнут опаляющей сердце, радостью: Нансен вскарабкался в каяк.

Тело закоченело так, что невозможно грести. Да и не легко одному человеку действовать веслом в двух связанных вместе каяках. А развязывать их нет времени — замерзнешь окончательно, раньше чем справишься с этим делом. Ничего другого не остается, как заставить себя грести, чтобы хоть как-нибудь согреться.

Нансен дрожал от леденящего холода, зубы его стучали, он почти терял сознание, когда шквалы ветра пронизывали тонкую мокрую фуфайку. Но он греб и греб, судорожно сжимая весло.

Две кайры опустились на воду и невозмутимо поплыли вблизи каяков. Никем не пуганные птицы…

"Вот случай спастись от голода!" — смутно мелькнувшая мысль внезапно пробудила охотничий пыл.

Нансен схватил ружье и метко — одним выстрелом уложил обеих птиц.

Грохот выстрела донесся до берега. Иохансен вздрогнул от неожиданности. В голову не могло прийти, что в такой тяжелый момент можно заняться охотой. "Несчастье случилось! — подумал он. — Почему Фритьоф заворачивает в сторону, наклоняется к воде, вылавливает что-то… Неужели помешался от всего пережитого?.."

Вспоминая потом, как все произошло, оба друга смеялись. Охотничий пыл в таких обстоятельствах, конечно, может показаться смешным. Но если разобраться глубже, ничего иного и нельзя было ожидать от такого человека, как Нансен. Всегда, в любых условиях сохранял он ясность сознания и волю к победе.

Уже через минуту Иохансен стаскивал с него мокрую одежду, помогал напяливать вещи, оставшиеся на берегу сухими, и уложил в спальный мешок, разостланный прямо на льду. Поверх мешка он заботливо набросил парус и все, что только смог найти, чтобы получше укрыть товарища от пронизывающего, холодного ветра.

Долго лежал Нансен, содрогаясь от озноба, пока мало-помалу по телу не стало разливаться тепло.

Потом как-то сразу охватил его крепкий сон.

Как богата неожиданностями жизнь путешественника! Через несколько дней Нансен начал запись в дневнике такими строками:

"Не сплю ли я? Не сон ли это?
Удивляться мне или сомневаться?
Действительность это?
Или просто видение?"

Недавно еще он плыл в ледяной воде, чтобы спасти себя и Иохансена от верной гибели. Отбивался от нападений медведей и моржей, жил, как дикарь, и был уверен, что предстоит еще долгий путь по льду и морю, путь, полный всяких опасностей, превратностей, испытаний.

Но минуло совсем немного времени, и вот он живет жизнью цивилизованного европейца, окруженный комфортом и благами культуры, в избытке у него горячая вода, мыло, чистая одежда, книги, книги, книги и все, что раньше виделось только во сие.

Как же все это случилось?

Неделю назад во время утомительного лыжного перехода Нансен взобрался на вершину тороса. Издали тянул слабый ветерок, доносился смешанный гул множества птичьих голосов. Взгляд скользил по пустынному берегу, задерживаясь то на голых темных утесах, то блуждая по холодным ледяным равнинам.

Вокруг никого, ничего… Сплошной белый снежный саван.

И внезапно слух уловил звук, до того похожий на лай собаки, что Нансен вздрогнул. Звук повторился. Неужели действительно собака? Нет, наверно, померещилось. Лай больше не слышался, доносился лишь пронзительный птичий гомон — кричали кайры. Ошибся…

Снова взор скользил по бескрайным снежным просторам. Лай! Снова послышался лай, сначала отрывистый, потом заливчатый, громкий. Собаки лаяли в два голоса: один густой, другой более звонкий. Сомнений больше быть не могло. Вспомнилось и то, что недавно довелось слышать звук, похожий на выстрел, тогда подумалось, что трещит лед.

— Иохансен! Сюда! Лай… Собаки!.. Собаки лают!..

Нансен закричал так громко, что Иохансен кубарем выкатился из палатки.

— Собаки? Какие собаки?.. Не понимаю! Нет, я должен удостовериться своими ушами…

Иохансен мигом взобрался на торос, стал напряженно вслушиваться. Прошла минута, другая. И он заявил:

— Да… Мне показалось, что залаяла собака… А впрочем… Нет! Это шум от птичьих голосов. Наверно, крик кайры ты принял за лай.

Впервые друзья разошлись во мнениях. Но Нансена переубедить уже было нельзя. Он настаивал:

— Можешь думать как угодно, а я пойду навстречу людям!

— Каким людям? — усмехнулся Иохансен.

— Которым принадлежат собаки… Вот проглочу завтрак и отправлюсь!

Нансен настолько был убежден в своей правоте, что всыпал в котелок последние остатки неприкосновенного запаса — затхлую маисовую муку, смешанную с моржовым жиром. А за завтраком совсем размечтался.

— Кто бы мог тут находиться: норвежцы или англичане? Быть может, это английская экспедиция Джексона? Когда мы уезжали,

они собирались на Землю Франца Иосифа…

Друзья порешили, что один из них немедленно выйдет вперед на разведку, а другой останется стеречь каяки.

Нансен взял лыжи, бинокль, ружье. Перед уходом еще раз взобрался на торос наметить дорогу, а главное, прислушаться: не раздастся ли собачий лай, выстрел или даже человеческий голос?

Ничего не слышалось, кроме гоготания кайр и люриков да резких криков маевок. В самом деле, не крик ли, донесшийся с птичьего базара, он принял за лай собаки?

Шел он раздумчиво, медленно. И внезапно остановился: на снегу явственно отпечатывались свежие следы. Чьи? Песец не мог оставить таких крупных отпечатков. Собачьи? Но разве собака могла, находясь близко от чужих людей, не залаять? И неужели ее лай не был бы тогда ясно слышен?

Чьи же тогда это следы? Может быть, волчьи?..

И вдруг снова забрезжил свет надежды: раздался лай! Он был более громким и ясным, чем раньше. И стали все чаще и чаще встречаться следы.

О, если бы лыжи не застревали в каверзных трещинах, застругах, буграх! Шаги Нансена все же превратились в бег. Он бежал, не обращая внимания на то, что под ногами, впиваясь взглядом в сверкающую снежную даль, напрягая весь слух. Однако опять ничего не было слышно, и даже собачьи следы почему-то исчезли.

Снова возникли думы: не является ли все это плодом разгоряченного воображения?

И вдруг человеческий голос…

Чужой человеческий голос!

Впервые за три года!

Голос человека, раздавшийся в полярной пустыне, звучал как призыв к жизни, как весть о далекой родине.

— О-го-го! — закричал Нансен во всю мочь, во всю силу своих легких. И быстро, как только позволяли лыжи, помчался вперед.

Вскоре снова донесся голос, и с высоты ледяного хребта удалось разглядеть что-то темное, движущееся между торосами. Собака… За ней какая-то фигура. Человек!

Кто он?

Двое людей поспешно приближались друг к другу. Нансен приветственно замахал шапкой. Незнакомец ответил тем же. Собака его заворчала, он окликнул ее по-английски. Значит, англичанин. Кто же он? Может быть, известный полярный исследователь Джексон?

Сердечно протянули они друг другу руки. Поздоровались по-

английски:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

С одной стороны стоял цивилизованный европеец, в клетчатом английском костюме, гладко выбритый и подстриженный, благоухающий душистым мылом. С другой — одетый в грязные лохмотья, перемазанный сажей и ворванью дикарь с длинными всклокоченными волосами, щетинистой бородой, с лицом, настолько почерневшим, что естественный светлый цвет его. нигде не проступал из-под толстого слоя ворвани и сажи.

Каждый из них недоумевал: кто, собственно, стоит перед ним и откуда он пришел?

— Я чертовски рад вас видеть! — воскликнул англичанин.

— Благодарю! Я тоже. Вы здесь с кораблем?

— Нет, мой корабль не здесь. Сколько вас?

— Со мной один товарищ. Он там, у кромки льда. Они шли, продолжая оживленно разговаривать.

Услышав какое-то случайно произнесенное норвежское слово, незнакомец спросил:

— Не Нансен ли вы?

— Я самый!

Англичанин схватил руку Нансена и долго дружелюбно тряс ее.

— Клянусь Юпитером, я рад, необычайно рад вас видеть!

Нансен объяснил, что после двухгодичного дрейфа «Фрама» во льдах он вместе с Иохансеном покинул корабль, чтобы на лыжах достичь полюса. Немного не добравшись до цели, они повернули назад, зазимовали и вот теперь бредут к Шпицбергену…

Незнакомец опять потряс руку Нансена:

— Поздравляю от всего сердца! Вы совершили прекрасное путешествие. Я счастлив, что первым могу поздравить вас с возвращением.

Это действительно был Джексон — известный полярный исследователь. Нансен забросал его бесконечными вопросами о родине, о близких людях, о политических делах. Однако «новости» Джексона были весьма не «новые»: два года прошло, как он отправился в экспедицию. Тогда в семье Нансена все были живы и здоровы; в Норвегии, как и во всем мире, не происходило никаких крупных событий.

К этому времени подошло несколько участников экспедиции Джексона. Все они так же горячо и сердечно приветствовали Нансена. Один из них, ботаник Фишер, заметил шутливо:

— Еще издали завидев человека на льду, я подумал, что это, должно быть, Нансен. Но сразу отверг эту мысль: уж слишком вы на себя не похожи!

— Наверно, я стал походить на белого медведя?

— Нет, скорее наоборот! Я слышал, что вы блондин, а сейчас у вас волосы и борода черные, как вороново крыло…

— Отмоюсь и снова стану блондином! — рассмеялся Нансен.

Несколько человек поспешили за Иохансеном, а Джексон повел Нансена к своему дому, вернее — бревенчатой избе, которая после хижины-логова показалась гостю сущим дворцом. Стены избы были обиты сукном, на них висели фотографии, гравюры, картины. Кругом стояли полки с книгами. В печке уютно мерцали горящие угли.

Странное и блаженное чувство охватило Нансена, когда он очутился среди подобной обстановки. Изменчива судьба! В один миг она сняла все заботы, тяготившие три долгих года. Миновали постоянные, бесчисленные тревоги и опасности, подстерегавшие на каждом шагу. Улеглась, утихла тоска вечного одиночества среди полярной пустыни.

Все это исчезло, осталось далеко позади.

Труд закончен, долг исполнен! Теперь можно отдыхать, отдыхать, отдыхать… Только бы товарищи, оставшиеся на «Фраме», благополучно достигли родины. Что с ними?

Джексон вручил тщательно запаянную жестяную коробочку. В ней находились письма из Норвегии двухлетней давности. Руки Нансена дрожали, когда он вскрывал эту коробку: в ней вести из дому…

Вести были хорошими. Удивительное чувство покоя и мира наполнило его душу.

Радости следовали одна за другой.

— Не желаете ли принять горячую ванну и переодеться? — предложил Джексон.

— Мечтаю! Как о высшем блаженстве… — воскликнул Нансен.

Сбросив с себя грязные лохмотья, он смыл грязь и копоть, остриг длинные космы, сбрил отросшую, всклокоченную бороду и надел чистое, мягкое платье — он пережил минуту невыразимого счастья.

Вскоре прибыл Иохансен и немедленно подвергся такому же преображению. Друзья со смехом смотрели один на другого. До чего они изменили свой облик!

— Не узнаю тебя! — Нансен покатывался от хохота, глядя, как его спутник после мытья и переодевания расположился в удобном кресле и закурил душистую сигару. — Не узнаю! Где

грязный оборванец, сопровождавший меня? Куда делся измазанный копотью и жиром пещерный житель? Ты ли это, мой дорогой товарищ Фредерик Яльмар Иохансен?

— Я, я!.. Но должен признаться, я уже избалован комфортом.

— Когда же успел?

— С той самой минуты, когда меня встретили наши гостеприимные хозяева. На пути сюда они не дали мне даже прикоснуться к нартам. Весь наш груз поволокли сами. Я шагал рядом, как турист. И скажу тебе по секрету: из всех способов путешествовать по дрейфующим льдам такой способ, несомненно, самый удобный…

Иохансен разговорился и был весел, как никогда за все время длительной экспедиции. Еще бы! Как и Нансен, он испытывал волнующее чувство исполненного подвига.

Ничего, что немного не удалось дойти до самого Северного полюса. Путь туда отныне изведан! Другие отважные исследователи повторят этот путь и завершат то, что не довелось еще сделать в покорении всемогущей Арктики.

И нет ничего удивительного в том, что двое взрослых, мужественных людей в этот день смеялись как дети, совсем беспричинно. Теперь им оставалось только ждать судно, которое доставит их на родину. А они привыкли ждать, терпеть, бороться и побеждать.

ТРИУМФ

На нашем флаге он — герой неустрашимый!

Бьёрнстьерне Бьёрнсон

Ранним утром Нансен проснулся оттого, что кто-то дергал его за ноги. То был Джексон. Сияя от радости, он сообщил, что пришел пароход «Виндворд». Нансен тотчас вскочил с постели и выглянул в окно. Пароход уже был почти у самого берега. Странно было снова увидеть судно. Какими огромными казались его мачты! А корпус высился, словно остров. Замечательный посланец из далекого мира!

Джексон и его сотрудник финн Бломквист первыми добежали до берега. Через минуту запыхавшийся Бломквист уже спешил назад: Джексон поручил ему передать Нансену новости, полученные с Большой земли: "Дома в Люсакере все благополучно! Но о «Фраме» пока ничего не слышно…"

Заботливый англичанин первым делом разузнал об этом на "Виндворде".

Когда Нансен подошел к берегу, его встретило ликующее «ура» всего экипажа, собравшегося на. палубе. Капитан Браун пригласил норвежского путешественника в кают-компанию, показавшуюся ему необычайно уютной. Все тут было просто удивительным! За завтраком, например, подали свежий картофель и другие такие же деликатесы.

А новости из культурного мира казались почти невероятными. Оказывается, некий Рентген изобрел аппарат, которым можно фотографировать людей сквозь дверь в несколько дюймов толщиной. Этим аппаратом, рассказывал капитан Браун, можно сфотографировать и засевшую в теле пулю. Затем Нансен узнал, что японцы жестоко воевали с китайцами. Затем… Много еще было потрясающих новостей и среди них то, что весь мир ныне заинтересовался Арктикой. Шпицберген сделался излюбленным местом туристов. Норвежское пароходное общество установило даже с островом регулярное сообщение. Там выстроена гостиница, существует почтовая контора и выпущены свои почтовые марки.

Удивительным было и то, что на Шпицбергене находится швед Андрэ, который лишь ждет попутного ветра, чтобы на воздушном шаре вылететь оттуда к Северному полюсу…

Совершенно очевидно, что всему этому способствовала

экспедиция «Фрама»: она возбудила великий интерес к полярным странам. Факт сам по себе немаловажный! Что же будет, когда «Фрам» вернется назад благополучно?

Нескончаемым показалось Нансену время, что «Виндворд» стоял у берега мыса Флора. Только через десять дней разгрузочные и погрузочные операции были закончены и пароход покинул Землю Франца Иосифа. На борту его находились норвежские путешественники. Сердца их переполняла радость: капитан «Виндворда» взял курс прямо на Варде.

Двенадцатого августа впереди на горизонте показалось что-то темное. Низкая, ровная полоса… Нансен не отрывал глаз от нее. Норвегия!

Наутро пароход вошел в порт Варде. Тут на борт поднялись местные лоцманы — отец с сыном. Когда Нансен обратился к ним по-норвежски, они не придали тому значения. Но едва капитан назвал имя Нансена, лицо старого лоцмана озарилось восторгом. Он схватил за руку соотечественника и горячо поздравил с возвращением на родину.

Еще раньше, чем была дана команда бросить якорь, Нансен и Иохансен поплыли в лодке к берегу, где находилась телеграфная контора.

На пристани никто не узнал их; единственным существом, обратившим внимание на путешественников, была корова, которая, как показалось Нансену, с удивлением посмотрела вслед. Вид этой коровы так живо свидетельствовал о наступившем лете, что он с трудом удержал себя, чтобы от всего сердца не обнять ее. Теперь он вполне почувствовал, что находится действительно в Норвегии.

— Часть телеграмм мне хотелось бы отправить как можно быстрее! — обратился Нансен к телеграфисту.

Почтовый чиновник недовольно поглядел на толстую пачку и длинные тексты в две-три тысячи слов, однако, увидев подпись, воскликнул:

— Не часть, а все будет отослано немедленно!

В ту же минуту застучали аппараты, оповещая Норвегию и весь мир о том, что два человека из Полярной экспедиции благополучно вернулись на родину и что «Фрам» следует ожидать осенью.

Первые телеграммы были адресованы Еве Нансен, матери Иохансена и семьям фрамовцев. Норвежскому правительству Нансен писал:

"Премьер-министру Хагерупу. Имею удовольствие сообщить вам и норвежскому правительству, что

экспедиция выполнила свой план, проникла в неисследованное Полярное море к северу от Новосибирских островов и исследовала область, лежащую к северу от Земли Франца Иосифа до 86°14′ северной широты. Севернее 82° земли не обнаружено.

Лейтенант Иохансен и я покинули «Фрам» и остальных членов экспедиции 14 марта 1895 года под 84° северной широты и 102°27′ восточной долготы. Мы вышли на север, чтобы исследовать море, лежащее к северу от пути «Фрама», а затем направились к Земле Франца Иосифа, оттуда прибыли на "Виндворде".

Возвращение «Фрама» ожидаю в этом году.

Фритьоф Нансен".

Как разнятся эти скромные слова от помпезных рапортов иных людей, оповещающих всех о своих гораздо меньших заслугах! Сообщение Нансена коротко и деловито, в нем ни слова о пережитых и преодоленных трудностях, ни намека на масштабы свершенного подвига. Эгоистическое «я» не заменяет у Нансена честного "мы".

Начальник телеграфной конторы в Варде спешил выложить своему необычайному посетителю ворох всяческих новостей. Едва он обмолвился, что известный метеоролог профессор Г. Мон находится в местной гостинице, Нансен тотчас побежал туда. Еще бы! То был его ближайший друг, много помогавший в снаряжении экспедиции. Как не поспешить обнять такого человека!

В гостиницу Нансен не вошел — влетел! Узнав, в какой комнате живет профессор Мон, он забарабанил в дверь и, не дожидаясь ответа, распахнул ее. Профессор отдыхал на диване, покуривая трубку с длинным чубуком. В этот момент, как он потом рассказывал, мысли его были именно о Нансене — они виделись в последний раз в день проводов «Фрама» в Тромсе. Тогда Мон долго стоял на берегу и махал рукой, посылая прощальный привет людям, отправлявшимся в неизвестность.

Понятно его изумление, ошеломленность, когда на пороге показалась знакомая высокая фигура. Трубка упала на пол, лицо профессора исказилось: "Возможно ли? Фритьоф Нансен?" По-видимому, Мон испугался за себя, вообразив, что галлюцинирует.

Да, перед ним стоял Нансен. Все такой же, как был раньше? Нет! Еще более полный могучей жизненной силой. Непоколебимо мужественный. И с тем особым светом на лице, какой можно заметить только у людей, захваченных великой идеей.

Из глаз Мона брызнули слезы: "Слава богу, вы, значит, живы!"

Они бросились в объятия друг друга. Безудержная радость

обуяла их, и бесчисленные вопросы посыпались с обеих сторон.

Весть о прибытии героев путешественников тем временем облетела город. Улицы Варде заполнились ликующим народом, все мачты в гавани украсились норвежскими флагами.

С того дня повсюду в стране начались пышные празднества. Вся Норвегия отмечала подвиг своих национальных героев. В Хаммерфесте, куда вскоре прибыли Нансен и Иохансен, их встретили как триумфаторов. Город от самого берега до вершины горы был украшен флагами и цветами. Дома опустели — обитатели их вышли на улицы приветствовать почетных гостей.

Сюда в тот же день приехала она, которая дала имя «Фраму», — Ева Нансен. Хаммерфест устроил в честь супругов блистательное празднество. Со всех концов земли хлынул сюда поток телеграмм с поздравлениями, пожеланиями счастья и свидетельствами радости по поводу величайшего подвига, свершенного во имя науки. Загоралась заря мировой славы…

Одна только мысль омрачала Нансена: где же «Фрам»? Чем больше он думал об этом, тем более приходил к убеждению, что судно должно уже было бы выбраться из льдов, если только с ним не произошло какого-нибудь несчастья. А если оно произошло?! Как мучительно ожидание!

Двадцатого августа рано утром, едва Нансен проснулся, ему сообщили, что какой-то человек непременно хочет поговорить с ним. Нансен ответил, что еще не одет. "Выходите в чем есть!" — послышался голос из-за двери. Такая поспешность была удивительна, но, очевидно, того требовало неотложное дело.

Человек, так настойчиво требовавший встречи, отрекомендовался начальником местной телеграфной конторы; он сказал, что получена телеграмма, которая, вероятно, представляет большой интерес, поэтому он сам решил ее доставить.

— Представляет для меня интерес? — воскликнул Нансен. — Во всем мире меня сейчас интересует только одно.

Дрожащими руками он вскрыл телеграмму:

"Скьерве. 20. 8. 1896. 9 ч. утра.

Доктору Нансену.

"Фрам" прибыл сюда сегодня. Все в порядке. Все здоровы. Сейчас выходим в Тромсе. Приветствуем вас на родине.

Отто Свердруп".

Что-то сдавило Нансену горло, и он еле вымолвил: «Фрам» пришел!" Лицо стоявшего рядом Иохансена превратилось в сплошное сияние. А начальник телеграфной конторы стоял, наслаждаясь произведенным эффектом и тем, как Нансен снова прочел и не раз перечел телеграмму, чтобы убедиться, что это не сон.

Уже на следующий день Нансен был в Тромсе и сразу отправился к "Фраму".

Встреча тринадцати фрамовцев была столь восторженно-бурной, что вряд ли они понимали в тот миг что-нибудь, кроме одного: они снова все вместе. Вместе!

Дома, в Норвегии!

И выполнили свою задачу!

"Фрам" — медлительный, тяжеловесный и оттого казавшийся еще более торжественным, отправился из Тромсе вдоль берегов страны к югу. Какое-то новое, особое чувство вызывал этот корабль, изведавший полярные бури и мучительный ледяной плен. С честью выдержал он все испытания и теперь свободно и гордо стоял в родном порту.

Навстречу фрамовцам раскрывалось сердце всего норвежского народа — биение его слышалось на судах, переполненных празднично одетыми гражданами, и на бедной рыбацкой лодке, одиноко качавшейся среди шхер. "Казалось, — говорил тогда Нансен, — сама родина-мать, прекрасная наша Норвегия, крепко заключает нас в свои горячие объятия, прижимает к себе, благодарит за то, что мы сделали".

Скромность героя граничила с самоотречением. Нансен сам себе задает вопрос: "А что, собственно, мы сделали особенного? Мы исполнили свой долг, сделали не более того, что взяли на себя, и скорее мы должны были благодарить родину за право совершить плавание под ее флагом".

Так шел «Фрам» вдоль берегов Норвегии, от города к городу, от одного торжества к другому. И, наконец, перед ним открылась столица. Здесь в Христианийском заливе кораблю-герою была устроена небывалая встреча. Старые заслуженные броненосцы "Северная звезда" и «Элида», и молодая красавица яхта «Валкирия», и проворные миноносцы эскортировали его с величайшим почетом среди разукрашенных флагами флотилий шлюпок, шхун, пароходов. Гремели салюты, бесконечно раздавались крики «ура», люди махали платками, шляпами, руками. Весь фиорд как будто слился в одно восторженное приветствие.

Вся гавань Пиппервик представляла сплошную массу судов, людей, флагов и развевающихся вымпелов. Древняя крепость

Акерсхус приветствовала прибытие фрамовцев тринадцатью пушечными выстрелами. И окрестные горы, словно соглашаясь с этим, поддакнули салюту своим громогласным эхом.

Целую неделю праздновала столица возвращение участников экспедиции «Фрама». Все эти дни не смолкали праздничные речи, не прекращались веселые факельные шествия на городских улицах и площадях. В залах университета, театра, королевского дворца устраивались торжественные собрания. Были учреждены фонд и премия имени Нансена за лучшие научные открытия и исследования. В кратчайший срок было собрано полмиллиона крон.

Сумма эта значительно превышала ту, что когда-то собрал Нансен для экспедиции к Северному полюсу. Образно говоря, это были проценты с «капитала» экспедиции — ее научных и моральных достижений.

Казалось, не было такой отрасли знаний, которой она не обогатила бы. Особенно ценны были успехи в области географии и океанографии. Вопреки ранее существовавшему мнению подтвердилось предположение Нансена о существовании обширного Полярного бассейна к северу от Новосибирских островов. Исследования экспедиции доказали также, что вблизи полюса не имеется суши, а только море, покрытое льдом.

Подтвердилась и гипотеза Нансена, что Земля Франца Иосифа не простирается особенно далеко к северу и что сама «земля» не что иное, как группа многочисленных островов. Земля Вильчека оказалась островком, а Земля Зичи цепью мелких островков, и скал. Кроме того, во время плавания «Фрама» вдоль берегов Сибири были открыты многие новые, дотоле неизвестные острова и удалось установить, что береговая линия изрезана гораздо сильнее, чем это отмечалось на картах.

Очень важным вкладом в науку явилось исследование морских течений и движения льдов в Полярном бассейне от Берингова пролива и побережья Сибири к морю между Шпицбергеном и Гренландией. Таким образом была убедительно опровергнута теория о существовании там неподвижного ледяного панциря. Вместе с тем Нансен выдвинул свою теорию образования полярных льдов и причин их дрейфа.

Наблюдения фрамовцев дали полезнейшие сведения для климатологии, ведь именно на севере находится "кухня погоды". Не менее интересные факты получили биологи: даже на самых северных широтах фрамовцы обнаружили многих представителей животного и растительного мира.

Без преувеличения можно сказать, что все отрасли науки, связанные с изучением Арктики, никогда до той поры не

получали столь обильного и разнообразного материала, какой дала экспедиция "Фрама".

Научный подвиг Нансена и его доблестных спутников всколыхнул весь мир. Перед человечеством, уставшим от колониальных войн, открылись новые горизонты. Фрамовцы своим примером доказали, что прогресс завоевывается не силой оружия, а духовной мощью людей.

Фритьоф Нансен стал признанным национальным героем.

На народном в честь его праздновании выступил норвежский поэт Бьёрнстьерне Бьёрнсон. Толпы людей внимали словам своего властителя дум. Он говорил:

> "…Великое дело Фритьофа Нансена выросло из всех нас, из нашего народа. Он пронес наш флаг в мир, и мы всем сердцем были вместе с ним тогда.
>
> Залогом подвига Нансена считают его чувство долга. И это верно! Но ни один отдельный человек, даже целое поколение не в состоянии создать что-либо из ничего. Трудолюбие, честность и мужество, таящиеся в народе, в какой-то момент истории выражаются в великом человеческом деянии. Так случилось и ныне.
>
> Мы не преклоняемся перед идолом, имя которому — Успех. И наш народ отнюдь не опьянен радостью только потому, что Нансен указал нам путь в неведомую полярную страну. Нет, он указал нам путь к самим себе!
>
> Юноши и девушки! Разве подвиг Нансена не научил вас уважать физическую культуру? Разве не влил он в вас мужество и уверенность в своих силах! Вы избрали его своим идеалом. Верно! Образ Нансена воплощает подлинное геройство и человечность. И хорошо, что в глубине души каждого из вас зреет нетерпеливое желание доказать собственную полезность. Ваш идеал обязывает к этому. Разорвите оковы страха и чувство собственной неполноценности, которые еще сковывают ваши лучшие способности. Дерзайте!.. Отдайте жизни жар вашей души, и тогда богатства нашего народа возрастут. Верьте в себя, учит пример Нансена, выходите из узких рамок повседневности!
>
> Ставьте перед собой высокие цели и направьте вое свои силы для достижения их!"

Пламенный, страстный призыв поэта отражает огромное моральное влияние подвига Нансена, не только обогатившего науку, но и до глубины всколыхнувшего общественную мысль и

лучшие человеческие чувства.

Огромное общечеловеческое значение Полярной экспедиции отметил тогда же в своей речи видный норвежский ученый и общественный деятель профессор Бреггер: "В эти дни воздух напоен именами Нансена, его товарищей и «Фрама». Норвежский народ радуется и гордится этими людьми и их подвигом, разнесшим по свету имя Норвегии, заставившим это имя звучать громко, как никогда прежде. Мы гордимся достигнутыми научными результатами, мы счастливы совершенным норвежцами подвигом, мы чествуем пробуждающую наше национальное чувство силу, и мы видим, как укрепляется этим наше государственное положение и значение.

Но я хочу также обратить внимание и вот на что: на ту удивительную, имеющую значение не только для народа, но и для всего человечества, возвышающую душу силу, которую может заключать в себе деяние одного человека".

Оратор подчеркнул эту мысль и своеобразно ее аргументировал. "Все люди, — сказал он, — в своих проявлениях замыкаются пределами своей профессии, дома, родины. Однако существует и такое широкое понятие, как все человечество. С особенной силой мы ощущаем это понятие, когда свершается подвиг ради общего блага. Могучая сила заключена в таких героических деяниях, они пробуждают все самое лучшее в душе людей и учат их видеть великие цели, стоящие перед всем человечеством".

"Вот что, по-моему, — заключил свою мысль профессор Бреггер, — является чуть ли не величайшим результатом дела, свершенного Нансеном и его спутниками".

Нансен — герой дня! Газеты всего мира огромными буквами выкрикивают его имя. Академии, научные общества избирают его почетным членом. Правительства осыпают орденами и высокими званиями. Президенты, короли, финансовые магнаты соревнуются в проявлениях своего восхищения. По меткому выражению современника, "Париж лежит у его ног, Берлин стоит во фронт, Петербург празднует, Лондон аплодирует, Нью-Йорк бурлит".

Но в самых различных странах люди сходились в одном: Нансен раздвинул границы мира, сделал ведомым и подвластным человечеству великое неизвестное. Географы, геологи, океанографы, физики, метеорологи и ученые иных отраслей науки признали труд Нансена началом новой эры в изучении Полярного бассейна. И даже Кнуд Рассмусен — прославленный полярный исследователь — преклоняется перед ним, как ученик перед мастером.

Пожалуй, никого из деятелей науки человечество еще так не

возвеличивало, как Фритьофа Нансена.

Великолепна и опасна такая слава: не раз случалось, что герой ослеплялся ее блистательными лучами или становился ее покорным рабом.

Никак нельзя упрекнуть в том Нансена — он мужественно выдержал искушения триумфа, как ранее выдерживал натиски суровой стихии. В один из дней, когда еще гремели пушечные салюты и торжествующе звучали фанфары, он записал в дневнике: "Полярные льды и долгие лунные ночи там, на севере, со всеми их лишениями и тоской кажутся теперь давним сном из иного мира, сном, пригрезившимся когда-то и давно растаявшим…

Но чем бы была наша жизнь, лишенная грез?"

Нансен подчеркнул эти слова. Ими же он заключил свою книгу об экспедиции «Фрама». Нельзя не согласиться с их глубоким смыслом. И написаны они человеком, который свои грезы претворял в действительность, мужественно достигая великой цели.

В одном отношении Нансен все же оказался если не пленником, то данником собственного триумфа — люди прославили его и хотели видеть и слышать того, кого они славили. По чувству долга триумфатор покорился этому тяжкому для него требованию.

Начались скитания из страны в страну, из столицы в столицу, сначала в Европе, потом в Америке.

Повсюду выступает он в переполненных залах. Тысячи и тысячи людей в восторге упиваются его рассказом об Арктике. И вновь имя первооткрывателя этого таинственного края звучит торжественно и громко. Нансена превозносят как «гения», как "гиганта воли", а кое-кто даже называет его "сверхчеловеком".

С трудом несет Нансен бремя собственной славы. Смертельно устает он от людской суеты и так падает духом, как никогда не случалось с ним в самые мучительные мгновения похода на север. Даже не верится, что тот, кого называли «сверхчеловеком», мог записать такие слова: "Никогда я не чувствовал себя таким бедным, ничтожным, как теперь, в качестве героя, которому воскуривают фимиам. Я так устал от всей суматохи, суеты. Куда же это приведет?" И далее: "Моя душа словно разграблена, обшарпана незваными людьми. Я хотел бы убежать и спрятаться, чтобы вновь найти самого себя".

Постепенно Нансен преодолевает тяжелый душевный кризис. Он находит себя в труде — в создании обширного, двухтомного описания экспедиции «Фрама» и санного похода к Северному полюсу. Новые родники пробуждаются в его душе, пишет он с

увлечением, горячо. Разительно меняется тон дневника: "Какое же это наслаждение трудиться! Так, как теперь, кажется, мне еще никогда не давалась работа. Все время возникают новые мысли. Предметы, над которыми я долго и тщетно размышлял, разъясняются. Будто раньше я шел в тумане, не мог найти верного пути, и вдруг серая пелена исчезает, все более и более проясняется даль, и так быстро, что я еле в состоянии ее уловить. Передо мной открываются ясные, сияющие перспективы, и каждый шаг приближает к цели".

Нансен страстно отдавался своей работе; из-под пера его рождались страницы книги живой, своеобразной, вовсе не похожей на обычные научные отчеты.

Арктика — ледяная пустыня, бывшая всегда воплощением ужасов и страданий для каждого, кто осмеливался пытаться ее узнать, возникает в этой Книге в невиданной красоте. А из описания упорной борьбы с могучими силами севера, из взволнованных, ярких рассказов о наблюденных явлениях природы, из гордой уверенности в конечной победе и вместе с тем в честном признании своей слабости, страхов, тоски, одиночества восстает образ Нансена — человека непреклонной воли и решительных действий, пытливого ученого, восприимчивого художника, мечтателя и поэта жизни — словом, образ цельного человека со всеми его противоречиями.

Свой труд автор посвятил стойкому другу — жене. "Ей, которая дала имя кораблю и имела мужество ждать", — написал он на титульном листе рукописи.

Книга «Фрам» в Полярном море" вышла в Норвегии и вслед за тем была переведена на многие иностранные языки. Стоит ли говорить о том, с каким огромным интересом встретили ее читатели того времени. И по прошествии многих десятилетий она осталась классическим образцом географической литературы.

ПРОСТО МОРЕ И ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ

Сначала неприветлива,
молчалива, непонятна Природа,
Но иди, не унывая, вперед, дивные
скрыты там тайны.

У. Уитмен

Море — лоно всего живого на земле. Люди живут его милостями. Это огромное хранилище и одновременно регулятор тепла: оно — причина ветров, оно влияет на погоду и даже дерзает определять климат. Земля получает от него влагу, без которой не может произрастать ничто живое.

Если мы, люди, хотим заставить силы природы служить нам, то должны досконально их изучить. Потому разве не стоит посвятить свою жизнь изучению моря?

Тайны моря манили Нансена в плавании на «Викинге», и у берегов Гренландии, и во время дрейфа "Фрама".

Океанография привлекла его окончательно после работы над книгой о плавании «Фрама». И то было совсем не случайно. Книга суммировала и подытоживала океанографические наблюдения, сделанные в экспедиции. В то же время перед автором возникли еще не разрешенные проблемы, которые не могли не заинтересовать его как ученого. Температура морских вод… Соленость их… Течения… Дрейф льдов…

Молодая наука океанография требовала применения новых методов изучения, создания новой точной измерительной аппаратуры. Только в таком случае можно было надеяться раскрыть тайны морских глубин.

Нансен рьяно и со свойственной ему методичностью взялся за дело. Прежде всего он усовершенствовал приборы, необходимые для работы. Некоторые его оригинальные конструкции даже получили название «нансеновских». Очень важно было, например, иметь глубоководный термометр для измерения температуры воды с точностью до одной сотой градуса. И он создал такой термометр. «Нансеновский» черпак для получения проб воды из больших глубин и прибор для определения содержащейся в ней соли позволили сделать исследования большой важности.

Норвежское правительство построило специальный корабль для океанографических работ. В воздаяние научных заслуг отца Евы Нансен кораблю дали его имя — "Микаэль Саре". Подобно "Летучему голландцу", появлялся он в самых неожиданных,

отдаленных морских «закоулках» от Азорских островов до границ пакового льда севернее Шпицбергена.

В этой плавучей лаборатории Нансен вместе с другими учеными выполнил обширную научную программу. Еще на «Фраме» внимание его привлекло то, что дрейф льда не совпадал с направлением ветра, а отклонялся вправо, притом всегда под определенным углом. Явление это Нансен объяснил вращением Земли. Вращение Земли, говорил он, воздействует не только на верхние слои воды, а распространяется и в глубь моря. На большой глубине отклонение вправо еще сильнее, и потому течение может даже направляться в сторону, противоположную ветру.

Гипотеза Нансена была решительно отвергнута большинством авторитетных океанографов и физиков. Тогда он попросил шведского ученого Экмана проверить его выводы математическим методом. И что же: данные Нансена, полученные им с помощью его усовершенствованной аппаратуры, полностью совпали с математическими расчетами Экмана. Мало того, расчеты эти, названные "спиралями Экмана", стали настолько общепризнанными, что вошли во все учебники океанографии.

Кропотливое изучение привело Нансена к мысли о существовании в северных морях трех слоев воды. Верхний слой образуют речные воды Сибири, Северной Америки, Скандинавии и воды тающих глетчеров. Ввиду незначительного содержания соли в этом слое он весом легче, но зато скорее замерзает, образуя своим ледяным и снеговым покровом изолятор для более теплого среднего слоя воды из Атлантического океана.

Средний слой, направляясь к северу, постепенно охлаждается, оседает и образует водовороты, влияющие на течение. Этими водоворотами Нансен объяснил такое явление, как миграция рыб — фактор, важный для норвежских рыбаков.

Много споров вызвало смелое утверждение Нансена, что толщу северных морей колеблют глубинные волны. Однако и в этом случае нельзя было устоять перед убедительностью его доводов. Еще большие дебаты вызвала его гипотеза о направлении течений у южных берегов Европы. Вопреки существовавшему мнению, что течения там направляются к югу, Нансен высказал противоположную точку зрения. Гипотеза его поначалу вызвала резко отрицательное отношение большинства океанографов, но постепенно стала считаться весьма правдоподобной.

Изыскания Нансена поражали своим своеобразным, не рутинным подходом к объяснению явлений природы и в то же время отличались необычайной простотой и силой в части

научной аргументации.

Талантливость ученого не всегда совпадает с плодовитостью и эффективностью его трудов. В данном случае талант счастливо сочетался со щедростью его проявлений. Опубликованные специальные работы Нансена составили толстые томы. Кроме того, он много писал статей на различные научно-популярные темы.

Интересы его не ограничивались разработкой огромного количества собственных изысканий. Внимательно, чутко относился он к трудам других полярных исследователей. Отважные путешествия Руала Амундсена превратились в научное событие благодаря Нансену, оказавшему помощь Амундсену в разработке собранных материалов. Много помог он и профессору Ханзену в издании трудов по океанографии.

Океанография тогда была еще молодой наукой, во многом обязанной ценным трудам норвежских ученых. Однако было совершенно очевидно, что ее дальнейшее развитие невозможно без международного сотрудничества. И Нансен добился, что в Христиании был создан своего рода штаб, в котором ученые — представители разных наций — разрабатывали общие проблемы океанографии.

Удивительно активна деятельность Нансена в тот период. Профессор университета, он читает лекции студентам, усиленно трудится в своей лаборатории, часто выходит в плавания на яхте "Микаэль Саре", участвует в политической жизни страны. Даже досуги его полны движения.

В горах Телемаркена, вдали от людской суеты, у него построена хижина, полная тишины и покоя.

Как полнозвучно звучит в этой тишине голос собственной души! Прозрачное небо Телемаркена навевает мысли о лучшем, что есть на норвежской земле. Окутанные голубой дымкой, высятся вершины Скорее и Лифьед, внизу зеленый ковер ельника и сверкающие серебром озера. Эти лесные озера издали кажутся как-то по-особенному спокойными, умиротворенными. Такие же и леса: если к ним не подходить близко, может показаться, что в них никогда не орудовала опустошающая рука человека.

Норвегия… Любимая родина…

Не всем даже известно — представляет ли эта маленькая страна самостоятельное государство или является шведской провинцией? А в то же время весь культурный мир любуется сиянием ярких норвежских звезд: Генрик Ибсен, Бьёрнстьерне Бьёрнсон, Эдвард Григ, Кнут Гамсун. С ними в ряду многие другие замечательные норвежские поэты, музыканты, художники, ученые. Поразительно, что сравнительно немногочисленный

народ внес такой большой вклад в общечеловеческую сокровищницу культуры.

И тем более несправедливым и ложным кажется зависимое положение этой страны. Некогда могучее государство викингов еще в средние века попало под власть датского короля, объединившего под своей короной три северных государства: Данию, Швецию, Норвегию.

Политическим принуждением, с помощью церкви и школы, датчане прививали в Норвегии свои обычаи и порядки; родной язык был в загоне, и люди, говорившие на нем, боязливо скрывались в отдаленных фиордах и недоступных горных ущельях.

Несколько столетий страна находилась под иноземной властью. Так длилось, пока Наполеон не положил конец владычеству Дании над Норвегией. Однако после падения Наполеона Норвегия в качестве "младшего союзного брата" попала под эгиду Швеции, где в то время по капризу судьбы королем стал бывший бонапартовский маршал Бернадотт.

Это вызвало бурное народное возмущение. Но Бернадотт силой оружия и с помощью англичан, грозивших блокадой, подавил сопротивление.

Правда, король Бернадотт вынужден был пойти на некоторые уступки, присягнув на верность конституции «союзного» государства. Свободолюбивые норвежцы (заметную роль в этом деле сыграл дед Фритьофа Нансена — пламенный патриот Ганс Сейердаль Нансен) добились удовлетворения и другого своего требования: Швеция признала Норвегию равноправным партнером в сношениях с иностранными государствами.

Все же в принудительной унии под торжественными фразами о свободе и братстве таился зародыш раздоров. Норвежцы видели во всем свершившемся свое поражение, а шведы, наоборот, ощущали себя победителями. Богатая консервативная Швеция, где главенствовало чиновное дворянство, подавляла страну, стремившуюся к демократии, уничтожившую у себя сословные привилегии и аристократические титулы.

В середине XIX века между «союзными» народами вспыхнул открытый конфликт. Поводом послужило решение шведов передать руководство внешней политикой министру, не ответственному перед норвежским стортингом.

Вспыхнувшая между двумя союзниками политическая борьба приняла острый характер. И вновь Норвегия потерпела поражение — шведы сумели настоять на своем, сделав лишь небольшие конституционные уступки.

Несмотря на формальные соглашения, Норвегия бурлила. Год

от году положение внутри страны накалялось. Патриотически настроенные общественные круги требовали решительных действий и прежде всего расторжения унизительной унии. Один из радикальных вождей норвежских общественных кругов Бьёрнстьерне Бьёрнсон. имевший огромное влияние на весь народ, взывал: "Пора расторгнуть договор, зачумляющий нас!"

Поэт Бьёрнстьерне Бьёрнсон был близок Нансену. Помимо горячих дружеских чувств, их объединяла общность политических воззрений. Нансен тоже страстно ратовал за разрыв унии с Швецией и полный отказ от ее угнетающей опеки.

Действительно, положение Норвегии становилось невыносимым. Швеция, стремясь занять привилегированное положение, установила выгодные для себя торговые пошлины и тем самым подрывала экономику «братской» страны. А именно к этому времени торговый флот Норвегии стал одним из крупнейших в мире, он втрое превосходил флот шведов.

Отношения между соседствующими «братьями» ухудшались все более, приводили к частым правительственным кризисам и сменам министерских кабинетов. Попытки уладить спорные вопросы путем переговоров не только не ослабляли напряжения, а только усиливали взаимные упреки и обвинения. Шведы упорствовали в политических и экономических притязаниях, а норвежцы не поддавались им и еще активнее отстаивали свои права.

Нансен не остается в стороне от борьбы за национальную независимость. Человек решительных действий, он не ограничивается сочувствием патриотам, требовавшим изменения конституции и разрыва унии. Выступления в печати прославленного путешественника вызвали горячие отклики и за пределами его родины.

Уже названия его статей свидетельствуют об их целенаправленности: «Мужество», «Путь», «Мужчины»… "Речь идет сейчас ни больше, ни меньше, как о самостоятельности и чести Норвегии", — пишет Нансен в одной из статей. Эта позиция его тверда и неизменна, он проводит ее во всех своих выступлениях. "Король, — пишет он в другом месте, — обязан прежде всего охранять самостоятельность и честь нации. На то он и король. Воля норвежского короля не может быть иной, чем воля народа".

Норвежцы внимают пламенным словам своего героя. Однако народные лидеры колеблются, действуют нерешительно. И тогда Нансен призывает их: "К смелости! Нас пытаются запугать тем, что дело станет серьезным, если мы пойдем по прямому пути, единственному, который мы считаем ясным и приемлемым… Нас

пугают тем, что мы склоняемся к незаконному положению, что на долгое время будем изолированы в Европе, что будем под угрозой нападения Швеции. Извечный страх! И никто не говорит о смелости. А разве весь народ не может быть смелым? Когда-то, во всяком случае, Норвегия обладала смелостью…"

Горячий призыв горячего сердца! Впрочем, иных слов и не следовало ожидать от человека, которому претит всякое выражение трусости, неуверенности, безволия. Путь его без компромиссов, прямой — к свободе!

Неудивительно, что норвежцы просят своего национального героя принять на себя политическое руководство. Один из радикальных деятелей при всеобщем одобрении обращается к Нансену: "Вы писали: "Нам нужны мужественные люди!" Вы имеете на то право, ибо вы Мужчина. И вы имеете право крикнуть: "Смелость!", ибо вы сами доказали собственную смелость. Вы говорите нам, что не можете быть государственным министром, так как отказались от религии. Но напомню вам известные слова Генриха IV: "Париж стоит мессы!" Возьмите руль в свои руки, Фритьоф Нансен! В этот момент вы — знамя Норвегии!"

То был не случайный, единичный голос. Выдающийся норвежский писатель Гуннар Гайберг от имени многих сограждан также просит Нансена взять руль в свои руки. Он говорит: "В эти дни Нансен доказал, что и в политике он может влить в нас свою смелость, свою энергию и огромное чувство собственной ответственности. И это не бюрократическая ответственность с оглядкой и нерешительностью, а настоящее сознание долга духовного вождя, планирующего великие планы и осуществляющего их со всей силой своей воли и с готовностью заплатить жизнью за свою веру.

Вспомним, что говорит Ибсен: "Самый сильный человек тот, кто стоит один". Фритьоф Нансен стоял один под полярным небом.

За эти дни мы все почувствовали: человек с Ледовитого моря — горячий человек!"

Несмотря на все уговоры, Нансен решительно отказывается возглавить национальное движение, так как не чувствует в себе призвания политического деятеля. Он хочет служить родине иным образом.

Как представляет Нансен свою миссию? Ответ дает его дневник — этот субъективный, но честный свидетель важнейших душевных событий. Целый рой мыслей, требующих своего воплощения, тревожит Нансена. Цель их, по существу, одна — созидание, творчество, труд. Во имя чего? Чтобы на его примере

грядущие поколения ощутили жизнь во всей силе и полноте, прониклись очищающей красотой природы.

Горы Телемаркена… Там обитатель одинокой хижины размышляет о своем человеческом долге. Мысли об этом сопутствуют ему постоянно, повсюду. И летним днем у горного ручья, когда лучи солнца, преломляясь в зыбких струях, делают видными камешки на дне. И в зимние звездные вечера, когда прямые высокие ели так покровительственно простирают свои ветви над заснеженными кустами.

Неизменны эти мысли, как и несмолкаем голос совести и неутомимы поиски истины. С высоты гор Телемаркена человек, которому люди обязаны покорением Арктики, прозорливо вглядывается в бесконечность вселенной, и губы его шепчут, высказывая вслух заветную мысль: "Новый мир должен быть построен, и я хочу его строить…"

Глухой осенью 1905 года внезапно нарушилось уединение обитателя хижины в Телемаркене. Сюда из далекой долины сквозь кромешную темь ночи прибежал парень, доставивший срочную депешу — норвежское правительство просит Фритьофа Нансена безотлагательно прибыть в столицу по делу государственной важности.

Земля звала спуститься с облаков…

Не дожидаясь рассвета, по скалистым горным тропам Нансен добирается до озера Сёркьё, прыгает в лодку, гребет до противоположного берега, там вскакивает на велосипед, мчится на нем весь остаток ночи, чтобы поспеть на утренний поезд, который на следующий день доставляет его в Христианию.

Столица, как море в бурю, волнуется, клокочет, выходит из берегов повседневности. Государство на грани войны: Швеция предъявила ультиматум, в котором требует от мятежного «брата» полной покорности.

Совет министров настоятельно просит Нансена немедленно выехать в Лондон. Почему? Зачем? Авторитет героя Арктики там необычайно высок. Потому он, наверно, сможет уговорить англичан, заинтересованных в дружбе с молодой Норвегией, одернуть ее "старшего брата", зарвавшегося в своих угрозах. Шведы, конечно, испугаются вмешательства великой державы, столь искушенной в политических интригах.

Уже через день Нансен в Копенгагене, где ведет переговоры с датским министром иностранных дел, британским и германским посланниками. И в тот же вечер он в Лондоне, успев на пути туда написать воззвание к своим соотечественникам.

Положение накаляется с каждым часом. Норвежские

патриоты срывают шведские флаги, топчут их и швыряют в море. Призывы к свободе разносятся по всей стране, от заброшенных рыбачьих поселков до столицы, где беспрерывно заседает стортинг, дерзнувший объявить расторжение унии.

Разгневанные шведы называют свершающееся опасным революционным пожаром, который надо затушить любыми средствами.

О войне шушукаются, говорят, кричат громко. В обеих странах проводятся мобилизации армий.

И в этот грозный момент раздается голос человека, в честности и прямоте которого не смели усомниться даже враги.

"Чего мы хотим? — обращается Нансен в своем воззвании к соотечественникам. — Мы не хотим войны и распрей на Скандинавском полуострове. Это было бы политическим преступлением, которое раз и навсегда разрушило бы возможность взаимного понимания и дружбы. Это нужно ясно себе представить по обе стороны границы… Наша вера в себя не должна кружить голову. Если возросла наша сила, то еще легче пойти на уступки… Как мы не хотим, чтобы нас унижали, так и мы не должны унижать других. Такое поведение является признаком низшей культуры и скверной политики…"

Словом и делом борется Нансен за предотвращение войны. В Лондоне он спешит посетить всех влиятельных лиц, могущих способствовать его миссии: министров, членов парламента, представителей прессы. "Время не терпит! — доказывает он. — Вот-вот возникнет война! Но ее не поздно остановить, если вмешаются люди доброй воли… Помогите! Помогите! Помогите предотвратить войну между братскими народами!"

Нансен не уговаривает, нет! — он бьет в набат.

Увещевания человека, которого почитал весь мир, падали на благоприятную почву не только потому, что англичане тоже чтили его имя. Война повредила бы растущим экономическим связям Англии с Норвегией и, наоборот, усилила бы Швецию, которую поддерживала Германия.

Вот почему Уайтхолл особенно чутко прислушивается к призывам норвежского поборника мира и в конце концов произносит свое веское слово: британские послы в Берлине, Стокгольме, Христиании делают соответствующие демарши, и пламя возникающей войны гаснет.

Случилось бы так, не будь вмешательства Нансена, — трудно сказать. Во всяком случае, норвежские и шведские газеты счастливо сообщали: "Мир! Мир!.."

"Мир!" — радовались оба народа, еще недавно чуть было не занявшиеся беспощадным истреблением друг друга.

"Мир…" — светло улыбался тот, кто готов был отдать всего себя этому великому делу.

ИСТИНА ЗОВЕТ К СЕБЕ…

Возможно ли, чтобы культура, создавшая мир такой возвышенной красоты, как музыка, — культура, которая возносится все выше и выше в своем сверкающем ликовании, — возможно ли, чтобы эта самая культура развивала такую грубую жажду власти, такую погоню за внешним блеском?

Ф. Нансен

Норвегия избирает короля.

Раздаются голоса, чтобы на престол взошел национальный герой, которому страна так многим обязана. Но человек этот решительно отказывается от предложенной чести.

Поступает он так не потому, что уже взошел на королевский престол в науке. И не только оттого, что его вовсе не занимают почести, воздаваемые венценосному главе государства. Нет, он ставит перед собой гораздо более высокие цели — служение норвежскому народу и всему человечеству богатством накопленных знаний и своей великой совестью. Да, именно совестью, ибо мир нуждается в честных людях так же, как нуждается в хлебе, воде, угле…

В результате сложных международных интриг, после хлопотливых переговоров королем Норвегии избирается зять английского короля — датский принц Карл, принявший имя Хокона VII.

Молодому самостоятельному государству нужны были мужи, могущие защищать его интересы за рубежом. Особенно это важно было в Англии — могущественной державе, непосредственно влиявшей на жизнь соседствующей с ней Норвегии. Кто, как не Нансен, более всех обладал нужными качествами, чтобы исполнять эту ответственную роль. Разумеется, правительство обратилось к нему с такой просьбой.

"Стать дипломатом? Нет, к тому у меня нет ни малейшей склонности, — отвечает Нансен. — Мои интересы в сфере науки, в познании тайн мироздания, а не в международной политике".

Однако опять перед ним встают такие великие понятия, как Родина, Долг. Неизменно верный этим понятиям, он не устоял перед их неотразимой силой и в конце концов согласился занять

пост норвежского посла в Лондоне.

Среди дипломатов, аккредитованных при дворе британской королевы, никогда не было такого человека. Не высокое аристократическое происхождение, не богатство, не родственные связи ввели Нансена в это блистательное замкнутое общество, где вершатся судьбы мира и войны, но горячая его преданность интересам родины и неукротимое стремление помочь ей.

Решительный поборник национальной свободы, он враг ее поработителей: его бескомпромиссные выступления беспощадно разят тех, кто, прикрываясь крикливыми фразами о любви к ближним, закабаляет слабейшие народы.

Его политика — ясность, его дипломатия — откровенность. При чопорном, церемонном дворе британской королевы норвежский посол кажется "белой вороной". Нансен обращается со всеми как равный с равным, словно встречается со своим закадычным другом художником Вереншельдом, или капитаном Отто Свердрупом, или лапландцем Балто, сопровождавшим его в лыжном походе через Гренландию. Даже на приемах в Букингемском дворце он ведет себя так естественно, будто находится среди собратьев-ученых, а не там, где присутствует цвет английского "высшего общества".

Письменный стол норвежского посла в Лондоне частенько принимает странный вид. Политические ноты, акты, донесения отодвигаются в сторону. Их место занимают географические карты, труды по океанографии, геологии, метеорологии, отчеты полярных экспедиций.

Занятия наукой — отдых для него, вынужденного политика. Как безмерно он устает от постоянного соприкосновения с фальшью и мишурой пестрой толпы дипломатов! То, что для профессиональных дипломатов, кочевавших из одной чужой страны в другую, являлось карьерой, то для него, горячо привязанного к родной земле, было изгнанием.

Норвежский посол в Лондоне вверяет свои чувства заветным страницам своего дневника: "Я мечтаю о том, чтобы разорвать эти оковы, я стосковался по лесу и моим вольным горам. Приручить меня невозможно".

Имелась еще одна серьезнейшая причина, из-за которой пребывание в Лондоне было особенно томительным. Уже давно, еще во время плавания на «Фраме», Нансен со своим другом капитаном Свердрупом обсуждал возможность экспедиции к Южному полюсу. На протяжении более десятка лет то, что казалось почти неосуществимой мечтой, все более претворялось в тщательно подготавливаемый план.

Завоевание Южного полюса должно было подытожить весь

опыт полярного исследователя, стать венцом всех его работ. Но жизнь заставляла откладывать сроки экспедиции к полюсу. Сначала надолго отвлекли проблемы океанографии, которые пришлось разрабатывать по просьбе норвежского правительства для помощи рыболовству. Затем экспедиция намечалась на 1905 год, однако именно в это время в стране вспыхнули политические события, затянувшие Нансена в свой водоворот.

В январе 1907 года, когда Нансен на короткое время приехал из Лондона домой, к нему пришел полярный путешественник Руал Амундсен и поделился своим отчаянно смелым планом достижения Северного полюса в палатке или хижине, построенной на льду, дрейфующем от Берингова пролива к полюсу. Нансен возразил, что подобным способом вряд ли удастся достигнуть результатов, которые оправдали бы огромный риск дрейфа. Чтобы получить реальную пользу для науки, надо отправляться на таком корабле, как "Фрам".

— Тогда уступите мне "Фрам"! — сказал Амундсен, всегда быстрый в своих решениях.

— Нет! «Фрам» мне понадобится для новой экспедиции, — снова возразил Нансен.

— Куда?

— К Южному полюсу.

— Замечательно! В таком случае могу ли я рассчитывать, что вы возьмете меня с собой в это путешествие?

— Да!

— Благодарю! А потом все-таки дадите мне «Фрам» для дрейфа на север?

— Не советую вам жертвовать столько лет своей молодой жизни на пребывание во льдах, — рассмеялся Нансен. — Впрочем…

Что-то не позволило ему вовсе лишить Руала Амундсена надежды осуществить свой план. Разве он не является подходящим человеком, чтобы продолжать дело, начатое им, Нансеном, в Арктике? И честно ли становиться на пути этого молодого отважного путешественника, чтобы самому добиться еще одного триумфа?

— Я дам вам окончательный ответ осенью… — сказал Нансен.

То было тяжелое решение. Экспедиция на Южный полюс должна была стать венцом его дел. Слишком долго вынашивал он эту мысль, слишком тщательно разрабатывал план во всех деталях, чтобы легко с ним расстаться. И он понимал: дать дорогу Амундсену означало навсегда отказаться от своей мечты.

До последнего момента не принимал Нансен окончательного

решения — до того сентябрьского дня, когда ему сообщили, что в зале его ожидает Амундсен. Из своего кабинета, находившегося на верхнем этаже, он пошел вниз встретить гостя. На лестнице ему встретилась жена, она явно была чем-то сильно взволнована, и голос ее дрожал, когда она вымолвила:

— Я знаю, что будет!.. Ты снова уезжаешь от меня…

Она едва могла совладать с собой, волнение душило ее. Он молча посмотрел на нее и быстро сбежал по ступенькам вниз, в зал, где ожидал Руал Амундсен.

Когда Нансен увидел его мужественное лицо, крупный орлиный нос, сверкающие волевые глаза, которые с трудом могли скрыть напряженное ожидание, то сразу понял, что не закроет Амундсену путь, по которому тот может пройти с честью и славой. А для него самого будет лишь одной победой меньше. Научных задач перед ним стоит гораздо больше, чем он сможет осилить. Да и Ева…

Эта женщина значила для него слишком много. И разве его слава не обязана годам ее жизни? Сколько выстрадала она за время ожидания "Фрама"!

— Я пришел, чтобы… — начал было Амундсен, но его перебил твердый голос:

— Вы получите "Фрам"!

…С того момента прошло всего три месяца. Нансен вернулся в Лондон, чтобы завершить здесь некоторые дела и передать свои обязанности новому послу Норвегии. За два года пребывания в Англии он поднял международный престиж молодого норвежского государства, используя для такой цели свой огромный личный авторитет. С чувством исполненного долга теперь он мог покинуть столь чуждый ему дипломатический пост, чтобы вновь целиком отдаться любимой науке, чтобы после долгой разлуки вернуться к семье.

Оставались считанные дни до отъезда в Норвегию. Однако внезапная телеграмма заставила покинуть Лондон немедленно: врач сообщал о тяжелой болезни Евы Нансен.

Нансен прибыл домой слишком поздно…

Душа его мерзнет. Солнце как будто перестало сиять для него. Он ищет забвения в научной работе. Профессура в университете — вот его скромный удел в те трудные дни.

Ко всем огорчениям прибавилось разочарование в том, чему ранее он отдавал весь жар души. Норвегия… Освобождение ее от шведского гнета когда-то казалось ему эрой, которая откроет совершенно новый путь стране, путь к свободе, братству, расцвету лучших сил народа. Однако националистический угар удушил то, что грезилось увидеть.

Лозунг "Норвегия — норвежцам!" разжег мелкие страсти, привел к вырождению истинно патриотических чувств. Вместо того чтобы поднять самосознание народа, националисты занялись преследованием всего, что, по их мнению, было вредным, то есть напоминало им о временах шведского и датского господства. В стране менялись названия селений и городов. Преследовались говорившие не на чистом норвежском диалекте. Подозревались в нелояльности государству те, кто не придерживался исконных обычаев и обрядов.

Нансен горячо противился грубым проявлениям национализма. Никакие внешние ухищрения, говорил он, не в состоянии сделать подлинно национальными мысли и чувства людей, так же как парадные яркие одеяния не могут придать величия ничтожеству. Страх быть недостаточно норвежцем по языку или по внешнему виду вызывается лишь бедностью содержания. Страх перед чужой культурой означает не что иное, как недостаточную уверенность в самом себе. Как отвратителен, гневался Нансен, псевдопатриотизм и порожденное им хвастовство!

Он не только осуждал, но и искал путей к тому, чтобы "очистить жизнь для труда". Для того необходимо, писал он, "уничтожить яд во взаимоотношениях между народами и собрать силы не для уничтожения или угнетения других, а для построения человеческого общества, в жизни которого не будет ужаса. Для такой цели следует взять государственный руль из рук дегенератов, преступников и сумасшедших, освободить отношения между народами от лукавства подлецов и морали гангстеров и построить эти отношения согласно этическим основам".

Требовательно, без снисхождения проверяет Нансен свои мысли. Отвечают ли они истине? Ведь символ его веры — непреклонная любовь к правде, правде во всем, будь то наука или людские взаимоотношения.

Вот почему он порвал с протестантизмом и вообще с религией. На вопрос, как то случилось, он отвечал: "К тому привела меня правда науки. Когда Коперник разрушил веру в то, что Земля — центр вселенной, и забросил ее, как пылинку, в бесконечность времени и пространства, это означало революцию в мышлении. Земля и все земное сжалось тогда до крохотной частицы, несущейся в космосе. Детское представление людей о чуде звездного мира померкло, но зато обрелась мужественная правда.

Современная наука все более разрывает религиозные связи. И напрасно жрецы религии тщатся возводить барьеры на пути

всесильного потока знаний".

Еще будучи послом в Лондоне, Нансен выступал перед большой аудиторией с лекцией на тему "Наука и мораль". На первый взгляд неожиданное, странное сочетание понятий. Но, по глубокому убеждению Нансена, современная наука требует особенно высокой морали. Почему? Потому, что наука владеет уже такими знаниями, которые становятся опасными для неподготовленного человека. Распад старых понятий до того, пока их место займут новые истины, представляет угрозу уже теперь и станет еще более опасен в будущем.

Не слишком ли пессимистичен такой взгляд? Нет! Правде следует смотреть прямо в глаза: развитие технических средств в руках нравственно недостаточно развитых и слабых существ может вызвать последствия катастрофические.

Должны ли мы из-за этого проклинать науку? Нисколько! Это было бы равносильно осуждению нашеге стремления к истине. И где сказано, что истина не может быть горькой? Надо, наконец, понять, что она существует не для услаждения и не для того, чтобы с ней кокетничать. Либо надо заниматься поиском в науке и принимать на себя последствия, либо следует отказаться от знаний. Уже давно сказано: "Видеть правду и не идти к ней — недостаток мужества". К тому можно добавить — бессмысленно бороться с нашей потребностью и стремлением к знанию.

Каковы пути к постигновению истинных знаний? На этот вопрос Нансен отвечал примерно так: современное так называемое высшее образование ограничивается тем, что молодому формирующемуся человеку вдалбливают застывшие истины и прививают технические навыки. Это таит опасность для всей культуры, ибо в результате она распадется на «знание» и «действие». Но ей не будет хватать связующей нравственной идеи. Следовательно, воспитание нравственно устойчивых членов общества является жизненно важнейшей проблемой современной культуры.

С тех пор как смерть унесла самого близкого, и любимого человека, Нансен все более замыкается в самом себе. Даже внешне он сильно изменился — черты лица его стали заметно мягче, хотя непреклонная воля по-прежнему оставляла следы своего резца.

Чуткость и доброта придают силы его мужественному сердцу. Однажды ему сообщили, что некий общественный деятель клевещет на него, обвиняя в своей же ошибке. На вопрос: "Неужели вы стерпите это?" — Нансен ответил без колебаний: "Да, конечно! Ведь я скорее выдержу, чем он…"

И когда переводчик его трудов на французский язык Шарль Рабо известил о смерти своей единственной дочери, то Нансен откликнулся чутким письмом, словно этот удар потряс его собственное отцовское сердце. "Я знаю сам, — писал он Шарлю Рабо, — что означает печаль, знаю, что значит, когда все вокруг нас гаснет, когда жизнь становится лишь мучением: то, что приносило нам солнечный свет, ушло навеки, и мы беспомощно смотрим в ночь. Потому я могу, вероятно, лучше, чем некоторые другие, понять Вашу потерю. Хоть в этом мало утешения, но Вы должны знать, что здесь в одиночестве живет друг, который посвящает Вам любящие и сочувственные мысли и хотел бы быть Вашей опорой. К сожалению, мы так мало в состоянии сделать — печаль не могут унести другие: приходится днем и ночью бороться с ней самому".

Так писал человек, не ведавший, что вскоре его самого постигнет такое же горе: младший сын, двенадцатилетний Аасмунд, умрет от болезни мозга. То был любимый сын, и отец делал все возможное для спасения его жизни. Но тщетно… Дрожащей рукой Нансен записал в дневнике: "Сегодня Аасмунд умер так же тихо, как он жил… Утром ему было лучше, но затем стал дышать медленнее и медленнее, пока он не уплыл в великий покой… Такого трогательно ласкового и хорошего, каким был ты, я не знал никого. Твоей последней мыслью было, что ты сможешь подарить своим братьям и сестрам, когда поправишься. Ты был слишком хорошим, чтобы жить… Более чистая душа никогда не жила. И потому ты умер. Лучше бы это был я, а ты мог остаться жить, чтобы показать миру, что такое хороший человек".

Одиночество углублялось. Еще ранее — 7 июня 1910 года пришлось пережить удар, который тоже нанес сердцу кровоточащую рану. В тот день с башни своего дома Нансен видел, как из фиорда вышел «Фрам» с Руалом Амундсеном на командном мостике.

Забыл ли он тот миг? Вероятно, нет! Такие переживания не забываются, след их остается на всю жизнь. Во всяком случае, с тех пор море влекло его к себе еще с большей силой. Он построил небольшую яхту, на которой совершал далекие плавания и даже заходил далеко на север от Шпицбергена. А когда осенью в год смерти сына из России пришло пригла> шение совершить плавание вдоль берегов Сибири, то Нансен ответил согласием.

В СТРАНЕ БУДУЩЕГО

Как утешительно воочию убедиться, что на земле еще много места, где могут возникнуть миллионы счастливых семейных очагов.

Ф. Нансен

Неожиданным и даже несколько странным может показаться общество людей, с которыми Нансен отправился в новое далекое путешествие.

Днем 2 августа 1913 года он стоял на перроне вокзала в Христиании в ожидании своих спутников. Первым на перроне появился щегольски одетый господин, нагруженный уймой саквояжей, баулов, дорожных несессеров. То был секретарь русского посольства в Норвегии Лорис Меликов. Затем; появился второй спутник — полный бородач в высоких сапогах-"бутылках" и в крахмальном белье — тип европеизированного русского купчины. Таковым, впрочем, он и был — крупный сибирский купец-золотопромышленник, член Государственной думы Востротин считался в, своих кругах либеральным и даже до некоторой степени «прогрессивным» деятелем.

Директор Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли Иона Иванович Лид дополнял эту на первый взгляд разношерстную компанию.

Как и почему Нансен оказался среди них? Не без юмора говорит он об этом в своем описании путешествия: "Как и почему, собственно, я попал в это общество, в сущности, так и осталось для меня лично загадкой: меня ведь никоим образом нельзя причислить к коммерсантам, и с Сибирью я никогда не имел никакой: связи, только проехал однажды вдоль; ее северного побережья. Впрочем, я всегда живо интересовался этой необъятной окраиной и не прочь был познакомиться с нею поближе. Не знаю я также за своей особой какого-либо исключительного преимущества, которое могло бы сделать мое присутствие желательным. Разве только то, что я когда-то плавал по Карскому морю и вообще обладаю некоторым опытом по части плавания во льдах. Поэтому Лид несколько раз и обращался ко мне, чтобы узнать мое мнение о возможности установления ежегодных рейсов через Карское море. Возможно, что у него притом составилось представление, что я интересуюсь самим

вопросом, и вот в один прекрасный день я получил от Сибирского акционерного общества приглашение совершить на пароходе «Коррект» в качестве гостя путешествие к устью Енисея. Одновременно, пришло от Е.Д. Вурцеля, управляющего сибирскими казенными железными дорогами, необыкновенно любезное приглашение проехаться с ним дальше вверх по Енисею и затем по железной дороге в Восточную Сибирь и Приамурье для осмотра строящейся там новой железной дороги. А русский министр путей сообщения присоединил к упомянутому приглашению свое любезное предложение считать себя во время путешествия гостем России".

Нансен охотно принял приглашение. Проблема Северного морского пути его интересовала давно, и ему хотелось повидать Сибирь. Да и как истый путешественник, он считал, что поездка эта явится лучшим способом "использовать свои вакации".

Инициатор экспедиции на «Корректе», И. Лид, разумеется, не мог найти более подходящего спутника, чем Фритьоф Нансен. Предприимчивый промышленник понимал, что само имя прославленного полярного исследователя придаст авторитетность всему предприятию.

Бурно растущие торговые и промышленные интересы сибирских капиталистов настоятельно требовали открытия дешевого водного пути. Лес, зерно, масло, меха и многие другие товары вывозились из Сибири за границу только по железной дороге. Ввоз иностранных товаров производился тем же способом. Обходилось это дорого, а как показал печальный опыт русско-японской войны, сибирский железнодорожный транспорт плохо справлялся со своими год от году растущими задачами.

В подобных условиях морской путь из Европы в Сибирь сулил богатые перспективы. Путем этим пользовались издавна, хотя неизвестно, когда именно он был открыт. Во всяком случае, уже в 1620 году по указу русского царя плавание иноземным судам здесь было запрещено, так как сибирские купцы опасались конкуренции европейских товаров в торговле с северными народами.

А сибирские берега очень манили к себе европейских промышленников, ибо отсюда они стремились проникнуть в Китай. С такой целью предприимчивый венецианец Себастиан Кабот, всю свою жизнь проживший в Англии, создал в Лондоне "Общество купцов-изыскателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещенных".

В 1553 году три корабля этой компании торжественно были отправлены из устья Темзы к сибирским берегам. То была первая

в истории экспедиция для открытия северо-восточного прохода. Экспедиция окончилась неудачно. Два корабля погибли в пути, и лишь третий под начальством Ричарда Чанслера достиг Северной Двины. Отсюда Чанслер прибыл в Москву, где, представившись царю Ивану Грозному, завязал сношения с русскими. Кстати, он был первым англичанином, побывавшим в Москве.

Через два года штурман судна Чанслера Стефан Борро снова сделал попытку попасть в Китай Северным морским путем. Престарелый глава "Общества купцов-изыскателей" Кабот (ему было тогда за восемьдесят лет) устроил еще более торжественные проводы новой экспедиции. По словам современника, "добрый старый джентльмен от радости видеть такую готовность к предприятию сам принял участие в плясках среди молодежи и веселого общества".

Стефан Борро достиг Карских Ворот и Вайгача. Пройти далее ему не удалось, но от русских зверобоев он узнал, что дальнейший путь к устью Оби им уже хорошо известен.

Действительно, русские мореплаватели еще задолго до того времени освоили берега Карского моря. В 1601 году в Обском крае даже был основан город Мангазея, о важном торговом и административном значении которого можно судить по тому, что в нем имелись гостиный и воеводский двор, таможенная изба, а также "съезжая изба" и тюрьма.

Одним из первых достиг Обской губы некий "московский гость Лука". В летописи говорится, что между 1584 и 1598 годами "ходил москвитин Лука гость с товарищи проведывать Обского устья тремя кочи". Кочи — небольшие, но обладавшие отличными мореходными качествами суда — добирались до Мангазеи также из Двины, Мезени и Пустозерска.

Путь к Мангазею считался тяжелым, потому что лежал ом через "непроходимые злые места от великих льдов", где приходилось претерпевать "всякие нужи". Тем не менее, по утверждению летописца, "в Мангазею по вся годы ходят кочами мйогие и торговые и промышленные люди со всякими немецкими товары и с хлебом".

В XVII веке русские мореходы осваивали сибирские берега все далее на восток. Холмогорец Федот Алексеев вместе с казаком Семеном Дежневым своим плаванием из Колымы в Тихий океан доказали, что Азия отделена от Америки проливом. Правда, оба смельчака не отдавали себе отчета об огромном значении сделанного ими открытия, и сведения об их плавании дошли до Западной Европы только через столетие.

В историю освоения Северного морского пути золотыми буквами следует вписать также имена Беринга, Малыгина,

Овцына, Розмыслова, Василия и Марии Пронишевых, Челюскина, Харитона и Дмитрия Лаптевых, Пахтусова, Циволька, Крузенштерна, Литке и многих других выдающихся русских полярных исследователей.

К началу XX века опыт использования Северного морского пути уже дал вполне обнадеживающие результаты. Даже при отсутствии радиосвязи и необходимой информации о движении льдов некоторым судам удавалось из европейских портов достигать устья Оби, Енисея, Лены.

Наладить постоянные торговые связи Сибири с зарубежными странами, используя Северный морской путь, было основной задачей акционерного общества, которое возглавил И. Лид. Человек он был энергичный, и его не обескуражила первая неудачная попытка одолеть коварное Карское море. Для такой цели им был зафрахтован норвежский пароход «Тулла», построенный специально для плавания во льдах. С грузом товаров для Сибири пароход вышел в Карское море. Навстречу ему, к устью Енисея, было отправлено из Красноярска несколько барж с грузом.

Сибирские купцы возлагали большие надежды на эту операцию, уповая, что ею откроются регулярные рейсы по Северному пути. Царское правительство, со своей стороны, тоже проявило внимание к этому делу — целый отряд полицейских и жандармов во главе с самим иркутским полицмейстером совершил путешествие в две тысячи шестьсот верст к устью Енисея, чтобы на месте пресечь что-либо "крамольное".

Увы! — ожидания были напрасны. «Тулла» не сумела пробиться сквозь тяжелые льды в Карском море и повернула назад. Пришлось вернуться обратно в Красноярск и баржам с грузом. Несолоно хлебавши повторили свой долгий маршрут и представители полицейской власти.

Предпринимая новую попытку, Лид не сомневался в успехе: на этот раз с ним был Нансен! Да и сам Нансен был настроен хорошо — экспедиция не была для него сложной, а русские спутники его были людьми деятельными, образованными, и общаться с ними не представляло затруднений, так как они отлично знали иностранные языки, в том числе и норвежский.

Участники экспедиции поездом добрались до порта Тромсе, где их уже дожидался пароход «Коррект», груженный цементом, предназначенным для Сибирской железной дороги. Это небольшое судно, всего в полторы тысячи тонн водоизмещением, было тихоходным, но довольно прочным. Толстая стальная обшивка и дополнительная обшивка из дубовых досок предохраняли его от ледовых сжатий и толчков. На судне имелось

радио для связи с береговыми северными станциями. Однако, как выяснилось потом, оборудование станций еще не было закончено, и потому они бездействовали. Все же наличие столь мощного средства связи поначалу принесло своеобразную пользу, так как вселяло всем большие надежды.

На «Корректе» был старый опытный лоцман Ганс Христиан Иохансен, совершивший много плаваний по Ледовитому океану и участвовавший еще в экспедиции Норденшельда на «Веге» к устью Лены. Остальные члены экипажа — люди самых различных национальностей — тоже были видавшими виды моряками.

Нечего удивляться, что плавание «Корректа» сквозь льды Карского моря и далее вдоль сибирских берегов прошло без особых затруднений. Тщательная подготовка судна, его отличный экипаж, опытный лоцман и советы Фритьофа Нансена — все это обеспечило благополучное плавание. В намеченный срок — 28 августа 1913 года «Коррект» бросил якорь в устье Енисея.

Накануне по реке сюда пришел буксирный пароход с груженными баржами. «Рандеву» состоялось исключительно точно. И это было особенно замечательным, если учесть, что «Коррект» прошел три тысячи триста километров среди льдов, а баржи одолели две тысячи двести километров по трудному речному фарватеру.

Нансен живо интересовался возможностями товарообменных операций с Сибирью. Что привезли баржи? Огромные кряжи кедра, сосны, ели, тюки льна и конопли, кожу, шерсть, превосходный графит. Даже экзотические верблюды и бурые медведи попали в число экспортных сибирских товаров! "Чувствовалось, — записал Нансен в своем дневнике, — что находишься у преддверия могучей страны, обнимающей пространство от самой тундры до тайги на севере, до пустынь Монголии на юге".

Началась перегрузка товаров. Дело это оказалось весьма затяжным. К тому времени к устью реки пришли из Красноярска еще два парохода. Однако помощи от них не было никакой, так как вместо погрузочных механизмов они привезли целый отряд жандармов, полицейских и даже сыскного агента. Нансен поразился соотношению сил: на перегрузочных работах было занято всего восемь человек, располагавших одной лебедкой. А рядом непроизводительно тратили свое время девять жандармско-полицейских чинов. "Нельзя было не подивиться такому странному распределению профессий!" — заметил Нансен в своем описании путешествия.

Зато сам путешественник не терял времени зря. В ожидании возможности двигаться дальше он собрал обильный и

разнообразный материал для характеристики края и его населения. Ничто не ускользало от зоркого, наблюдательного взгляда ученого. Этнические черты и быт народов севера, местная экономика, особенно развитие рыбного промысла, геологические изыскания, проблемы переселения и колонизации, условия существования политических ссыльных — казалось, не было такой стороны жизни, мимо которой прошел бы пытливый исследователь.

Северная сибирская природа очаровала путешественника, он увидел в ней "поэзию, меланхолию, светлые мечты", его восхитила синь озер, зелень трав, багрянец тронутой осенью листвы.

Как ученый, он заинтересовался нахождением в мерзлом грунте тундры мамонтов, волосатых носорогов и других диковинных допотопных животных. Его не занимали «сенсационные» сообщения об этом поразительном и загадочном явлении природы. Нет, он написал целый трактат о том, почему трупы допотопных животных и по прошествии многих тысячелетий сохранились невредимыми, с костями, мясом и волосами.

Аналитический ум ученого сочетался с горячим сердцем человека, неизменно любящего свою родину. Потому возникла такая заботливая мысль: "Я сижу и размышляю над загадочными особенностями этого леса. Мы находимся уже под 67° с. ш., и климатические условия здесь гораздо менее благоприятны, чем где бы то ни было, даже в более северных областях Норвегии… Почему же при таком климате и мерзлой подпочве лес растет здесь так хорошо?" Вывод Нансена был прост и практичен: надо посадить на норвежской земле неприхотливые, быстрорастущие сибирские деревья — кедр, ель, лиственницу.

Вурцель не смог встретить норвежского гостя в устье Енисея. Однако он прислал для него специальный катер. На этом катере Нансен совершил длительное путешествие по могучей реке до Красноярска.

Незнание русского языка мешало путешественнику познать окружающую жизнь так полно, как ему хотелось. Все же он сумел многое увидеть, понять, почувствовать. И хотя Нансен писал: "Можно прийти в отчаяние, когда путешествуешь по стране, языка которой не понимаешь и где тебя самого не понимают", тем не менее его книга о Сибири доказывает, что дружеский взор автора был проницателен, а слух чуток.

Тайга с ее неисчерпаемыми лесными ресурсами… Реки, богатые рыбой… Недра, хранящие золото, серебро и драгоценные камни… Сибирь издавна славилась всем этим. И даже

поверхностное знакомство с этой страной позволяло судить о колоссальных перспективах для развития здесь металлургической, угольной, нефтяной промышленности.

Однако только такой человек, как Нансен, умевший глубоко и далеко видеть, мог приметить еще и другую, тогда еще скрытую перспективу развития Сибири. Источники благосостояния "страны будущего" заключаются не только в ее недрах, утверждал Нансен, "настоящим сибирским золотом является чернозем". В этом залог будущего процветания значительной части Сибири!

Целинные земли… Это сибирское золото! Весьма немногие современники Нансена, даже из числа наиболее передовых, могли бы похвалиться такой дальновидной мыслью.

И тем более, подчеркивал он, необходимо открыть дешевый морской путь для будущих хлебных грузов. "Огромные сибирские реки, — писал Нансен, — прямо как бы созданы для целей такого сообщения. Транспорт вниз по течению необычайно удобен, и все эти реки указывают на север, на Ледовитый океан, как на выход из создавшегося положения".

Сибиряки радушно, с истинно русским гостеприимством принимали у себя прославленного норвежского путешественника. И Нансена сердечно трогали встречи, которые устраивали ему на пути до Красноярска, затем в Восточной Сибири и при обратной поездке через Урал в Петербург.

Правда, по своей скромности Нансен считал, что ему "расточаются незаслуженные похвалы и внимание". Тем более ценил он то, как горячо чтут русские люди его заслуги перед наукой. Почти до слез был он взволнован, когда в далеком, захолустном тогда Хабаровске в его честь была кем-то исполнена песня Сольвейг. "Поразительно здесь, на Дальнем Востоке, вдруг встретиться с Григом и Ибсеном…" — записал Нансен в своем дневнике. Ему показалось в тот момент, что "забрезжили в голубоватой дымке скалы Норвегии".

Нансен с улыбкой описал теплую встречу, устроенную ему жителями Енисейска. Касаясь «незаслуженных» похвал по своему адресу, он подчеркивает, что их произносили "на чистом русском языке, совершенно для меня недоступном. Кое-что, впрочем, мне переводили. Директор гимназии произнес вдобавок речь на эсперанто, которого я, впрочем, тоже не понимал и с которого даже не нашлось переводчика. Таким образом, никто ничего не понял. Я, в свою очередь, отвечал на все речи на английском языке, которого не понимал никто из хозяев. Правда, Востро-тин переводил мои слова по-русски, и, судя по тому приему, которого они удостоились, я заподозрил, что перевод был много лучше оригинала".

Жители Красноярска, несмотря на проливной дождь, с полдня до позднего вечера ожидали приезда норвежского гостя. Город был празднично украшен флагами, на улицах горели костры, факелы, плошки. Экипаж, в котором Нансен ехал от пристани, чуть не застрял в толпе приветствующих людей. Восторженное «ура» оглашало улицы на всем пути следования гостя.

Также сердечно встречали героя Арктики и во многих других сибирских городах и селениях. А одна из станций железной дороги в Приамурье даже получила название "Нансен".

Со своей стороны, Нансен с таким же теплым чувством отнесся к стране и ее жителям. И он очень жалел, что ранее не удалось ему познакомиться с замечательной природой и людьми Сибири: "Странным кажется, что эти необозримые пространства с их реками и туземцами никогда так не пленяли детской фантазии, как девственные леса Америки с ее краснокожими. Названия рек — Енисей, Лена, Ангара, Тунгузка, Байкал, и народов — остяки, тунгузы, якуты — никогда не звучали так соблазнительно в ушах мальчуганов, как Гудзон, Делавар, Большие озера, могикане, делавары или сиу. Не потому ли, что леса Сибири еще не нашли своего Купера? Самая жизнь здесь ведь не менее фантастична".

Красота могучих сибирских рек, суровая таежная романтика, мужественные характеры самих сибиряков пленяли норвежского путешественника. И он справедливо заметил, что Сибирь с ее чудесной многоликой природой и своеобразным бытом таежных охотников заслуживает гораздо больше внимания, чем описанные Фенимором Купером экзотические американские прерии и их краснокожие обитатели.

"Сибирь еще не нашла своего Купера!" — досадовал Нансен. Но зато сам Нансен «нашел» Сибирь. Описав ее в своей книге "В стране будущего", он рассеял ложное представление о ней многих европейцев как о дикой, загадочной стране.

С большим знанием, прозорливостью, горячей любовью к "стране будущего" и ее людям написана эта книга. Недаром автор заканчивает ее таким проникновенным признанием: "Мне невольно становится грустно при мысли о том, что я уже простился с обширными задумчивыми лесами Сибири, с ее торжественно-строгой природой, простыми и величавыми линиями. Я полюбил эту огромную страну, раскинувшуюся вширь и вдаль, как море, от Урала до Тихого океана, с ее обширными равнинами и горами, с замерзшими берегами Ледовитого океана, пустынным привольем тундры и таинственными дебрями тайги, волнистыми степями, синеющими лесистыми горами…"

КОГДА НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ТОЛЬКО УЧЕНЫМ…

Волк Фенрис на свободе, у пещеры
Гнипа воет чудовище Гарм.

Ф. Нансен

Путешествие по "стране будущего", как назвал Нансен Сибирь, и по просторам русской земли на Урале, в Поволжье, а также по многим российским городам обогатило его интереснейшими впечатлениями. Из этого путешествия он вернулся окрыленным, полным грандиозных планов дальнейшего изучения страны и ее народа, ставшего теперь ему особенно близким.

При первой возможности Нансен решил вновь посетить Россию. И вдруг все предположения, планы, намерения, надежды пошли прахом. Мир как будто сошел с ума. В июне 1914 года в маленьком, дотоле безвестном сербском городке Сараево был убит австрийский эрцгерцог, и это оказалось достаточным поводом, чтобы вспыхнула мировая война.

Тысячи, сотни тысяч, миллионы людей уничтожают друг друга. Все человеческие знания, силы, возможности служат одной цели — уничтожению. Ученые напрягают всю свою проницательность, чтобы изобрести еще более дьявольские орудия массовой смерти. В Германии пасторы призывают верующих истреблять англичан, русских, французов и других «врагов». В Англии, России, Франции и в других странах священники возносят молитвы, чтобы бог поразил немцев. В Америке благодарят бога за то, что возрос кровавый курс акций фабрикантов оружия.

Война потрясает мир, раскаты ее слышатся повсюду. Доносятся они и до нейтральной Норвегии. И здесь ощущается ужас всечеловеческой бойни.

Нансен не ищет такого угла, куда можно было бы скрыться от безумия, охватившего мир. Не прячется он и за нейтральный флаг своей родины. Судьба людей — его судьба. Потому и в тиши своей лабораторий он не находит покоя. Не в силах он оставаться в стороне, когда наука, искусство — все богатства человеческого разума гибнут, когда накопленная людьми культура уничтожается.

Почему возникла война? Нансен отлично понимает, что

случившееся в сербском городке явилось не причиной, а только поводом мировой бойни. "Могло ли быть иначе? — пишет он. — Культура, ставящая высшей целью *подавление,* не может вести человечество вперед, и в конце концов она неминуемо должна была привести к этому — к гибели…"

В своих рассуждениях Нансен не пользуется термином «империализм», но ход его мыслей был близок к истине. Конкуренция между государствами и система подавления слабейших ради наживы, пишет он далее, неизбежно привели к самоистреблению, "люди *вынуждены* поедать друг друга".

Все утверждают, что вовлечены в войну против своей воли, что сражаются за высшие идеалы. Почему так получилось? — задается вопросом Нансен и отвечает: "Так должно было получиться. Европейская культура обманула — она оказалась сгнившей. Как большое дерево в лесу, она рухнула, едва разразилась буря. Культура? Но чего она стоит, если не укрощает дикого зверя? Не спасает от варварства? Ведь это же основное ее назначение. Без этого она — пустая шелуха".

Как обвинительный акт против буржуазного строя звучат эти слова. Глубоко разочарован Нансен в строе, который пробуждает в людях низменные инстинкты и толкает на путь дикарей. Порожденная им культура, восклицает он, изжила себя, и ее "надо отправить в литейный котел для переплавки".

Людей слабодушных разочарование приводит к пассивности, но у Нансена достаточно твердый характер, и потому он ищет выхода из тупика. Вот его высказывания в очерке того времени "Ронданы и Сёленфьелл". Земля "таит в себе возможности для новых трудовых поколений. Не нужно горевать! Если те, что были, смогли пожрать друг друга, должно быть, пора завести новые. Но откуда они появятся? Где мы найдем свежие, нетронутые поколения?

…Должно наступить возрождение — новая эра с новыми идеалами, когда духовные ценности снова сделаются главной целью, а материальные лишь побочными, когда ничтожество и посредственность не будут больше править миром, а великие умы поведут людей в более возвышенные области, когда каждое умственное открытие, каждая победа в области духа будут приветствоваться с таким восторгом, как теперь все материальное, когда люди будут жить более благородной, прекрасной и простой жизнью".

Очерк этот является ключом для понимания всей последующей деятельности Нансена; заканчивается он уверенными, оптимистическими строками: "В этом мире могут родиться люди новой эпохи, очерченной величавыми простыми

линиями, — цельные люди без двойного зрения двойственной морали".

Прославленный путешественник, пытливый ученый все более проникается тем, что ни природа, ни наука не могут оставаться изолированными от жизненных битв, от общественных потрясений. Не в пример подавляющему большинству своих ученых собратьев Нансен не замыкается в цитадели науки. Жизнь зовет его к себе, и он идет ей навстречу.

Высокое чувство долга, столь присущее его натуре, в дни войны проявилось еще сильнее. Норвегия оставалась в числе немногих стран, не принявших участия в войне. Но нейтралитет не мольба к святому, чтобы он охранил мой дом от пожара, а воспламенил соседний. Нейтралитет — обязательство перед всеми людьми спасти общие наивысшие ценности от пожирающего племени. Так понимал Нансен свой гражданский, человеческий долг.

Потому он обратился к согражданам с воззванием: "Пусть право, а не произвол властвуют над народами. Горе нам, если мы не приложим к тому все усилия! С каждым днем Европа приближается к последней, катастрофической грани. Повсюду руины… Пока не поздно, скажем воюющим: "Остановитесь!" Таков был смысл воззвания.

Однако то был глас вопиющего в пустыне. И национальный герой стал чуть не крамольником. Еще бы, он требует вмешательства в дела "великих держав", война между которыми так выгодна норвежским купцам; ведь полуголодная Германия покупает у них по небывало высокой цене рыбу, а Россия и даже Англия фрахтуют суда для перевозки военного снаряжения. Деньги потоком хлынули в страну.

"Это мнимое благополучие!" — предупреждает Нансен свой народ и правительство. И в куче денег можно умереть с голоду; наша страна не в состоянии прокормить себя хлебом, она полностью зависит от ввоза зерна.

В 1917 году Америка вступила в войну против Германии. В то же время от норвежского посла в Вашингтоне в Христианию пришло предупреждение о том, что американцы собираются прекратить продажу зерна нейтральным странам.

Угроза голода нависла над Норвегией.

"Пришлите авторитетного представителя для переговоров с государственным департаментом!" — просит растерявшийся норвежский посол.

К чьему голосу прислушаются в Вашингтоне? Правительство обращается к Фритьофу Нансену ради спасения страны взять на себя эту миссию.

Тщательно готовится Нансен к исполнению этого поручения: изучает торговые индексы, статистику потребления продуктов питания, знакомится с тоннажными возможностями флота. Во всеоружии знаний, сопутствуемый целым штабом советников, специальный посланник норвежского правительства отправляется за океан.

Когда он прибыл в Вашингтон, все двери для нейтральных стран уже захлопнулись окончательно. Особенно там недовольны были Норвегией за то, что она снабжала Германию рыбой. Напрасно Нансен пытался доказывать, что делается это согласно торговому договору, отказ от которого равносилен выходу из состояния нейтралитета. Американцы не шли ни на какие уступки: расширение театра войны как раз и было в их интересах.

Переговоры затягивались. Призрак голода все более приближался к Норвегии. Пользуясь этим, Вашингтон усиливал свой нажим. Однако Нансен твердо стоял на своем: лучше голод, чем война.

Правду, только открытую правду слышат из его уст партнеры, сидящие с ним за столом переговоров. Он говорит им о простых людях Норвегии, которым грозит смерть, если американский народ своевременно не протянет руку помощи. Он развивает проект широкой помощи Бельгии и другим европейским странам, разоренным войной. "Помогите, спасите их! — взывает Нансен к сердцу и разуму своих оппонентов. — Отдайте им излишки своего хлеба, а мы поможем своим флотом, чтобы доставить его в бедствующую Европу".

Война была на исходе. Американцы понимают разумность проекта: он гуманен и… выгоден. Под таким флагом бизнес делается почти святым делом.

Не дожидаясь санкции своего правительства, пользуясь силой личного авторитета, Нансен подписывает соглашение с Вашингтоном о поставках зерна. Только через несколько дней стортинг подтверждает этот договор, получивший название "нансеновского".

…Колесница войны прогромыхала и, наконец, остановилась. Люди возвращались к мирному труду, а вернее, к залечиванию тяжких ран, нанесенных всему человечеству. На "поле чести" осталось одиннадцать миллионов жертв: застреленных, заколотых, удушенных, отравленных, сожженных, раздавленных, засыпанных, утопленных и просто умерших от голода и болезней.

Кроме того, миллионы людей застряли в чужих странах в качестве военнопленных. И еще миллионы других людей, став беженцами, лишились крова и пищи.

Можно ли было укрыться от всего этого в тиши своего кабинета или в лаборатории? И какая польза от научных открытий, если жизнь на земле в таком беспорядке? К чему все наши знания, искусство и так называемая культура, когда в мире еще царят хаос, и голод, и порожденное ими отчаяние?

Невозможно отмахнуться от вопросов, настойчиво требующих ответа. Ведь поиски истины не ограничиваются только сферой морских течений, воздушных потоков, солнечного излучения. Социальные отношения также нуждаются в изучении, ибо научный прогресс невозможен без упорядочения человеческих отношений.

По велению долга Нансен-ученый не раз становился Нансеном-дипломатом. Теперь политика все более вторгается в его жизнь. И он принимает это как неизбежность: человечество вступило в такую стадию, когда наука и политика должны идти рука об руку.

Послевоенный мир в смятении. Самодержавный строй в России сметен народом. Революционные раскаты потрясли всю Европу, Америку и даже отдаленные азиатские и африканские колонии. Кичливая Дунайская монархия Габсбургов распалась, и рухнул казавшийся столь незыблемым кайзеровский строй в Германии. Качались и рушились троны во многих других королевствах и княжествах.

Человечество стояло на новом знаменательном рубеже. "Каков его дальнейший путь?" — задавался вопросом Нансен. Уже ранее он утверждал, что подлинный прогресс заключается в знаниях и нравственной идее. Теперь он окончательно утвердился в этой истине.

Вдохновленные такой истиной, люди доброй воли должны взять мир в свои руки и повести его дальше. Народы надо слить в единую интернациональную семью, для чего необходимо создать Лигу наций — в этом Нансен видел панацею, чтобы испытанные бедствия не повторялись в грядущем.

В умах многих людей зрела та же мысль: спасение мира в создании Лиги наций, там будут разрешаться все спорные вопросы. В различных странах Европы стали возникать общества для содействия этой международной организации. Инициаторы норвежского общества предложили Фритьофу Нансену возглавить их деятельность.

Так ученый все более втягивается в активную мировую политику. В феврале 1919 года он выступает в Лондоне на конференции британского общества Лиги наций.

Ни одного из многочисленных ораторов не слушали здесь с таким напряженным вниманием. Англичане настаивают, чтобы он

немедленно отправлялся в Версаль — повлиять на происходившие там переговоры о мире.

Версаль… Здесь, в древней резиденции французских королей, происходила «мирная» конференция, на которой двадцать два победивших Германию государства возрождали разбойничьи традиции средних веков. Правда, так называемые "малые страны" исполняли в этом деле лишь роль статистов. Великие державы диктовали им свою волю. Этим оркестром хищников дирижировал французский премьер-министр Клемансо, прозванный "тигром".

Перекраивалась карта мира. Победители делили добычу и грызлись между собой из-за лакомых кусков — бывших германских колоний в Африке и Азии. Договор рождался под завистливый вой одних и угрожающее рыканье других. Версаль, ранее бывший символом галантности, стал ареной непримиримой вражды. И хотя слова "дружба и мир" слышались ежесекундно, они не могли скрыть истинной сути происходившего: соревнования империалистов в алчности и корысти. Соревнования, в котором сильные беспощадно подавляли слабых.

На фоне зловещего хора одиноко прозвучал голос человека, призывавшего народы объединиться в братскую семью и объявить решительную войну войне. То были не пышные, не пустые слова, какие здесь слышать привыкли. Нет, оратор предлагал слова подкрепить делами. И прежде всего приостановить интервенцию против молодой революционной Страны Советов.

Так выступал председатель норвежского общества Лиги наций Фритьоф Нансен. Ненависть породит ненависть, убеждал он. Не только Россия будет оплакивать миллионы жертв, но сама Европа вновь приблизится к пропасти…

Ослепленные ненавистью, говорит он, вы поступаете безрассудно! Последуйте примеру Дании, маленькой страны, проявившей величайшее великодушие. Датчане, вместо того чтобы тратить средства на вооружение, взяли на иждивение тысячи голодающих детей своих недавних врагов — немцев.

Нансен уговаривает, умоляет… Тщетно! Представители великих держав откровенно смеются над его "идеализмом и сентиментальностью".

Да, собственно, иначе и быть не могло, удивляться тому не приходится. В.И. Ленин так характеризовал тогдашнее положение: "Лига наций" — союз только на бумаге, а на деле это группа хищных зверей, которые только дерутся и нисколько не доверяют друг другу".[1]

Только в родной стране слова Нанеена нашли отклик. Хотя немецкие подводные лодки в дни войны топили норвежские

корабли, ходившие под нейтральным флагом, благородный призыв Нансена погасил чувство мести в сердцах людей его народа. Норвежские семьи дали приют шестидесяти тысячам голодающих немецких детей. Кроме того, для больных и слабых детей в самой Германии норвежцы устроили специальные санатории.

Меж тем «реалистические» политики Антанты расходовали огромные средства на интервенцию, чтобы подавить "красную опасность" в Сибири, на Украине, Урале, Кавказе, в западных и северных областях России. И что же принесла эта злосчастная политика? Новые бедствия — гибель множества людей не только на фронте, но и в тылу.

Одним из таких последствий было тяжкое положение военнопленных, разбросанных по всему свету.

Судьба миллионов этих людей казалась почти безнадежной. Фронты, созданные интервентами, изолировали военнопленных немцев в России и русских, находившихся в Германии. Тиф и голод в разоренных странах уносили в могилы людей, получивших свободу, но лишенных возможности ею воспользоваться.

Международный Красный Крест был бессилен оказать им помощь. Спасти их могли только объединенные усилия наций.

В марте 1920 года этот трагический вопрос был поставлен на обсуждение Лиги наций, заседавшей в Генуе. Лига наций нашла своеобразный выход из положения, выход, который скорее можно назвать перекладыванием своих обязанностей на плечи другого. "Надо поручить исполнение этого дела, — говорилось в решении Лиги, — человеку, который пользуется всеобщим уважением и признанием за свои организаторские способности, энергию, талант и душевное величие".

Где найти такого человека? По общему мнению, единственным человеком, отвечавшим столь высоким требованиям, был Фритьоф Нансен. Всему миру известны мужество, честность, энергия этого выдающегося ученого и общественного деятеля. К тому же он хорошо изучил «загадочную» Россию, бывал в "стране будущего" — Сибири. Даже не склонный к излиянию чувств министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон признал, что "Фритьоф Нансен — единственный человек на земле, перед которым открываются двери министерств во всех государствах".

Лига наций и Международный Красный Крест шлют ему телеграммы с предложением заняться репатриацией военнопленных. Ответ его гласит: "Нет!"

"Почему им для такого дела нужен ученый? — с недоумением

обращается Нансен к своему другу художнику Эрику Вереншельду. — Неужели я снова должен оторваться от любимого дела и посвятить жизнь решению далекой мне задачи, которую другие стремятся свалить со своих плеч?"

Вновь и вновь служение обществу обязывает его отказаться от своего истинного призвания. Сначала участие в образовании самостоятельной Норвегии. Затем дипломатический пост в Лондоне. Мировая война помешала осуществить путешествие на Азорские острова, совсем прервала его океанографические исследования. Вместо того пришлось почти целый год хлопотать в Америке, чтобы спасти родину от надвигавшегося голода… Наконец, долгие, тщетные переговоры в Лиге наций. И вот теперь, когда он стал входить в привычную колею научной работы, его опять отвлекают.

Однако Лига наций не в состоянии обойтись без единственного человека, могущего спасти положение. В Люсакер приезжает опытный дипломат, секретарь Лиги наций Филипп Ноэль Бэйкер. Цель его — переубедить Нансена. Он принялся выполнять свою миссию весьма энергично.

— Мне скоро исполнится шестьдесят лет — пора начать более спокойную жизнь, — возражает владелец Люсакера своему гостю. — Дело, которое вы поручаете мне, займет несколько лет. Значит, на все это время придется бросить свои научные занятия, оставить надежды на жизнь в кругу семьи…

В кругу семьи? Но ведь дети его уже стали достаточно взрослыми и живут самостоятельной жизнью. Да, это так, но образовалась новая семья: Фритьоф Нансен женился вторично. На Зигрун Мунте, вдове известного художника. Произошло это в 1919 году, неожиданно даже для самых близких друзей.

Ноэль Бэйкер настойчиво уговаривает. Да, пост верховного комиссара Лиги наций по делам военнопленных действительно обременителен. Но разве можно беречь свой покой за счет страданий стольких людей, томящихся на чужбине?

Матери, жены, дети ждут их — своих сыновей, мужей, отцов!

И был еще один довод, которым аргументировал Ноэль Бэйкер. "Если удастся успешно разрешить проблему возвращения военнопленных, — говорил он, — то это восстановит поколебленный авторитет Лиги наций. Ведь Лига — символ спасения для народов, обескровленных, изнуренных прошедшей войной. И надо укрепить веру людей в эту организацию — инструмент мира и взаимопонимания. Страдающее человечество взирает на вас с надеждой, Фритьоф Нансен!"

Пышные слова дипломата вызывали досаду у того, к кому они были обращены. Но, с другой стороны, казалось, что в них

заключалась доля истины: надо поддержать угасающую веру людей в дружную семью народов. Таковы веления долга, и их следует выполнить!

— Согласен… — вымолвил Нансен.

СЛУГА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Человек! Это — великолепно!
Это звучит гордо!

М. Горький

Он вездесущ, этот человек. Сегодня его видят в Генуе, завтра в Париже, потом в Москве, а вслед за тем в Берлине, Лондоне…

Повсюду он твердит: "Деньги… Нужны деньги!" И после бесконечных убеждений, доказательств, переговоров с представителями различных государств ему удается получить крупный гарантированный заем в международном банке.

А сам он трудится бесплатно, экономя на всем: живет в чердачных номерах дешевеньких гостиниц, ездит в поездах и вагонах, в которых билет стоит подешевле, берет с собой лишь маленький ручной чемодан, чтобы не тратиться на носильщиков.

Свыше двух лет проводит Нансен в нескончаемых, напряженных хлопотах. Правительственные деятели европейских стран были щедры на обещания, однако скупы на их выполнение. А дело репатриации полумиллиона военнопленных требовало многого: не только денег, но и транспорта, а он был разбит в минувшую войну, требовало продовольствия, а его не хватало всем народам все из-за той же войны. Необходимы были и дефицитные медикаменты, и медицинское оборудование, и одежда… Кроме того, острая нужда была в людях — честных, самоотверженных помощниках, не жалеющих своих сил для блага других людей. Найти их тоже было делом не легким.

Советское правительство стремилось всемерно помочь Нансену в исполнении его трудной миссии. Но в те дни Страна Советов еще не стала крепко на ноги. После изнурительной империалистической войны вспыхнула гражданская война и началась грабительская интервенция четырнадцати иностранных государств. В результате на транспорте царила разруха. Населению не хватало продовольствия. Промышленность пришла в полный упадок.

Несмотря на чрезвычайно тяжелое положение, молодое революционное государство мобилизовало все силы, чтобы помочь репатриации военнопленных. Советское правительство заключило с Нансеном соглашение, по которому каждую неделю к западной границе страны должно было подходить не менее двух поездов с бывшими военнопленными. Соглашение это выполнялось точно и четко.

Верховный комиссар Лиги наций не ведал покоя. Не менее трудной была эвакуация значительного количества русских пленных, находившихся в Германии и на территории бывшей Австро-Венгрии. Страна Советов не имела с ними дипломатических отношений. К тому же Народный комиссариат иностранных дел, всячески идя навстречу Нансену, не являлся тогда членом Лиги наций. Еще более осложняла положение воюющая Польша.

Как в подобных условиях наладить работу?

Чтобы найти выход из сложной ситуации, Нансен устроил в городе Ковно встречу представителей правительств России, Германии, Австрии, Польши. На этой своеобразной конференции была создана независимая от Лиги наций организация. Назвали ее просто и коротко и, по существу, очень верно: комитет "Помощь Нансена".

Комитет развернул свою работу продуманно, с научной основательностью. Масштабы его деятельности были поистине грандиозными — от британских берегов до берегов Ледовитого и Тихого океанов. Приходилось заботиться и о возвращении пленных из балканских стран, из африканских и азиатских колоний.

В комитете "Помощь Нансена" был весьма невеликий штат сотрудников, но работали они, подобно своему шефу, самоотверженно. Благодаря этому при очень скромных расходах было сделано чрезвычайно много.

Именно в это время зародилась дружба Нансена с великим русским писателем М. Горьким. Правда, заочное знакомство их состоялось еще в 1916 году. Тогда М. Горький обратился к Ф. Нансену с просьбой написать биографию Христофора Колумба для задуманного им издания книг, посвященных жизни замечательных людей. Нансен ответил согласием на это предложение. Однако война помешала ему выполнить свое намерение.

С тех пор минуло несколько лет. И вот в 1920 году в голодном Петрограде заочным знакомым довелось, наконец, встретиться непосредственно. Нансен приехал для переговоров об эвакуации военнопленных. В беседах с М. Горьким он почерпнул много полезного для своего дела. Но, пожалуй, еще большее значение имела моральная поддержка пролетарского гуманиста. Взгляды их во многом перекликались, сердца их бились в унисон, когда речь заходила о самом дорогом для них обоих: помощи страждущему человечеству.

Встреча с Горьким произвела неизгладимое впечатление на Нансена. Об этом свидетельствует его письмо, посланное вскоре

из Люсакера, — оно полно заботы и горячей любви к русскому другу и единомышленнику:

> "…С тех пор как мы расстались, — писал Нансен, — я много думаю о Вас и обо всем, что Вы мне рассказали, и, признаюсь, очень за Вас беспокоюсь, так как при нашей встрече Вы выглядели неважно. Я считаю, что Вам совершенно необходимо изменить обстановку и питание и поэтому Вы должны на время покинуть Россию. Мне кажется, что Вам, например, было бы очень полезно пожить некоторое время в Норвегии или где-нибудь на юге, если Вы это предпочитаете. Петроградский климат Вам в настоящее время вреден. У вас слишком слабое здоровье для того, чтобы выдержать его, и оставаться в Петрограде на следующую зиму Вам было бы просто опасно.
>
> Я это очень ощущаю, и Вы, конечно, должны понимать, что Ваша жизнь слишком драгоценна для всего мира, так же как и для Вашей родины, чтобы непростительно пренебрегать всем необходимым для укрепления Вашего здоровья.
>
> …Если я чем-либо могу помочь в организации Вашей поездки, сообщите, пожалуйста. Посылаю Вам пока, как обещал, несколько книг. Книги Ханса-Кинка — нелегкое чтение, но он весьма талантлив и, как мне кажется, является первым нашим писателем в настоящее время.
>
> С глубоким уважением к Вам, дорогой Горький, и, поверьте, с самыми лучшими пожеланиями, искренне Ваш
>
> *Фритьоф Нансен".*

На эти заботливые дружеские слова Горький отвечал: "Дорогой Фритьоф Нансен! Я очень тронут Вашим письмом и сердечно благодарю Вас за приглашение приехать в Норвегию, литературу и людей которой я давно искренно люблю. Вероятно, я воспользуюсь приглашением Вашим в декабре или январе. Я действительно устал и был бы рад несколько отдохнуть, работая над книгой, которую мне хочется писать.

Еще раз — примите мою благодарность за доброе Ваше отношение, — это так ценно, так важно теперь, когда связи между людьми столь легко рвутся и всюду возникает вражда, часто — бессмысленная, лишенная оправданий…"

М. Горькому не удалось осуществить свое намерение пожить в Норвегии. Однако дружба его с Нансеном не только не прервалась, а все более укреплялась.

Уже через год Нансен сообщил ассамблее Лиги наций, что двести тысяч людей возвращены под родной кров. В своей речи он сказал: "Никогда в жизни я не видел такого количества страданий и несчастий — это неизбежное следствие войны, перевернувшей все вверх дном. Поэтому, — подчеркнул оратор, — основная задача Лиги наций — предотвратить возможность повторения такой катастрофы, неизбежно вызывающей страшные людские страдания".

Спустя год, в сентябре 1921 года, в Женеве Нансен снова докладывает Лиге наций об итогах своей деятельности: 447 604 бывших военнопленных двадцати шести национальностей возвращены на свою родину из самых различных уголков земного шара. Израсходовано непостижимо мало — в среднем менее одного фунта стерлингов на каждого человека.

Ассамблея Лиги наций выразила благодарность верховному комиссару за блистательное выполнение своей задачи. Нельзя было не согласиться со словами Ноэля Бэйкера: "Нет ни одной страны на европейском континенте, где матери и жены не плакали бы от благодарности за свершенное Нансеном".

Наконец появилась возможность вернуться в милый сердцу Люсакер, к семье, к своему делу. Здесь на берегу фиорда, под сенью стройных сосен, невдалеке от старого дома «Готхоб», еще при жизни Евы Нансен вырос новый двухэтажный дом, которому дали название "Пульхегда".

Вместе со своим другом художником Вереншельдом Нансен расписал стены «Пульхегды» в древненорвежском стиле. Да и внутренняя обстановка дома — мебель, утварь, украшения тоже были выдержаны в строгом национальном стиле. Уютно, красиво было здесь, что, как известно, помогает труду не менее, чем отдыху.

Хозяин «Пульхегды» много работал. Теперь, кроме проблем океанографии, мысли его занимал план новой большой экспедиции. Куда? Опять к самой северной точке земного шара или в другое царство холода — к Южному полюсу? Нет! Он вынашивал проект путешествия в Центральную Азию.

Что влекло его туда — в сердце Азии? Об этом можно догадываться. Центральную Азию долгое время исследовал шведский путешественник Свен Гедин. Однако наряду с научными целями, а скорее даже в первую очередь, он ставил перед собой задачу, далекую от науки, а именно разведку. Тибет… Издавна манил он к себе разведчиков европейских государств, мечтавших наложить лапу на спрятанную высоко в горах страну. Английские разведчики не раз проникали туда под

видом буддийских монахов, индусских паломников, купцов. Свен Гедин пытался попасть туда под видом ученого.

Никто в действительности не ставил перед собой задачу научного изучения Центральной Азии, потому она во многом еще оставалась загадочной, недоступной. Восполнить то, что не совершили другие, стало заветной мечтой Нансена.

Увы! Не суждено было ему осуществить это путешествие, которое, наверно, чрезвычайно обогатило бы копилку человеческих знаний.

В ночь на пятницу 12 августа 1921 года обитатели «Пульхегды» были разбужены нарочным, доставившим срочную телеграмму из Женевы. Содержание ее необычайно взволновало Нансена: президент Международного Красного Креста Адор просил дать согласие незамедлительно возглавить помощь голодающим в России.

Уже давно Нансен предупреждал Лигу наций о надвигающейся опасности. Но те, от кого зависели судьбы мира, были так ослеплены ненавистью, что, вместо того чтобы предотвратить горе, своими действиями ускорили его приближение. Интервенция… Сколько зла она принесла! Ни в чем не повинные люди должны заплатить своею жизнью за ее последствия.

В Поволжье небывало сильная засуха вызвала неурожай. Наступил страшный голод. Страна, разоренная войной, не могла оказать достаточную помощь населению, лишенному хлеба. Миллионам людей грозила неумолимая голодная смерть. О, от этого можно было прийти в отчаяние!

Еще ранней весной на весь мир прозвучал голос. Максима Горького: "Надвигается бедствие!.." Великий гуманист призывал человечество помочь голодающим. Одним из первых, кто откликнулся на его зов, был Нансен. Немедленно предложил он организовать помощь голодающим в Поволжье. Но реакционные круги в Европе подняли вой против этого предложения. Помогать большевикам? Да они разграбят поезда с продовольствием!

Нансен категорически опровергал клевету. "Я знаю, — писал он, — что в лагеря военнопленных в Сибирь было послано одежды и продовольствия для 600 000 человек и все, до последней нитки, дошло в целости. Я знаю, что все свои обязательства по договору об обмене военнопленными Советское правительство выполнило полностью".

Поток клеветы притих. Сбор средств, устроенный в Норвегии, позволил отправить голодающим некоторое количество продовольствия. Однако то была капля в море. Бедствие ширилось, захватывая все большие районы страны.

Человечество взывает к Нансену: "Возьмите дело спасения голодающих в свои твердые, честные руки!"

Что может ответить он?

Заняться помощью голодающим в Поволжье "равносильно тому, что я должен отказаться от научной работы, от всего того, ради чего живу", — говорит он своему ближайшему другу Э. Вереншельду. Тот возражает: "Если я действительно хорошо тебя знаю, то могу сказать только одно: ты никогда не найдешь покоя, если скажешь "нет!"

Это были, бесспорно, верные слова. Нансен сам это хорошо понимает. Именно поэтому, в согласии с зовом немолчной совести, он шлет в Женеву свое "да".

Через несколько дней он — уже в Москве — начинает переговоры с Советским правительством. Ему сообщают об огромных размерах народного бедствия. Подробности ужасающие… Медлить нельзя ни часа!

Для спасения людей от голодной смерти необходимо минимум четыре миллиона тонн зерна. Страна сможет дать, в лучшем случае, только половину этого количества. Остальное нужно закупить за границей, для чего потребуются двести пятьдесят миллионов франков.

Где и как достать эти средства? Путем займов у иностранных правительств? Да, но, чтобы они открыли столь крупный кредит, потребуются гарантии.

"Надо обратиться в Лигу наций! — решает Нансен. — Народы должны помогать друг другу в беде…"

В кратчайший срок он заключает с Советским правительством соглашение о помощи голодающим людям. И, едва подписав соглашение, спешит на вокзал, к поезду, идущему на запад.

О кипучей энергии и темпах его работы в то время свидетельствуют телеграммы, посланные с пути. Ни одна организация, ни один человек, могущий помочь, им не забыт. Международному обществу "Спасите детей!" он телеграфирует просьбу — обратиться к мужчинам, женщинам и особенно к детям всего мира отдать все то, без чего они могут обойтись, чтобы спасти голодающих малышей в России.

"Никогда на протяжении мировой истории, — пишет он, — люди так отчаянно не нуждались в помощи. Дорога каждая минута!"

В Лондоне он ведет переговоры с правительственными и общественными организациями, старается заручиться поддержкой влиятельных друзей, агитирует через прессу. И спустя несколько дней мчится в Женеву, где собирается ассамблея Лиги наций.

Девятого сентября Фритьоф Нансен берет слово на заседании Лиги. Идет к трибуне. Все замолкают, когда он бросает резкие слова правды:

— Хорошо, что Лига наций открыла свою работу при дневном свете. Методы тайной дипломатии, боящейся ясности, влекут за собой тяжкие последствия. Будем смотреть фактам в глаза! В интересах всего человечества и будущего Европы необходимо безотлагательно помочь России. И речь идет тут не о подарках, а о займе. Россия гарантирует возвращение своего долга.

Сдерживают ли Советы свои обещания?

Долгое время я работал с Советским правительством, организуя возвращение военнопленных. Должен сказать, что, несмотря на бесчисленные трудности, Советское государство выполняло все свои соглашения и обещания. Так, например, советские представители предложили каждую неделю доставлять к границе для дальнейшей отправки четыре тысячи военнопленных. Я возразил: "Для вас это непосильная задача, поскольку сейчас вы находитесь в состоянии войны с Польшей". Мне ответили: "Мы это сделаем!" И действительно, они выполнили свое обещание и даже сделали больше, чем говорили.

Расходы на вооружение государств — членов Лиги наций достигают ежегодно сотен миллионов фунтов стерлингов. Меньше чем десять процентов этой суммы, причем лишь в форме займа, предотвратят страшную катастрофу…

Свое страстное выступление Нансен закончил словами:

— Я уверен, что каждый, кто осознает положение, скажет: "Европа не может оставаться в стороне, она должна спасти человеческие жизни, и спасти немедленно!"

Нансен покинул трибуну. Галерея, где находились представители прессы и рядовая публика, разразилась восторженными криками. Но делегаты в зале долго молчали, будто страх перед нравственной силой правды связал им язык. А когда заговорили, речи их были полны лицемерия. Разумеется, не обошлось без упоминаний о христианской любви и сострадании к ближним, о братстве народов, о нравственном долге. Пышные, красивые слова скрывали лютую ненависть к молодой революционной стране. И лишь один делегат, проговорившись, невольно выразил общую тайную мысль: "Мы должны спасти Россию, не спасая притом большевизма". Это походило на политическую формулировку.

Ровно четверть века назад, тоже девятого сентября, Нансен вернулся домой на «Фраме» после похода к Северному полюсу. То был наивысший триумф в его жизни. Неужели теперь он должен пережить свое величайшее поражение? Никогда на севере он не

страдал от мороза, как сейчас от леденящего холода в сердцах людей, сидевших в зале. Ненависть и мертвящее равнодушие убивали.

Что же решила Лига наций на своем заседании? Создать комиссию для изучения предложения доктора Нансена.

Томительно потянулись дни. Комиссия не давала ответа. И это когда каждый час, каждая минута были так дороги!

Наконец по прошествии двух недель комиссия удосужилась сообщить, что она "не может согласиться с доктором Нансеном".

Нансен снова вышел на трибуну Лиги наций. Могучая голова его запрокинута. Лицо бледно. Голос дрожит. С трудом сдерживая негодование, он произносит:

— В мои намерения не входило обращаться к частной благотворительности. Я поставил вопрос перед правительствами. Они остались глухи. В этот самый момент двадцати-тридцати миллионам людей угрожает голодная смерть. Если через два месяца не придет помощь, их участь решена. Но правительства отказали в кредитах. Я не верю в то, что это правильно. Я не верю в то, что это мудро. Я могу сказать только одно: это роковая ошибка!

Итак, мы вынуждены обратиться к частной благотворительности. Мы сделаем все, что только возможно. Но и здесь против нас подняла свою голову клевета. Вокруг кишат гнусные лживые слухи. Про первый поезд, отправленный в Россию, говорили, что он разграблен Красной Армией. Это ложь! И тем не менее ее вновь и вновь повторяют европейские газеты. Меня обвиняют в том, будто я отправил в Сибирь экспедицию с оружием для революции. Это ложь! Говорят, что мой друг капитан Свердруп возглавлял эту экспедицию, а на самом деле она доставила в Сибирь только сельскохозяйственные орудия.

Очевидно, вся эта мерзкая клевета исходит из какого-то центрального органа. Но откуда? Несомненно, от людей, которые заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать всякой помощи голодающим. Мне кажется, я знаю, чем руководствуются эти люди. Это боязнь, что наша деятельность укрепит советскую власть. Я убежден, что эта мысль ошибочна. Но допустим даже, что это на самом деле так. Найдется ли в этом собрании хоть один человек, который мог бы сказать: "Пусть погибнет лучше тридцать миллионов людей, чем помогать Советскому правительству". Я требую от собрания, чтобы оно дало мне ответ на этот вопрос!

Тревожная тишина стоит в зале — говорит совесть Европы. Правдивые слова, как отточенные мечи, разят беспощадно. Взгляды дипломатов, обычно такие уверенные, холодные,

беспокойно виляют. Но наверху, на галереях, глаза людей зажглись светом надежды.

— Правительства заявили, — продолжал Нансен, — что они не в состоянии раздобыть необходимые пять миллионов фунтов стерлингов. Все вместе они не могут дать для голодающих в России половины той суммы, которую стоит современный дредноут!

Я призываю европейские страны к борьбе с величайшим ужасом в истории человечества. Зима уже близка. Скоро реки в России станут, а сухопутный транспорт будет затруднен снежными заносами. Допустим ли мы, чтобы зима навсегда остановила сердца миллионов людей? Время еще есть. Но его осталось немного.

…Я не могу поверить, что народы Европы на протяжении долгих зимних месяцев будут сидеть сложа руки и спокойно взирать, как медленно умирают с голоду миллионы людей.

Ведь дело обстоит так: в Канаде в этом году урожай настолько хорош, что она может экспортировать в три раза больше, чем мы просим. В Америке хлеб гниет на складах, так как не находятся покупатели для сбыта. В Аргентине такой избыток маиса, что не знают, как от него избавиться, — его сжигают в паровозных топках. В гаванях Америки и Европы простаивают незафрахтованные суда. А по другую сторону, на востоке, голодают миллионы людей…

Дрожащий от негодования голос обретает твердость; сила его убежденности может сломить лед сомнения у каждого.

— Я уверен, — взывает Нансен к разуму и сердцу людей, — вы не останетесь в стороне и не скажете равнодушно: нам жаль, но помочь мы не можем. Во имя человечности, во имя всего, что для нас благородно и свято, я призываю вас, вас, которые сами имеют жен и детей, подумать о том, какой это ужас — видеть, как жена и дети идут навстречу голодной смерти. С этой трибуны я призываю правительства, народы Европы, весь мир оказать помощь!

Спешите, действуйте, пока еще не поздно!.,

Нансен покинул трибуну.

На миг весь зал замер в полном молчании. Затем галерея разразилась такими бурными одобрениями, каких Лига наций никогда не слыхала.

И только внизу, в зале, где сидели профессиональные политики, дипломаты, государственные деятели, все так же царило молчание.

Все же необходимо было что-то сказать. Представители нового мирового порядка не рискнули произнести свой

каннибальский приговор открыто. Ассамблея Лиги наций постановила созвать в Брюсселе конференцию, чтобы еще раз обсудить поставленный вопрос. Все прекрасно понимали, что то был грубый политический фарс.

С поникшей головой выходит Нансен из дворца Лиги наций. От всего пережитого он испытывает почти физическую боль. День принес самое большое поражение в его жизни. О, если бы оно касалось лишь его одного! Нет, смертный приговор вынесен десяткам миллионов людей. И вынесла его Лига наций, в благородное назначение и справедливость которой он так верил! Неужели его вера беспочвенна? Неужели сам он всего лишь романтически настроенный идеалист, заблуждающийся так наивно и так трагично? Нет, нет, лучше об этом не думать. Нельзя терять ни одной минуты. Каждая упущенная минута стоит человеческой жизни. Однако европейские дипломаты не спешат. Только через три недели собирается конференция в Брюсселе. Великие мира сего более не считают нужным скрываться под маской. Конференция объявляет решение: в помощи голодающим Поволжья отказать.

Почему? Почему?

Только потому, что советская власть не признала царских долгов. Пока они не уплачены, кредит на покупку хлеба не будет открыт. Голодающие люди станут заложниками. Таков смысл решения конференции.

Остается надежда только на частную благотворительность. И надо нагнать упущенное время! Все свои свободные средства Нансен отдает в пользу голодающих. В Женеве он открывает Центральное бюро помощи. В Берлине работает его помощник доктор Фрик, В Ригу свозятся все пожертвования. Оттуда их отсылают дальше в Россию. В Москве особое бюро распределяет продовольствие для наиболее нуждающихся в помощи районов Поволжья.

В Париже Нансен совещается с финансовыми экспертами. В Варшаве закупает зерно. В Гельсингфорсе подыскивает помощников, владеющих норвежским и русским языками. Вездесущ. Быстр. Деловит. И удивительно самоотвержен этот человек, живущий предельно скромно и отказывающий себе во всем, чтобы из пожертвованных сумм ни гроша не взять для своих бесчисленных переездов.

Первые поезда с продовольствием отправились в Поволжье необычайно скоро. Охраны для них не требовалось: волшебное имя «Нансен» повсюду служило гарантией.

И он сам едет в Россию. Два месяца проводит в местах, где царь-голод творит свое черное дело. "Спасти! Спасти!" — только

одной этой мыслью охвачен Нансен в те дни.

Он не позволяет давать волю чувствам — слишком велика задача, которую ему надо разрешить во что бы то ни стало. Вот так же, побеждая холод и тьму, шел он вперед и вперед к своей заветной цели — Северному полюсу. И стихия тогда покорилась ему, человеку, вдохновленному благородной идеей. Разумеется, и теперь тьма рассеется — свет победит. Вперед, и только вперед, ради людей, ждущих его помощи.

"Рождественское послание" Нансена летит во все страны мира, ко всем людям, чье сердце еще не превратилось в камень. Помогите! Спасите умирающих медленной, голодной смертью! — зовет его чистый, благородный голос. — Враги утверждают, что ваши пожертвования отнимает для себя Красная Армия. Это черная ложь! Ею не гнушаются политические изверги, ради своих выгод готовые погубить множество человеческих жизней. Я, которому вы всегда верили, гарантирую, что каждый пожертвованный грош доходит по назначению. В те же рождественские дни он по телеграфу обращается к главе английского правительства Ллойд Джорджу: "Помогите! Иначе разразится еще худшая катастрофа, и возникнет очаг новых бедствий. Заем в пять миллионов фунтов стерлингов может сотворить чудо на Волге…" "Если я хоть в какой-нибудь мере могу быть полезным вам, то я целиком в вашем распоряжении", — заключает свою телеграмму Нансен.

Ллойд Джордж даже не отвечает человеку, готовому отдать свою жизнь в уплату за помощь голодным. Справедливо заметил по этому поводу Герберт Уэллс: британское правительство, истратившее сто миллионов фунтов стерлингов на незаконную интервенцию в дела своего бывшего союзника, снова покрыло себя позором, отказавшись помочь умирающим с голоду. "Как мало мы научились человеческой солидарности, несмотря на урок, который преподала нам мировая война!" — таков горестный вывод Герберта Уэллса.

Скудные средства быстро истощались. Приток новых пожертвований был не велик. Нансен отправился в европейские столицы, чтобы личным, непосредственным обращением усилить помощь частных благотворителей.

На этот раз хранить спокойствие ему особенно трудно. Из России приходят телеграммы одна другой тревожнее: если до весны не придет продовольствие, то выдержат немногие. И хотя хочется кричать, как раненому зверю, он сдерживает себя перед слушателями, привлеченными его именем.

Война всегда и всюду влечет бедствия, говорит он. Россия на протяжении семи лет испытывала на себе зло сначала мировой,

затем гражданской войны, интервенции и в конце концов блокады. Экономика ее подорвана, транспорт в полном упадке. Однако основная причина голода — страшная засуха, из-за которой хлеб на полях сгорел. В результате гигантская кладовая, ранее снабжавшая зерном всю Европу, оказалась пустой.

Призрак смерти витает над селами и городами, собираясь пожать жатву более богатую, чем собирала война. В Поволжье разыгрывается небывалая по масштабам трагедия. Неописуемы переживаемые там страдания. Невозможно забыть молящие глаза детей, женщин, мужчин, давно не имеющих ни крошки хлеба.

Маловерам Нансен показывает потрясающей силы документы — фотографии, снятые им самим. Дантов ад… Убедительная, жуткая правда вставала перед теми, кто еще недавно пытался отмахнуться, возразить, уйти в сторону.

Приток пожертвований рос. Но одновременно прокатилась новая волна чудовищной лжи: "Фотоснимки Нансена фальшивые!" — заявила крупная парижская газета — орган банкиров. Другая бульварная газета повторила старую клевету: Красная Армия отбирает посылаемое продовольствие.

Клеветники действовали по испытанному правилу, согласно которому даже самая неправдоподобная ложь при частом повторении приобретает видимость истины. О, эта бесконечная дьявольская пропаганда! Она отравляла дело, которое с таким трудом удавалось наладить. И сколько сил отнимала борьба с подлостью клеветников!

Из страны в страну, из города в город ездит Нансен с сообщениями о положении в России. Из Скандинавии отправляется в Швейцарию, оттуда во Францию, затем в Англию. Позавчера выступал перед огромной аудиторией в Лондоне, вчера днем в Ливерпуле, а вечером уже в Манчестере, сегодня его слушали в Эдинбурге, а завтра будут в Глазго, затем в Ньюкасле, Бирмингеме, Кардиффе…

На обратном пути, в Лондоне, Нансен встретил своего старого норвежского приятеля. Тот упрекнул: "Зачем ты так стараешься для большевиков?" Это так взорвало Нансена, что, потеряв самообладание, потрясая кулаками перед лицом друга, он закричал: "Если бы ты видел то, что я видел, ты не посмел бы так говорить!"

Правда о России… Даже лучшие, честные люди имеют превратное представление о том, что происходит в этой стране. Как бороться с ложью и клеветой, распространяемой о молодом революционном государстве? Правдой! С такой целью Нансен организует в Женеве бюро информации для европейской прессы. Специальный корреспондент этого бюро, авторитетный

швейцарский журналист, ежедневно присылает из Москвы объективную информацию.

Удивительно много может свершить человек, захваченный великой идеей! Диву даешься, как только поспевал Нансен разрешать уйму задач, возникавших перед ним. Ежедневно, ежечасно надо было заниматься самыми различными вещами: отвечать на огромное количество писем, телеграмм, поступавших со всего света, заключать договоры с торговыми фирмами на поставку зерна, рыбы, одежды, лекарств, разрешать бесчисленные жалобы, просьбы, давать интервью… И ездить. Все время ездить, чтобы поддерживать частную благотворительность.

После большого турне по Европе он в Америке — убеждает, уговаривает, взывает: "Помогите людям в Поволжье!"

Работает не покладая рук, часто без сна, питаясь наскоро, кое-как. Иногда на него нападает отчаяние: не хватает сил для неравной борьбы с незримым, но могучим врагом. Тогда он говорит себе: "Я не имею права уставать!" — и продолжает свою неукротимую схватку с царем-голодом.

Лучи человеческой доброты согревают и поддерживают его силы в борьбе. Старый его друг Хольдт из Бергена присылает в "Фонд Нансена" собранные им в больнице деньги, в том числе пятьдесят крои от прокаженного, отдавшего все, что он может назвать своим. Почти пятьдесят тысяч франков поступило от пожелавшего остаться неизвестным французского поэта. Рабочий из Монтевидео прислал двенадцать тысяч песо — все свое состояние, скопленное за его трудовую жизнь.

Никогда в истории призыв одного человека еще не имел такого горячего отклика в сердцах людей. В "Фонд Нансена" стекаются пожертвования от людей всех национальностей, самых различных: имеющих достаток, но еще более от бедняков, знающих жестокий лик нужды.

Свыше сорока миллионов франков было собрано в "Фонд Нансена". По тому времени сумма колоссальная! И сделано было на эти деньги гораздо больше, чем они позволяли. Как? Прежде всего потому, что большинство сотрудников Нансена по его примеру трудились без всякой оплаты, самоотверженно, не за страх, а за совесть. Энтузиазм их творил чудеса, тем более что сочетался он с «нансеновским» методом работы — его научной плановостью, организованностью, продуманностью выполнения.

Десятки, сотни, тысячи вагонов с продовольствием, одеждой, медикаментами, закупленными на собранные средства, прибывали в Поволжье. Все это распределялось среди голодающего населения четко и справедливо. "Фонд Нансена" использовался в самые короткие сроки с исключительной

эффективностью. Недаром гласит народная мудрость: "Кто помогает быстро — помогает вдвойне".

Советское правительство высоко оценило деятельность норвежского гуманиста. В признание его величайших заслуг IX Всероссийский съезд Советов в. 1921 году вручил ему Почетную грамоту, которой до той поры не был удостоен ни один иностранец:

"Гражданину Фритьофу Нансену.

IX Всероссийский Съезд Советов, ознакомившись с вашими благородными усилиями спасти гибнущих крестьян Поволжья, выражает вам глубочайшую признательность от имени миллионов трудящегося населения РСФСР.

Русский народ сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробивавшего путь через вечные льды мертвого Севера, но оказавшегося бессильным преодолеть безграничную жестокость, своекорыстие и бездушие правящих классов капиталистических стран.

Председатель 1X-го Съезда Советов —
М. Калинин
25 декабря 1921 г."

В декабре того же года Московский Совет депутатов трудящихся избрал Фритьофа Нансена своим почетным депутатом.

Имя Нансена служило символом мужества, гуманизма, миротворчества. Но седина уже посеребрила его волосы, морщины выгравировали глубокие борозды на похудевшем лице. И только глаза, глаза мыслителя и борца за лучшие идеалы человечества, все так же пылали неугасимым огнем.

Пора, давно пора дать отдых усталому сердцу. Нет, жизнь зовет его к новой борьбе, к новым трудам. И опять ради спасения многих жизней.

Беда, как всякая беда, свалилась будто бы внезапно. Однако зарождалась она давно, исподволь, в условиях, самых благоприятных для возникновения всех несчастий, — во время войны. Длительный конфликт, возникший между турками и греками, завершился осенью 1922 года поражением греков. Победители беспощадно расправлялись с побежденными. Мирное армянское и греческое население анатолийского побережья в

ужасе бежало от турецкой кавалерии, чинившей насилия, грабежи, убийства. Около миллиона ни в чем не повинных людей пали жертвой варварской жестокости турок.

Спасшиеся укрылись в Константинополе под охраной европейских войск. Положение их было кошмарным. Голод и неизбежные его спутники — болезни — косили людей, не имевших пристанища.

К судьбе их Нансен не мог оставаться безучастным. По его инициативе был создан Международный комитет помощи анатолийским беженцам. Разумеется, ему поручили возглавить деятельность этого комитета. Так на свои плечи он принял новые тяготы. Немедленно выехал Нансен на Балканы.

ВЗОР ОРЛА

Лучшими будут считаться те,
кто шире сердцем обнимут мир.

М. Горький

Сложен и труден путь первооткрывателя, особенно если бредет он в запутанных ходах политического лабиринта. И нередко чистая река истины протекает через каналы заблуждений.

Стремление служить людям привело его, Фритьофа Нансена, — умудренного ученого, но неискушенного, бесхитростного политика, — в Лигу наций. Трагическое заблуждение! Там его наивная вера в земной рай разбилась о цинизм правителей, признававших только закон джунглей.

Разворачивается свиток жизни. Перед мысленным взором призрачными видениями возникают картины пережитого. Воспоминания о Лиге наций особенно тяжелы. Сколько горьких минут довелось испытать там, сколько душевной боли принесли разочарования в светлых мечтах!

Лютые враги революционной России обрекали на гибель миллионы голодавших людей. Призрак войны витал во дворце содружества наций. И хотя слова «мир» и «гуманность» произносились здесь часто, звучали они кощунственно.

Где искать выход?

Ответ должна была дать книга "Россия и мир". Вот она на полке, перед глазами, на корешке ее тиснеными буквами выписано имя автора — Фритьоф Нансен. Кто, как не он, изъездивший Россию вдоль и поперек, от Балтики до берегов Тихого океана, исколесивший Сибирь, Урал и Поволжье, мог правильно понять душу русского народа. Англичанин Герберт Уэллс считал, что Россия пребывает во мгле. Надо рассеять это глубокое заблуждение о стране, которой предначертано великое будущее.

Ненависть и глупость возвели непроходимую стену вокруг русского народа. Но тщетны попытки оторвать его от общечеловеческой культуры и цивилизации, можно не сомневаться, что он выполнит свою миссию в жизни Европы и всего мира. Порукой тому безграничные возможности строителей свободного государства. Культура и экономика его невиданно расцветут в благоприятных условиях нового общественного строя.

Можно ли ожидать, что подобное возрождение случится в

обескровленной, одряхлевшей Европе? Едва утихла буря мировой войны, как здесь опять нависают мрачные тучи. Прежние союзники враждуют между собой, готовятся к новому чудовищному столкновению.

Близится катастрофа… Как предотвратить ее?

Только упорная совместная мирная работа в состоянии спасти от гибели. Война наглядно показала огромную взаимную зависимость современных государств. Для мирной созидательной жизни еще более необходима координация всех экономических и культурных сил. Общее процветание возможно лишь при условии, если Европа будет "единым экономическим организмом, а не соединением скверно подогнанных частей". Спасение — в мирном разрешении общих проблем, а не в борьбе с мнимой "красной опасностью". Потому Запад и Восток должны протянуть друг другу руки. Только в таком случае Европа пойдет по пути экономического и духовного прогресса.

Вот основные мысли, заключенные в книге "Россия и мир". Прислушался ли мир к голосу автора? Нет. Западная Европа пошла еще дальше по губительному пути вражды.

Памятен знаменательный день в декабре 1922 года, когда пришла весть о том, что Нобелевский комитет присудил премию мира ему, Фритьофу Нансену. Смешанное чувство радости и горечи вызвало это сообщение. Награда была почетна! Однако что в действительности совершали европейские государства для укрепления мира? Призывали к новому "крестовому походу" против большевиков.

Награда жгла руки. С огромным удовлетворением отдал он большую часть своей премии на устройство показательных сельскохозяйственных станций на Волге и на Украине. Остальная часть денег пошла для помощи греческим беженцам из Турции.

Боже, какой вой подняли газеты, когда узнали об этом решении лауреата Нобелевской премии! Помогает большевикам! Да он сам большевик! Пускай Нансен одумается, пока не поздно!

По счастливому совпадению, в то самое время датский издатель Эриксен прислал такую же крупную сумму. И эти деньги пошли на те же цели: в Россию и греческим беженцам. Да будет всем известно, что слова Нансена не расходятся с делом!

Согревает воспоминание о встрече с английской молодежью, когда в полный голос удалось высказать свои взгляды. То было в 1926 году. Студенты университета святого Андрея в Шотландии по старкой традиции выбирали себе лорда-ректора. В том году, впервые в истории университета, почетным избранником оказался иностранец — Фритьоф Нансен. Это означало, что юношество признало его своим духовным вождем.

В «тронной» речи перед студентами лорд-ректор говорил о прогрессе.

— Никто не оспаривает, — сказал он, — что человечество неизменно развивается. Но в каком именно направлении? Подлинно прогрессивное движение должно иметь свою определенную цель. К сожалению, современная Европа не знает такой цели.

Представим на миг, что какой-нибудь мыслитель древних времен, например Сократ, явился бы в наше современное общество. Разумеется, мы принялись бы демонстрировать ему свои изумительные изобретения и научные открытия. Пускай поглядит и позавидует, как мы далеко шагнули вперед! Однако как бы не посмеялся он над нами снисходительно, как мы смеемся над наивными детьми, показывающими свои любимые игрушки.

Сомнительно, чтобы мы могли доказать превосходство так называемого «цивилизованного» человека над его «нецивилизованными» предками. Будем скромны! Наше развитие от уровня обезьян остановилось на ступени кроманьонцев и прежде всего из-за современных социальных условий.

Правда, человеческая раса продолжает изменяться и притом изменяется быстро. Но если в неправильном направлении?

Что, если бы обитатели другой планеты увидели, как мы ведем себя на нашей маленькой планете? Могли бы они подумать, что землю населяют интеллигентные люди? Кажется, Бернард Шоу сказал, что ему неведомо, как живут обитатели других планет, но он глубоко убежден, что они пользуются нашей землей в качестве сумасшедшего дома.

Хотя лорд-ректор нарисовал довольно мрачную картину жизни, молодые люди внимали каждому его слову. Ведь он говорил сущую правду, да и они сами не представляли свое будущее в розовом свете.

— Все же будем верить, — продолжал лорд-ректор, — что мы живем весной, из которой родится сияющее лето. Молодежь должна сотворить такой мир, где каждый сможет жить соответственно своим способностям. Мужество и ощущение свободы — необходимые качества для путешествия по жизни, обладание ими иногда неизмеримо ценнее, чем технические достижения.

Однако необходима и третья богиня — романтика. Именно она вдохновляет людей к познанию, ведет их вперед. Романтика рождает в людях дух отваги и извечное стремление преодолевать трудности на непроторенных путях исканий. Романтика придает человеку божественные силы для путешествия в страну по ту

сторону обыденности, это могучая пружина в человеческой душе, толкающая на великие свершения.

Для большинства простых смертных жизнь — путешествие от порта к порту вдоль неопасных берегов. Правда, могут попасться рифы и мели, однако имеются карты и указатели верного курса, и даже если случится что-либо непредвиденное, то всегда есть возможность укрыться в ближайшем порту. Удел таких людей — комфортабельное, хотя и скучное, существование.

Но есть люди, для которых путешествие вдоль берега не по вкусу. Они стремятся к высоким целям, ради которых только стоит жить и стоит умереть. Им, идущим по новым, непроторенным путям, принадлежит будущее.

Убежденно обращал он эти слова к молодежи, ибо без ложной скромности мог утверждать, что сам никогда не стремился к тому, что могли выполнить другие.

— Юные друзья! — продолжал лорд-ректор. — Каждый из вас должен найти свой и только свой путь. Признавайте авторитеты, уважайте старость, однако еще более полагайтесь на собственный взгляд, держите глаза открытыми! Истина, добытая тобой самим, пусть и незначительная, в десять крат ценнее заимствованной, ибо она не только расширила твои познания, но и обострила твои способности видеть. Самая большая задача в жизни — найти самого себя!

И не отягчайте свой полет мелочами, которые принято называть жизненными потребностями. Помните: утяжелив тело, мы укорачиваем крылья.

Не раз задумывался я, в чем секрет успеха лыжного перехода через Гренландию — моего самого счастливого предприятия в молодости. Секрет в том, что я тогда "сжег корабли" и "уничтожил за собой все мосты". Отступать было некуда, и я не терял времени на оглядку. Ничего иного не оставалось, как идти вперед. Дойти или погибнуть!

О молодость, молодость!.. Какое изумительное слово! Неведомые миры, скрытые утренним туманом, открываются вам, юноши. Вы отправляетесь навстречу им, перед вами возникают таинственные острова, манящие их посетить, проступают волшебные горы, ожидающие, что вы подниметесь на их вершины, простираются дремучие леса, зовущие, чтобы вы их исследовали, раскидываются бесконечные равнины, приглашающие путешествовать.

Свободные, как птицы небесные, вы плывете под парусами к солнцу, бродите по земному шару…

Изумительно видеть, как просыпается день, и знать, что перед вами еще долгий путь через девственные земли. Вы презираете

риск и смеетесь над опасностью. У руля победоносная уверенность юности. Ей не страшны бури! И смотрите: в смутной дали возникает новая чудесная страна…

Все мы должны искать свою чудесную далекую страну. Долг наш — найти туда путь. Может быть, это дальний, трудный путь, но голос жизни зовет туда, и мы должны следовать его зову. Это делает нас глубже, выше, благородней…

Так закончил лорд-ректор свое обращение к студентам. Животворная сила, заключенная в ненасытном стремлении молодежи к деятельности, внушала ему веру в лучшее будущее человечества. Ведь весна неизменно творит свои чудеса на земле.

Не мог упрекнуть себя Фритьоф Нансен, что жил, нарушая свои воззрения. Даже возраст не сдерживал его неизменных стремлений в далекую страну мечтаний. Чутко прислушивался он к голосам жизни, призывавшим неустанно искать, действовать. И, конечно, не вина его, а беда, что он, неустанный борец за истину, так наивно заблуждался в своей вере в возможность воцарения красоты и справедливости в буржуазном мире.

На шестьдесят пятом году жизни он едет в Армению, изучает армянский язык, тщательно знакомится с историей, культурой, литературой этого народа. По силам ли была ему эта задача? Но разве мог он поступить иначе, если был занят проблемой устройства миллиона армянских беженцев из Турции?

Вернувшись через Кавказ и Поволжье в Западную Европу, он, извечный защитник страждущего человечества, хлопочет в Лиге наций о судьбе людей, изгнанных из своей родины. "Единственное место, — заявляет он, — где в настоящее время можно устроить неимущих армянских беженцев, это Советская Армения. Здесь, где несколько лет назад царили разруха, нищета и голод, теперь благодаря заботам Советского правительства установлены мир и порядок и население стало в известной степени даже зажиточным".

Лита наций слушает голос "совести народов Европы". Государственные деятели снова дают клятвенные обещания помочь бедствующим людям, произносят трескучие фразы о "попранных человеческих правах", о "священном долге христиан" и, конечно, о своем гуманизме.

Однако, как и ранее (в который уже раз!), все это оказывается лицемерием, фарисейством, грязной политической игрой. Только несколько десятков тысяч армянских беженцев удается поселить в Сирии. Остальные, почти миллион людей, были брошены на произвол судьбы.

Европейские государственные деятели назвали все это "реальной политикой". Можно было потерять мужество от такого

цинизма. Нет, и тогда "совесть Европы" стойко продолжает борьбу. Его оружие — разящее печатное и устное слово. В 1927 году выходит в свет его книга "По Армении" — обличительный документ о положении народа-изгнанника.

"О, если бы вы, современные государственные деятели, хотя бы не произносили выспренних слов о своем гуманизме и не отнимали веры в то, что вопреки всей истории в жизни еще сохранилось что-то священное!" — бросал гневные слова автор этой книги. И, как обычно, словам его сопутствовали дела. Потому он, шестидесятишестилетний человек, совершает длительную поездку по американским городам, чтобы своими лекциями собрать средства в пользу беженцев, лишенных крова и пищи. Таков был его ответ на "реальную политику" деятелей Лиги наций! Да, совесть его может быть чиста — он поступал по ее зову и делал все, что только было в его силах, чтобы помочь человечеству.

Вот в его доме ряды книг на полке. Там рядом с трудом об Армении книга "Через Кавказ на Волгу" — сборник очерков, проникнутых горячей любовью к стране и людям, которых довелось встретить на этом пути.

А по соседству труды совсем из другой области: о колебаниях климата на севере, о колебаниях климата в историческое и послеледниковое время, о формах коры на поверхности многострадальной, терпеливой земли.

Да, наука не может пожаловаться, что Нансен забыл, забросил ее. Наоборот, за последние годы удалось сделать многое. Взоры его вновь обратились туда, где дрейфовал некогда "Фрам".

Казалось бы, что в Арктике все оставалось по-прежнему. Все так же царили там холод и мрак, подчиняясь каким-то капризным законам, дрейфовал лед, одинокие медведи бродили в белой пустыне, над которой величественно пылало северное сияние.

Нет, всемогущее время и тут произвело свои волшебные изменения — мертвая Арктика ожила!

Уже первый строитель аэростата, португальский монах Бартоломео Гузмао, указал в 1809 году, что при помощи этого аппарата можно будет открыть страны, расположенные у полюсов Земли. Однако потребовалось почти два века, чтобы начались попытки в этом направлении. Пионером этого дела был шведский инженер Соломон Август Андре, решивший достичь Северного полюса на воздушном шаре. Смелая затея Андре закончилась трагически — он погиб, не достигнув цели.

Раб ветра — неуправляемый воздушный шар, очевидно, не годился для такого трудного и сложного предприятия. Но вот

появились самолеты — летательные аппараты, подчиняющиеся воле человека. Первым, рискнувшим использовать их в Арктике, был русский летчик Нагурский. В 1914 году для поисков пропавшей экспедиции Г.Я. Седова он совершил пять вылетов на север от Новой Земли.

С тех пор авиация все чаще стала применяться в Арктике.

Безрассудно отважный, но склонный к сенсациям, Руал Амундсен снарядил экспедицию на двух самолетах для достижения Северного полюса. Риск его не оправдался. Совершив вынужденную посадку на лед и бросив один самолет, он вернулся на другом, когда все уже считали его погибшим.

9 мая 1926 года, после Амундсена через год, американец Ричард Бэрд вместе с летчиком Ф. Беннетом достигли на самолете Северного полюса. Описав круг над заветной точкой земного шара, Бэрд благополучно вернулся на Шпицберген. Весь полет, продолжавшийся 14 часов 40 минут, был выполнен им безукоризненно четко, однако научных результатов не дал почти никаких.

Ровно через три дня Амундсен на дирижабле «Норвегия» не только повторил этот полет, но пролетел дальше, до самой Аляски. Все же и этот рекордный рейс принес очень мало пользы науке.

Итальянец Умберто Нобиле в 1928 году решил обследовать Центральную Арктику на дирижабле «Италия». После первого удачного опыта при вторичном полете с «Италией» произошла катастрофа.

Большую часть участников этой несчастной экспедиции спасли советские летчики и моряки. Остальных пропавших без вести людей отправился искать на самолете Амундсен. Отважный старый викинг, совершая этот подвиг, погиб сам в море.

Трагические неудачи… Но разве случалось в истории, что первые неудачи останавливали прогресс? Правда, риск новизны всегда пугал малодушных и не умеющих глядеть вперед. Особенно часто так поступают те, кто почивает на старых лаврах и цепляется за свою обветшалую славу.

Никто не посмеет бросить упрек Фритьофу Нансену, что он противился новым методам исследования Арктики. Он первым признал, что столь испытанные им экспедиции на лыжах и в санях с собачьей упряжкой должны отойти в область предания. По его инициативе образовано Международное общество «Аэроарктик» для изучения Арктики с помощью воздушных кораблей. И недаром пожизненным президентом общества избрали его самого,

Президент «Аэроарктик» выдвинул проект изучения

центральной части Полярного бассейна путем создания зимовок на дрейфующих льдах. Эти плавающие лаборатории должен доставить в различные, заранее намеченные районы дирижабль типа "цеппелин".

Много возражений пришлось выдержать тогда автору проекта. "Фантастично! Слишком смело! Слишком рискованно! И кто возьмется осуществить такое сложное дело?" — говорили скептики и маловеры. "Я! Я сам полечу на цеппелине!" — ответил президент общества «Аэроарктик». На это послышалось недоуменное: "Вы? В вашем возрасте…" — "Старость не так страшна, гораздо опаснее устарение — отставание от жизни", — отпарировал президент.

Когда тяжелая болезнь приковала к постели, трудно воображать себя могущим осуществить и менее грандиозные замыслы. Однако Фритьоф Нансен энергично работал для реализации своего проекта.

Прежде всего необходимы были средства для приобретения цеппелина. Требовались большие деньги. Чтобы собрать их, пришлось прибегнуть к не раз испытанному способу: поехать по городам Америки и Канады с лекциями. Не легкое это занятие, тем более что лектору уже было под семьдесят лет. И кое-кто поговаривал, что вообще прославленному человеку унизительно браться за такое прозаическое дело. На то он возражал смеясь: "Звезда не боится, что ее примут за светлячка".

Огромный интерес слушателей поддерживал Нансена, вливал в него силы. Особенным успехом пользовалась тема: "Арктический транспорт в 2000 году". Дерзновенный полет мысли в будущее позволял нарисовать необычайную картину полного покорения севера человеком. Сколько интересного сулило грядущее время!

Как досадно, что силы так угасают!.. Еще совсем недавно, только в прошлом году, когда прилетела печальная весть о гибели смельчака Руала Амундсена, он, Фритьоф Нансен, бросил в море венок из цветов. По старинному обычаю, то была дань морю в память погибшего героя. Не думалось тогда о собственной смерти. Не приближается ли его черед последовать за своим более молодым другом?..

И ОРЛЫ ЗАКРЫВАЮТ ГЛАЗА НАВСЕГДА…

Ни перед кем он главы не склонял. Румсдален мой непокорен, горд,

Бьёрнстьерне Бьёрнсон

В Норвегию пришла весна. С каждым годом владелец «Пульхегды» испытывал все большее волнение от ее прихода. Много раз встречал он весну в других странах, и там она тоже бывала прекрасной, однако в Норвегии казалась ни с чем не сравнимой.

Рождалась она из обновленной земли, нарядной и радостной повелительницей всей природы. Ее можно было видеть, слышать, вдыхать в сосновых лесах Люсакера, в тихих заводях фиорда, в окрестных горах. Повсюду весна пела свой гимн жизни.

Утренний свет полон обещаний. Вероятно, поэтому хозяин «Пульхегды» обычно начинал свой день рано. Начинал с прогулки по лесу. Там, в тиши лесной, хорошо думалось о жизни. Приходили и воспоминания. Они уносили его в далекое невозвратное детство. Вот крутая заснеженная гора возле усадьбы Сторе-Френ. Вихрем несется мальчик Фритьоф с вершины горы. Лыжи его разные и скорее похожи на две кривые доски. Неудивительно, что он падает кубарем. Зато какие чудесные лыжи подарил друг отца Фабрициус. Не мудрено, что, имея их, захотелось стать чемпионом. И он действительно стал чемпионом мира по лыжам. Так юного лица его коснулись первые лучи славы.

Но слава уже тогда мало волновала Фритьофа. Правда, в те времена он еще не нашел истинную цель своей жизни. Скорее по зову сердца, чем по велению рассудка, отправился он в далекое плавание на "Викинге".

Призыв сердца не обманул — в неведомом царстве льдов и ночи обрел он свою жизненную цель: Арктика… Он, Фритьоф Нансен, должен раскрыть ее тайну на благо всего человечества.

Дерзновенный переход на лыжах через Гренландию был только прелюдией величайшего подвига. Дрейф «Фрама» и поход с верным спутником Яльмаром Иохансеном к Северному полюсу — триумф, увековечивший их имена в истории человечества. Слава Нансена, казалось, достигла тогда апогея.

Нет, он идет дальше, вперед! Неизменно вперед! Девиз его жизни — фрам. Национальный герой Норвегии вправе сказать о себе, что не в лести зеркал искал он собственную красоту.

О, если бы жизнь не была столь короткой и человек имел больше времени добиваться той красоты, для которой рожден! И если бы не приходилось так расходовать ее на борьбу с людской ненавистью, соперницей ее — равнодушием и самодовольной глупостью, увешанной орденами. Много сил отдал Нансен на эту борьбу.

Хотя ему под семьдесят, до появления изнурительной болезни никак нельзя было назвать его стариком. Энергия была неиссякаемой, голос звучал молодо, сильно, как голос капитана, привыкшего повелевать своим экипажем и уверенно вести корабль в штормы и среди рифов. Льдинки серых глаз его вспыхивали большим внутренним огнем. Ходил он быстро, спортивной походкой.

Все так же не угасал творческий дух. Ничего, что белые волосы на голове поредели, а на лбу выступили жгуты вздувшихся вен. Ученый, путешественник, художник продолжал жить в труде и мечтах. Нет, не следует думать, что он витал в эмпиреях. Научное исследование, начатое им тогда, посвящено было возникновению и движению глетчеров. Намеченный полет на цеппелине подкреплялся четко разработанным планом.

А кроме того, имелось много текущих дел: заботы по устройству армянских беженцев из Турции, хлопоты по постройке в Норвегии и на Аляске причальных мачт для дирижабля, подготовка к волнующему выступлению 17 мая в столице — четверть века назад в тот день его родина стала на путь независимости.

Щедро тратил Нансен силы своей души. Надвигалась неумолимая болезнь.

Первый тревожный сигнал прозвучал в канун нового, 1930 года. На лыжной прогулке Нансен, ходивший быстрее всех, в этот раз почему-то отставал и в конце концов оказался далеко позади. Обеспокоенные спутники бросились назад к нему. Они нашли его в полуобморочном состоянии, только лыжная палка, на которую опирался Нансен, не позволяла ему упасть в снег.

Сначала врачи определили воспаление вены на ноге, затем закупорку сосудов легких. Требовался полный покой!

На протяжении всей жизни Нансен не разрешал себе оставаться бездеятельным, и вынужденный покой особенно тяготил его. Ведь так много осталось еще незавершенным и так много ожидает своего воплощения!..

Томительно тянулась зима. А когда, наконец;, явилась весна,

ее волшебный голос пробудил в душе Нансена какие-то скрытые силы. Так бывало в юности и в зрелые годы, так случилось и теперь. Болезнь отступила поспешно, словно испугавшись прилива жизненных сил. Нансен поднялся с постели и почувствовал себя настолько хорошо, что принялся за работу.

Его письменный стол и даже кровать, украшенная в древнем норвежском стиле резьбой по дереву, были завалены книгами, рукописями, картами. Скоро он был готов для полета к Северному полюсу.

Он лелеял мечту отправиться потом в путешествие на яхте вокруг света, чтобы повидать Египет, Индию, острова Тихого океана. И еще хотелось побывать в Центральной Азии.

Капитан Отто Свердруп, профессор Ворм-Мюллер, художник Вереншельд часто навещали кабинет в башне дома «Пульхегда». Старые друзья шутили, смеялись, обсуждали предстоящее совместное кругосветное плавание на яхте.

Случалось, разговор переходил на литературу, и тогда неизменно вспыхивал спор: "Кто могучее: Ибсен или Достоевский?" Величием своего таланта Нансена пленяли оба писателя. Много лет назад пьесы Ибсена оказали огромное влияние на формирование характера молодого Фритьофа, внушив ему неукротимое стремление воспитать свою волю. Однако с годами все более захватывал гений русского писателя, его необычайное проникновение в глуби человеческой души. Князь Мышкин и Алеша Карамазов — любимые герои… И это понятно: они так чутко и так близко к сердцу принимали людские страдания.

По-прежнему страждущее человечество занимало все помыслы Нансена. Невольно он мрачнел, когда задумывался над тем, что творилось в Европе, особенную тревогу внушали ему темные силы, поднявшие голову в Германии.

Только приход Лив с детьми всякий раз заставлял расцветать взор.

— Не устал? — заботливо обращалась она к отцу.

— Нет, нет, нисколько. Бодр, как рыба! Все думаю, сколько еще дел надо совершить…

— Ну как тебе, лучше, дедушка? — Маленькая Ева смело взбиралась на колени деда.

— Конечно, лучше, моя дорогая. Я скоро пойду с тобой гулять.

Трехгодовалый Фритьоф не походил на свою сестренку и робко жался у входа в кабинет.

— Входи, Фритьоф!

Тотчас начиналась любимая игра обоих Фритьо-фов — деда и

внука.

— Бу! Бу! — пугал внук, изображая страшного медведя.

— Ой, ой!.. — пугался дед.

Как бы его сердце ни было усталым, никогда, ни к кому оно не бывало равнодушным.

Последние дни почему-то с особенной остротой вспоминался старый школьный товарищ Карл Дауес. Странно представить — он уже адмирал в отставке. Вот на столе еще не отправленное ему письмо: "Пульхегда. 11 мая 1930 г. Дорогой Карл! Лежу и вспоминаю Тебя. Несколько дней назад читал Твою умную статью. И вот получил письмо… Удивительно представить, что мы уже стали стариками. Но мне кажется, что еще совсем недавно мы были молодыми, полными надежд юнцами. Жизнь лежала перед нами, как неведомая, сказочная страна. О, это было чудесное время… Мы обязательно должны встретиться. Здоровье мое улучшается постепенно. Надеюсь, скоро увидимся…"

И как верный, испытанный друг вспоминался «Фрам». Стойко принимал он на себя штормовые натиски льдов в Арктике, выдерживал их злые удары и смертельные сжатия, не раз спасая от неминуемой гибели. Старый корабль долго и преданно служил науке: ходил со Свердрупом на Крайний Север от Американского материка, побывал с Амундсеном в Антарктиде, наконец, совершил почетное плавание — флагманом судов всего мира прошел Панамский канал на торжестве его открытия.

Теперь «Фрам» на покое, на берегу. Над ним выстроен защитный дом, чтобы в веках люди могли любоваться драгоценной реликвией и вспоминали молодость корабля, мужество и подвиги его экипажа в походе к Северному полюсу.

Было 13 мая 1930 года — черные знаки этой даты пялились на календаре в башенной комнате «Пульхегды». Стрелки стенных часов приближались к пяти. Нансен встал из-за стола. Сегодня работалось ему легко, хорошо, стопка исписанных листов бумаги на столе свидетельствовала, что сделать удалось много — исследование о происхождении глетчеров двинулось далеко вперед.

Из окна кабинета в башне были видны горы, уже покрывшиеся зеленым ворсом трав, синее море неба с плывущими облачными кораблями, тысячерукий лес, отражавшийся в голубоватом зеркале фиорда. Природа неудержимо манила к своей красоте!

Нансен вышел на балкон. Сел в кресло, которое для него поставила Кора — жена сына Одда.

Деревья возле дома выросли высоко, а кусты стали густыми. Яблони в саду уже были в светлом наряде, сияя своей немой

красотой, они казались особенно нежными рядом с суровыми иглами сосен и елей.

По-весеннему тепло сочеталось с прохладой. Ветер задевал своим легким крылом листву и тем вызывал ее тихий ропот. Где-то вблизи резвый ручей, смеясь, прыгал с камня на камень. А сверху властный глаз солнца пристально рассматривал свои земные владения.

Какое блаженство в такой день купать свое лицо в солнечных лучах!

Нансен закрыл глаза… Игрой света и теней от узорчатых листьев природа по-матерински ласкала его усталое лицо, убаюкивала и как будто шептала: "Отдохни! Ты свершил все, что только мог свершить человек…"

— Как хорошо, что у нас в саду столько деревьев! — сказала Кора,

— Только одна липа еще не зазеленела! — тихо откликнулся Нансен. — Но скоро и она распустится, тогда я испытаю пришествие второй весны. Весна…

Он не договорил. Лицо его, обращенное к солнцу, как будто улыбалось какой-то мудрой, доброй мысли,

— Зелень у молодых лип такая свежая, свежая… Не правда ли, они удлиняют весну?..

Нансен не ответил невестке. И улыбка не сходила с его лица. Но вдруг его могучая голова склонилась вбок, вперед, словно он хотел сесть поудобнее к солнцу.

Кора подбежала, подняла упавшую голову, и тогда Нансен на миг открыл глаза, поцеловал лоб склонившейся над ним женщины и неслышно глубоко вздохнул. То был последний его вздох…

Норвегия осталась без Нансена, Да и весь мир осиротел без этого Человека,

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. НАНСЕНА

1861 г., 10 октября — день рождения Фритьофа Нансена.

1880 г. — окончание реального училища в Христиании.

1882 г., март — июль — плавание на зверобойном судне «Викинг» к берегам Гренландии.

1883 г. — Нансен — лаборант в музее г. Бергена.

1885 г. — выход в свет первой научной работы "Материалы к анатомии и гистологии мизостом".

1886 г., апрель — защита докторской диссертации;

весна — лето — научные занятия в Италии.

1888 г., июнь — высадка на восточном берегу Гренландии;

август — достижение западного берега Гренландии.

1889 г., май — возвращение из Гренландской экспедиции в Норвегию;

— Нансен удостоен медали «Вега» Шведского общества антропологии и географии;

женитьба на Еве Саре.

1892 г. — доклад в Лондонском географическом обществе о проекте экспедиции к Северному полюсу;

октябрь — спуск на воду корабля «Фрам».

1893 *г., июль* — «Фрам» отправляется из Норвегии в экспедицию к Северному полюсу.

1895 г., март — отправление в санный поход к Северному полюсу. Достижение 86°14′ северной широты.

г. — возвращение а Норвегию из экспедиции к Северному полюсу.

г. — избрание почетным членом Российской Академии наук.

1906–1907 гг. — Нансен — норвежский посол в Англии.

1907 г. — смерть Евы Нансен.

1908 г. — Нансен — профессор океанографии в университете г. Христиании.

1912 г. — плавание к Шпицбергену на шхуне "Веслемё".

1913 г. — плавание на пароходе «Коррект» /. устью Енисея, затем путешествие по Сибири.

1914 г. — выход в свет книги "В стране будущего" ("По Сибири"),

1917 г. — дипломатическая миссия в США.

1919 г. — женитьба на Зигрун Мунте.

1920 г. — Нансен — верховный комиссар Лиги наций по репатриации военнопленных.

1921 г. — помощь голодающим в Поволжье. Декабрь. Получение Почетной грамоты IX Всероссийского съезда Советов. Избрание почетным депутатом Московского Совета депутатов трудящихся.

1922 г., декабрь — присуждение Нобелевской премии мира.

1923 г. — выход в свет книги "Россия и мир".

1925 г. — помощь армянским беженцам из Турции.

1926 г. — избрание лордом-ректором Шотландского университета.

1928 г. — поездка по Америке для сбора средств в пользу армянских беженцев. Поездка в Ленинград для подготовки полета к Северному полюсу на дирижабле.

1929 г. — издание книги "Через Кавказ на Волгу".

1930 г., 13 мая — смерть Фритьофа Нансена.

БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ Ф. НАНСЕНА

Фритьоф Нансен, Собрание сочинений в пяти томах. Главсевморпуть. Ленинград, 1937 г.

Фритьоф Нансен, «Фрам» в Полярном море. Москва, 1956 г.

Фритьоф Нансен, В страну будущего. Петроград, 1915 г.

Фритьоф Нансен, На лыжах через Гренландию. Жизнь эскимосов. Ленинград, 1937 г.

Фритьоф Нансен, На Крайнем Севере. Петербург, 1904 г.

Фритьоф Нансен, Среди тюленей и белых медведей. Москва, 1928 г.

ЛИТЕРАТУРА О Ф. НАНСЕНЕ

Анучин Д.Н., Фритьоф Нансен, его подвиги и открытия.

Анненская А.Н., Фритьоф Нансен и его путешествия, 1922 г.

Анненская А.Н., На лыжах через Гренландию, 1897 г.

Броггер В. и Ролфсен Н., Фритьоф Нансен, СПБ, 1896 г.

Броггер В., Фритьоф Нансен. СПБ., 1896 г.

Визе В.Ю., Моря Советской Арктики. Ленинград, 1939 г.

Добровольский А.Д., Фритьоф Нансен — выдающийся полярный исследователь, 1956 г.

Зубов Н.Н., В центре Арктики. Очерки по истории исследований физической географии Центральной Арктики. Москва, 1948 г.

Меч С.П., К Северному полюсу. Петроград, 1924 г.

Меч С.П., Полярное путешествие Нансена. СПБ, 1916 г.

Маликов В., Герой ледяных пустынь. Москва, 1927 г.

Попова О.Н., Герой полярной ночи и вечных льдов. СПБ, 1896 г.

Станкевич В., Нансен Фритьоф. Путешествие через Гренландию к Северному полюсу и в Сибирь. Берлин, 1923 г.

Сно Е.Э., Отважный путешественник Фритьоф Нансен.

Терли, Чарльз, Фритьоф Нансен. Москва. 1936 г.

Bauer, Walter, Die langen Reisen (Eine Nansen-Biographie). München, Kinder Verlag, 1956 (Albert Schweitzer-Buchpreis, 1956).

Nockher, Ludwig, Fridtjof Nansen (Polarforscher und Helfer der Menschheit). Stuttgart, 1955

Bär, Harry, Fridtjof Nansen. Der Wagehals Norwegens. Berlin, Kinderbuchverlag, 1957

Enzberg, Eugen, Fridtjof Nansens Erfolge. Stuttgart, 1909.

Wolfgang, Sonntag, Fridtjof Nansen. Weimar, 1958.

Liv Nansen, Nansen og Verden. Oslo, 1955

ОБ АВТОРЕ

Александр Викторович Таланов родился в 1901 году в семье ученого, агронома-селекционера. По окончании средней школы отправился рабочим в одну из первых экспедиций Севморпути к устью рек Енисея и Пясины. Затем учился в Ленинградском институте востоковедения на японском отделении.

В начале тридцатых годов стал профессиональным журналистом. Сотрудничал сначала в центральных отраслевых газетах "Легкая индустрия" и "Экономическая жизнь", потом в журналах "Театр и драматургия" и "Молодая гвардия".

Его пьеса "Случай на море" и инсценировка романа Жюля Верна "Таинственный остров" шли на сцене многих детских театров страны, балет по его либретто "Алые паруса" был поставлен в Большом театре СССР.

В годы Великой Отечественной войны А. Таланов служил рядовым в пехоте, затем во фронтовой авиационной печати.

В дни войны Таланов написал книги очерков: "Глаза армии" и "Над Берлином", посвященные подвигам советских летчиков. В послевоенное время — о первом русском китаеведе Н. Бичури-не — "Друг Чжунго" (соавтор Н. Ромова), премированную на конкурсе Детгиза, книгу очерков "В стране белых ночей" — о Советской Карелии и повесть "Победитель неба".

А.В. Таланов — член Союза советских писателей и Союза журналистов СССР.

notes

Примечания

1

В.И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 149